

БИБЛИОТЕКА
ВСЕМИРНОГО
КЛУБА
ПЕШЕРБУРЖЦЕВ

ЕФИМ КУФЕРШТЕЙН

СТРАННИК НЕЧАЯННЫЙ

Книга о Николае Агнивцеве — поэте и драматурге

Efim Kufenstein

„A WANDERER BY CHANCE“

A book about Nikolai Agnivitsev, a poet and playwright.

„A book about Nikolai Agnivitsev...“ by Efim Kufenstein is the first book on the life and works of N. Ya. Agnivitsev who became famous in the beginning of our century for his „My Ditties“ and collected poems on Petersburg. N. Agnivitsev is known as one of the founders and a playwright for the first Russian cabaret theatres. The book tells about „Crooked Jimmy“, one of the most well-known cabaret theatres of that time.

This is the first publication of the materials on relationship between the poet and the composer I. Dunayevsky, of the list of Agnivitsev's works set to music by other composers. Collected poems „My Ditties“ published in Berlin in 1921 are attached here. This is also the first Russian edition of the poem „Gorodovoy“ („Policeman“).

The poems „I am a child today“ and „The first“ found by E. Kufenstein in half-forgotten magazines of 1913 shed light to some circumstances of the poet's biography.

Rare photographs of N. Agnivitsev and a playbill of the theatre „Crooked Jimmy“ taken from the archives of M. S. Lesman are presented.

The book „A wanderer by chance“ was published in 1997 within „The library of the world club of Petersburgers“ series.

Efim Kufenstein has been working as a guide and lecturer on the history and culture of Petersburg since 1985. He is the author of more than two hundred original subjects for lectures, walking and bus excursions.

During seven years E. Kufenstein delivered lectures in the State Museum of a History of St.-Petersburg and House of Peace and Friendship.

E. Kufenstein is an author of three books and numerous publications in newspapers. He has been studying the life and works of the poet and playwright N. Ya. Agnivitsev for about thirteen years.

ЕФИМ КУФЕРШТЕЙН

СТРАННИК НЕЧАЯННЫЙ

(Книга о Николае Агнивцеве—поэте и драматурге)

Издание 2-е, исправленное и дополненное

Библиотека Всемирного клуба петербуржцев
Санкт-Петербург
1998

К ЧИТАТЕЛЮ

С поэзией Николая Агнивцева я впервые познакомился когда-то в доме моего одноклассника — ныне известного актера Михаила Козакова. По старой потрепанной книжке — видимо, из библиотеки своего отца-писателя — Миша читал нам «Сантуццу» и «Пажа Леама», «Николетту» и «Вот и все», всякий раз превращая чтение в маленький спектакль: яркая театральность агнивцевских стихов к тому располагала. Сама же личность автора представлялась загадочной, начиная с имени. Известный в ту пору оперный певец, чья фамилия звучала идентично, писался «Огнивцев», и это было понятно: от «огонь», «огниво». А почему «Агнивцев»? Уж не от Агни ли — древнеиндийского бога огня (начитанные питерские ребята, мы уже знали о его существовании)?

С тех пор прошло много лет, стерты многие «белые пятна» в истории русской поэзии, но фигура Николая Агнивцева по-прежнему окружена дымкой тайны. Даже в книге «Поэты «Сатирикона» («Библиотека поэта», Большая серия, 1966) имя его лишь упоминается в предисловии, а стихи не представлены. Возможно, серьезные литературоведы считали Агнивцева недостаточно серьезной фигурой для того, чтобы заниматься им персонально. Между тем, стихи поэта вопреки всему жили, читались и перечитывались, как свидетельствует хотя бы только что приведенный эпизод из моих школьных лет.

Тем важнее работа, проделанная безвременно ушедшим из жизни Ефимом Куферштейном. На протяжении многих лет он собирал материалы об Агнивцеве. Этот интерес был не случаен: Ефим Куферштейн хорошо знал и любил наш город, был автором, в частности, книги стихов и прозы о нем — «Такие обычные дома», выпущенной, к сожалению, посмертно. А Николай Агнивцев был певцом «Блистательного Петербурга» — так называлась одна из его книг, недавно переизданная небольшим тиражом.

Ефим Куферштейн не успел придать своей работе законченный вид. Собранные им материалы систематизированы и подготовлены к печати его матерью — Симой Матвеевной Куферштейн. Собственные мысли и наблюдения автора, материалы двух лекций, прочитанных им в одном из домашних питерских салонов к 50-летию со дня смерти поэта (1981), чередуются с отрывками из печатавшихся в разное время работ других исследователей об Агнивцеве и его времени.

Думается, что и в таком виде работа Ефима Куферштейна представляет несомненную ценность. Впервые, в частности, прослеживается история сотрудничества Агнивцева в популярных театрах миниатюр, его творческих и дружеских связей с молодым Исааком Дунаевским. Да и сама попытка (первая, по существу) объединить разрозненные и разнородные материалы в некое целое — это уже немало.

И, конечно же, существеннейшую часть книги составляют стихи самого Агнивцева, подбор и текст которых выверен и уточнен исследователем, а некоторые малоизвестные стихи (такие, как «Я сегодня ребенок», «Первая») выявлены автором в полузабытых журналах 1913 года и к современному читателю приходят впервые.

Илья Фояков

*
* *

Составитель сердечно благодарит Н. Г. Князеву, предоставившую материалы из архива М. С. Лесмана, а также друзей Е. З. Куферштейна — Ю. Г. Агнивцева, Г. Я. Насилову и О. Б. Томашевскую за помощь при составлении этой книги.

С. Куферштейн

Первые шаги

«Странник нечаянный»... Так назвал себя Николай Яковлевич Агнивцев — русский поэт, имя которого мало знакомо современному читателю, хотя в первой четверти нашего века его стихи пользовались широкой популярностью, а положенные на музыку в виде куплетов и песен исполнялись на эстраде как перед первой мировой войной, так и в 20-е годы. Сразу следует сказать, что до настоящего времени издана лишь маленькая часть произведений Агнивцева, причем крохотными тиражами. Сведений о жизни этого талантливого поэта, драматурга и детского писателя до обидного мало.

Николай Яковлевич Агнивцев родился 8 апреля 1888 года в Москве, в дворянской семье, не отличавшейся, впрочем, богатством и связями. Его прадед Николай Николаевич Агнивцев, генерал, был женат на немецкой баронессе Геклинг, дядя, тоже Николай Николаевич, был полковником гвардии Его Императорского Величества.

Отец поэта — Яков Николаевич — брат Н. Н. младшего — был юристом, председателем судебной палаты. Сведений о матери, умершей, когда Николай был еще очень мал, не сохранилось. Известно, что у него был старший брат, Владимир, погибший в белой армии, а после вступления отца в повторный брак родился брат Борис, примерно на 25 лет младше Николая*.

Никогда не знавший светлой женской материнской или сестринской ласки Николай всю жизнь тосковал о ней.

Я хочу светлой женственной ласки твоей —
Чистой ласки сестры!.. Оттого, что всегда
Я в молитвенных грезах мечтал лишь о ней,
Оттого, что не знал я ее никогда!..

* Эти сведения получены автором от двоюродного племянника поэта Юрия Георгиевича Агнивцева, как и фотография семьи его отца. — С. К.

Семья родственников поэта

*Дядя поэта Николай Николаевич Агнивцев, полковник гвардии
Его Императорского Величества, его жена (урожденная Онуфриенко),
дочери Надежда и Вера и сын Георгий*

Так напишет Агнивецев в стихотворении «Я сегодня ребенок» в 1913 году.

Детство поэта прошло на Дальнем Востоке. В связи с частыми служебными перемещениями отца будущий поэт учился в Уманской, Владивостокской и 2-й Московской гимназиях, а окончил гимназию в Благовещенске в 1906 году и, твердо решив посвятить себя поэзии, сразу поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета, вопреки желанию отца видеть его юристом.

Первое стихотворение Агнивцева «Родной край» было опубликовано в 1908 году в журнале «Весна», редактором которого был Н. Г. Шебуев. На обложке этого альманаха значилось: «В политике—вне партий, в литературе — вне кружков, в искусстве — вне направлений». Агнивецев, казалось бы, впитал в себя дух шебуевской «Весны». В записной книжке поэта в графе «звание, должность или занятие» стоит: «Поэт и больше ничего».

Стихи Агнивцева легки и изящны, хотя и лишены порой значительного содержания. Это дало повод в «Литературной энциклопедии» 1929 года определить его творчество как экзотику, эротику и идеализацию феодально-аристократической среды, совершенно игнорируя антибуржуазную, сатирическую направленность его стихов дооктябрьского периода и патриотическую тематику 20-х годов.

Избранный Агнивцевым жанр — шуточные куплеты и сатирические стихи — не позволяли, естественно, отразить значительную тематику или идейный пафос борьбы. Но ведь в конце концов, как сказал Вольтер, все жанры хороши, кроме скучного. Да и сам поэт был очень веселым человеком и любил писать смешно. И в то же время, как мы узнаем из дальнейшего повествования, блистая остроумием и весельем, он всю жизнь надевал на себя поэтические костюмы и маски, скрывающие его постоянную боль, одиночество и тоску.

В 1913 году, в Санкт-Петербурге выходит его первый стихотворный сборник «Студенческие песни. Сатира и юмор». На титуле посвящение: «Николаю Георгиевичу Шебуеву, первому улыбнувшемуся — первой песни». Успех сборника побудил в том же году к выпуску в Петербурге второго издания «Студенческих песен» со следующим предисловием: «Мой издатель предложил мне написать предисловие ко 2-му изданию моих «Студенческих песен». В этот в высшей степени приятный для меня момент я пользуюсь случаем, чтобы испортить себе настроение...

Именно — ответить одному из своих критиков, упрекнувшему меня в тяготении к любовным сюжетам».

«Лишь тот может отрицать любовь, кто сам не способен любить», — отвечает поэт стихотворением «Сказочка».

«Студенческие песни» проникнуты юмором, юношеским оптимизмом и весельем. Сборник посвящен, в основном, студенческой жизни со всеми аксессуарами ее быта и времяпрепровождения. Агнивцев чувствует себя, как рыба в воде, среди таких же «студентов-голяков», как он сам, постоянно озабоченных мыслями «что бы поесть?», «на что купить керосин?» и «чем бы заменить истлевший сюртук, у которого осталось полтора рукава?». Так появились стихотворения «В университетской столовке», «Чайная колбаса», «Зато» и многие другие. Поэт пишет о мансардах, студенческих вечеринках, старьевщиках и ломбарде («На мансарде», «Новоселье», «Молодое», «Татарская мелодия» и другие) и, конечно, о молодости и любви. Искрящееся радостью жизни стихотворение «Завет» завершается так:

Жизнь — единственное чудо!
Как философ ни злословь —
Есть на свете ведь покуда:
Солнце, Гейне и Любовь!

Сборник «Студенческие песни» содержит и политические сатиры против реакционной политики царизма в области просвещения, как, например, высмеивание нелепых циркуляров царского министра просвещения Кассо, предписывающих отменить преподавание ряда гуманитарных дисциплин и изъять из библиотек сочинения Овидия, Цицерона, Геродота.

Поэт остро критикует курсовую систему сдачи определенного экзаменационного минимума при переходе на следующий курс, что ухудшало положение беднейших студентов, не успевавших сдавать экзамены в сроки из-за материальных трудностей («Щекотливый вопрос»).

В знак протеста против введенного Кассо «назначения» профессорами педагогов-реакционеров вопреки общепринятой системе выборов передовые ученые покидали университетские кафедры. (Из Московского университета ушло по этой причине 130 преподавателей, в том числе К. А. Тимирязев, П. Н. Лебедев, Н. Д. Зелинский, В. И. Вернадский.) Агнивцев откликается на эти события сатирическим «Проектом». Одновременно появляется и сатирическое стихотворение «Шашлык на вертеле». В этом же сборнике Агнивцев выражает свое презрение к бюрократическому чиновничеству («Гимн Е<го> В<ысоко> Б<лагородию> Ивану Ивановичу Иванову»), восклицая:

О, славься ж ты, забытый тленьем,
Титан, засунутый во тьму,
Ты... чай с малиновым вареньем
Предпочитающий всему!

Острые злободневные «Студенческие песни» — единственное свидетельство пребывания Агнивцева в университете.

У Агнивцева получается все, за что бы он ни брался. Однако литературная поденщина до смерти надоедает, и из груди поэта невольно исторгается «Вопль»:

Надоело мне до смерти
Рифмовать сажени строчек
.....
Вдохновляться по заказу,
Ловко рифмами играя
.....
А по праздникам, в трактире,
Носом тыкаясь в тарелку,
Плакать пьяными слезами
О заплеванных мечтаньях..
.....

Но в то же время, обращаясь к своей Музе, поэт признается:

Лучше смерть у ног искусства,
Чем блаженство в сотне банков!..

Да, Агнивцев был «поэт милостью божьей» и ради поэзии был готов на любые жертвы. Однако какой же может быть поэт без любовной темы? Спешу успокоить читателя: эта тема представлена у Агнивцева, помимо отдельных стихотворений, двумя циклами: «Цветы и скорпионы» и «Размеченный бисер». (Стихотворения «Романс», «Сентенция», «Петербургское», «Эпитафия», «Последняя песня», «Принцесса Мелизанда» и другие.)

Адресуя читателя к упомянутым сборникам, помещаем лишь одно стихотворение о любви.

О ГЛУПОМ ВСАДНИКЕ

С веселым диким посвистом
На солнце, по весне
Гонялся всадник по полю,
Боченясь на коне.
Он прыгал очень весело,
Пустив по ветру чуб,
Он прыгал бы и до сих пор,
Когда бы не был глуп.
Но вот глядит: из трещины
Ползет змея на свет.
Красивая, веселая—второй такой и нет.
И поднял глупый всадник тот
красивую змею
И сунул, не подумавши, ее
на грудь свою.

И прямо в сердце всадника
ужалила змея,
И вскрикнул глупый всадник тот
и грохнулся с коня...

Моя любимая!
Вы слышите меня?

Так один-единственный раз тактично намекнул поэт на свою безответную любовь...

Несмотря на рыцарскую галантность по отношению к прекрасному полу, даже в любовных стихах поэта мы находим иронию, притом самого колкого свойства. Пора разобраться, что же это был за человек? Как он вел себя в обыденной жизни? Бывал ли когда-либо серьезным или беспрестанно шутил и насмешничал? Наконец, весельчак ли он по натуре или прожженный циник и мизантроп?

Известно, что Агнивцев со времени поступления в Университет жил в Петрограде. В 1914—1915 годах его адрес, по данным справочника «Весь Петроград»,—Екатерининский канал, 59, в 1916—1917 годах — Бармалеева ул., 3.

Но, думается, не так просто было застать его по этим адресам. Чаще всего и днем, и ночью поэта видели в театрах, ресторанах, литературных кафе и гостиницах и просто в дружеских компаниях — всюду, где собиралась шумная богемная братия, где ждали встречи с искусством, где царили непринужденность и веселье.

Время начала творческого пути Агнивцева вошло, как известно, в русскую культуру как период декаданса, упадка идейно-художественной жизни. Но вместе с тем это было и время поиска новых художественных форм, направлений, образов. Агнивцев находит их в виде шуточного сонета, куплета, сатирического стиха.

Поиском собственного поэтического стиля отмечен и сборник Агнивцева «Под звон мечей» (1915 год), явившийся реакцией поэта на первую мировую войну. И хотя здесь автор отдает дань процветавшему в то время «казенному» патриотизму, в отдельных стихах уже проскальзывает стиль будущего зрелого мастера. В стихотворении «Пора» читаем:

...О, поэты,
Пора жеманные сонеты
Перековать на звонкий меч!
Пока оружия не сложит
Раздутый спесью швабский гном,—
Пусть каждый бьется тем, чем может:
Солдат—штыком, поэт—пером!..

Но сам автор, объективно оценивший поэтические достоинства сборника «Под звон мечей», впоследствии его не переиздавал.

П. А. Ведотовъ (1815—1852).
„Портретъ” (Н. П. Ждановичъ).
(Музей Александра III).

СТОЛИЦА И УСАДЬБА

FIAT

РУССКОЕ АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО АВТОМОБИЛЕЙ ФИАТЪ.

Петроградъ, Москва, Варшава, Харьковъ, Киевъ, Одесса, Николаевъ, Вильна, Ростовъ на/Д.,
Екатеринославъ, Баку, Рига, Екатеринбургъ, Новороссійскъ, Эливанъ.

№ 36—37.

Обложка журнала «Столица и усадьба»,
в котором напечатано стихотворение Н. Агнивцева
«Песенка с моралью» («Звездочет»)

Лишь к 1916 году складывается поэтическая манера Агнивцева. Характерная черта его творчества — сочетание легкой салонной шутки с грубоватой резкостью, гривуазности с философическими размышлениями, поэтичности с нарочитой примитивностью. Излюбленный жанр Агнивцева — стихотворная миниатюра, где мнимая значительность случая подчеркнута комическим назидательным тоном рассказчика («О Слонах и о фарфоре»).

К этому времени Агнивцев уже становится профессиональным поэтом и сотрудничает во многих журналах. Его часто и охотно печатают «Солнце России», «Сатирикон», «Лукоморье», «Двадцатый век», «Бич», «Стрекоза», «Синий журнал», «Столица и усадьба» (журнал «красивой жизни»). Не чужд он и журналистике. С 1913 года он — постоянный автор в газетах «Биржевые ведомости», «Петербургская газета» и др., где выступает под разными псевдонимами: А-в, Н; Агн., Н.; А-ев, Н.; Бум; Бум и комп.; Криджи (колл.); Н. А.; Нивцев А. Г.; Agni.

Образы Агнивцева лишены романтического ореола. Это — потаскушки, проныры и развратницы («Принцесса Анна», «В. О. 17 л.», «Сантуцца», «Николетта», «Последняя» и др.).

Причудливое сочетание камерной лирики XVIII века и скепсиса XIX века рождает жанр комической салонной песенки или баллады, где тесное переплетение смешного и грустного создает эффект пародии («Почему обезьяны не могут любить прекрасных дам», «Так поется в старой песне», «Паж Леам», «Дон Паскуале» и др.).

В голосе поэта грусть, порой отчаянье. Агнивцев не верит в социальный прогресс. Для него Земля — маленький беспомощный шарик «с маленьким счастьем и маленькой мукой». Забавный игрушечный мир, противопоставленный жадности и ханжеству буржуазного общества, не спасает от разочарований («Чертова колыбельная»).

Обращаясь к поэзии Агнивцева уже из нашего времени, С. Г. Ландау пишет: «Сквозная тема поэзии Агнивцева — тема несбыточной любви, нелепости мечты о ней. Она рисует одиночество поэта, безоружность перед сильными мира сего».

Встречи в пути

Агнивцев был душой любой компании, повсюду он рассыпал блестяшки своего остроумия. Он был добродушен и приветлив, и все окружающие платили этому чудачку теплой симпатией, как мы в дальнейшем увидим из приводимых воспоминаний. Впрочем, попадаться ему на зубок было довольно опасно: Агнивцев умел не зло, но едко высмеять любого незадачливого поэта или не в меру восторженного почитателя.

Если бы Агнивцев не написал ни строки, он все равно представлял бы для нас значительный интерес благодаря широчайшему кругу своих знакомств. В литературно-художественном мире Петербурга — Петрограда он знал всех и все знали его. Он общался со многими выдающимися писателями, художниками и артистами того времени.

Агнивцев, в частности, любил бывать в «зеленом домике» Куприна. О «зеленом домике» писали не раз, он стоял на Елизаветинской улице в Гатчине и не сохранился. Но не война была, как писали во многих источниках, тому виной: его снесли после Великой Отечественной войны по распоряжению городских властей при реконструкции района.

О богемной обстановке «зеленого домика» во времена, когда там бывал Агнивцев, рассказывает Л. Борисов в автобиографическом романе «Жестокий воспитатель»:

«Придет ко мне стихотворец, по фамилии Агнивцев,— говорит Куприн,— ты ему свои стихи не читай, не надо: высмеет. Он добрый человек, но несерьезный. Ты сиди и слушай. Ты, друг мой, славный юноша.

Алексей (*герой романа Л. Борисова — начинающий поэт*) познакомился с Измайловым, чьи критические статьи он читал в газетах, с Будищевым, романы и рассказы которого нравились ему. Алексею предложил выпить водочки уже подвыпивший Агнивцев, у Алексея попросил в долг рублей десять какой-то человек, назвавшийся Анатолом Франсом, просил почитать стихи лохматый, бледный юноша с глазами уснувшей рыбы,— он отрекомендовался столь странно, что хотелось спросить: «А вы, молодой человек, не шутите?»

«Зеленый домик» Куприна в Гатчине

— Родитель мироздания Константин Олимпов,— так назвал себя этот юноша и, подсев к столу, попросил водки с коньяком. Какая-то напудренная барынька после первой чашки чая стала щебетать стихи о любовной муке, страданиях и печалах и, видимо, глала отчаянно, повторяя чужие мысли и даже слова.

Олимпов, выслушав ее, заявил: — Я тебя убью! Честное слово, убью или изувечу! Лучше помолчи!

Поэтесса замолчала, а Куприн погрозил шалуну пальцем и сказал, что за поведение ему ставится двойка».

Агнивцев часто бывает у знаменитого драматического артиста, эстрадного чтеца Н. Н. Ходотова, у которого кто только не бывал! Несмотря на солидное положение ведущего артиста Императорского Александринского театра и большое жалованье, Ходотов вел типично богемный образ жизни. Дверь его квартиры на Коломенской улице, затем на Глазовской (ныне Константина Заслонова), не запиралась ни днем, ни ночью, а любой желающий мог войти в нее без стука и даже не представляясь хозяину.

Ходотов широко занимался общественной и благотворительной деятельностью, и никто из обращавшихся к нему за помощью никогда не встречал отказа. Агнивцев посвятил Ходотову несколько стихотворений. Вот одно из них.

А. И. Куприн в кабинете «зеленого домика»

Кто жил и живет до сих пор что есть мочи,
Усвоивши плохо понятие «кровать»,
Кто в Санкт-Петербурге с утра и до ночи
Держал двери настежь на Глазовой, 5?
Кому, черт возьми, для святого искусства
Неся за билет в жертву чай и песок,
Звенел и трещал от особого чувства
Восторженный александринский раёк?
Кто каждый сезон с сентября и до мая
По публике, с шапкой и парой друзей,
На каждом концерте ходил, собирая
На всякую пользу, лишь кроме своей?
Кто, выкинув грусть и унынье за ворот,
И ставши теперь заслужённым уже,
Все так же богемен и весел, и молод,
Как птица на ветке, как песнь Беранже?!

Особенно подружился Ходотов с «джиммистами» — труппой, руководимой Агнивцевым, летом 1918 года в Харькове. Вот что вспоминает Ходотов в книге «Близкое-далекое»:

«... За два месяца пребывания в Харькове (в 1918 г.) встретил много старых друзей и подружился с труппой «Кривой Джимми» и ее вдохновителем Колей Агнивцевым... И я, слабый, рискнул пуститься в путь с неунывающими «джиммистами», державшими путь сначала в Ростов-на-Дону, потом — в Новороссийск, затем — в Тифлис... В Ростове я работал отдельно от них. Потом Новороссийск, где жизнь была ужасна. В каждой комнате было по одному тифозному больному, не исключая и той, в которой находился я.

Холод, голод, стрельба, непрерывные обыски, облавы, расстрелы. Белые бандиты в городе, зеленые бандиты в горах, а среди них суetyающиеся без толку беженцы, потерявшие всякий человеческий облик. Нельзя было даже пойти в баню, нельзя вымыться как следует».

После Новороссийска Ходотов попал с «джиммистами» в Тифлис, где в то время жила буржуазная интеллигенция, было много музыкальных и литературных вечеров. Шел май 1921 года. У рояля чередовались композиторы-аккомпаниаторы, в том числе Юрий Юргенсон, Борис Прозоровский и другие.

«...Только с такими братишками,— продолжает Ходотов,— любимыми меня, как и я их, можно было рискнуть на такую поездку». (Ходотов только что перенес тяжелую болезнь.)

25 сентября 1921 года Ходотов уехал в Петроград, повторяя про себя под стук колес стихотворение Агнивцева, посвященное ему и прочитанное на одном из его бенефисов в Тифлисе.

Когда тебя увижу, вдруг,
Вмиг, под дрожащей пеленою,
Весь старый, пышный Петербург
Встает, как призрак, предо мною:

Н. Н. Хогомов

.
Ты — знамя юности моей!
Тебя несу в душе доньне!..
Ты — отблеск петербургских дней
На приютившей нас чужбине!

Друзья еще встретятся в Петрограде, в мае 1923 года, на «Агнивцевских неделях» в Свободном театре. Участниками этих недель станут Н. Ходотов, Ф. Курихин, И. Вольский и другие «джиммисты».

Итак, образ циника и мизантропа никак не вырисовывается, но и беззаботным весельчаком Агнивцев тоже не был, хотя и стремился казаться таковым.

Живой образ поэта запечатлен в интересных воспоминаниях Л. Борисова «За круглым столом прошлого», где Агнивцеву посвящена целая глава. Автор, правда, не решился вынести фамилию поэта в заголовок, видимо, потому, что с точки зрения редакции поэт изображен здесь слишком скандально. Поэтому глава названа «Вена».

«Вена» была излюбленным местом встреч писателей, художников и артистов, которые приходили сюда прямо со спектаклей.

Предприимчивый хозяин ресторана Илья Соколов всячески обхаживал литературно-артистическую публику, создававшую его заведению великолепную рекламу. Он собирал все рукописи и рисунки, написанные в его ресторане (там была комната, выделенная для литераторов). Потом включил их в специальные сборники, которые издал к десятилетию ресторана в 1912 году. Там упоминается и Агнивцев, который был в то время начинающим поэтом.

Л. Борисов вспоминает:

«...Летом 1916 г. я получил месячное, по нездоровью, увольнение из воинской части. Отправился к моему крестному отцу Шарлеманю. Он-то и познакомил меня с рестораном «Вена». Ресторан этот был знаменит. Основными его посетителями были художники, актеры, писатели. Постоянным посетителем «Вены» был и поэт Николай Яковлевич Агнивцев...

...мы заняли маленький квадратный стол у окна, выходившего на Малую Морскую.

Все стены этого зала были украшены картинами, сделанными здесь же, экспромтом, по заказу бражничающей компании, с натуры, небрежно, карандашом чаще всего.

На стенах висели окантованные автографы знаменитых, известных и только желанных здесь гостей. Скатерть на одном столе — он стоял посередине зала — вся была покрыта подписями, рисунками, сделанными химическим карандашом, чернилами, акварелью. Некоторые подписи были дополнительно прошиты золотистым шелком.

Мы обедали в полном одиночестве. Спустя минут двадцать в зал вошел высокий, худющий, длинношей, с очень длинным, прямым носом человек. Волосы его были также длинны и аккуратно подстрижены в скобку сзади и по бокам, — в народе про такую прическу говорят, что она «под горшок».

Он чуть-чуть шурился, по внешнему виду был добр, простодушен, глаза его привлекали к себе чем-то очень хорошим, что, наверное, содержалось в сердце этого человека. Мне он показался одиноким и глубоко несчастным — почему, я не могу объяснить этого и сегодня. Я не ошибся: таким и был талантливый Агнивцев.

Он казался моложе своих лет, а было ему тогда около тридцати. Увидев Шарлеманя, он обрадованно поднял обе руки, проделал ими над головой своей какие-то мною ранее не виданные фокусы, что означало, вероятно, особенную степень радости и в то же время заменяло «здравствуйте», затем подал руку мне и Шарлеманю, с его разрешения присел к нашему столу...

Прошло минут шесть-семь, и он... начал читать свои стихи.

Я их знал и любил, искал знакомую уже фамилию в еженедельниках (иногда вместо «Н. Агнивцев» он подписывался «Agni»), стихи его отличались от других «лица необщим выраженьем» — они были коротки, легко запоминались, остроумие в них сочеталось с афористичностью, порядка, так сказать, домашнего: он не решал проблем, был далек от злободневности, но пульс чего-то сегодняшнего, что пришло из вчера и, наверное, останется и завтра, всегда был осязаем в его легких, воздушных ямбах и как бы летящих куда-то хоряхх...

Официант принес на подносе еще две большие рюмки с тем же содержимым, — его пили и чуточку морщились, немедленно закусывая. Мое счастье, что я наблюдал за ним в течение какого-нибудь часа, не дольше, — если бы мне пришлось встречаться с ним чаще, наверное, чувство мое к нему было бы иным, совсем не похожим на то, какое я сохранил в себе, благодарный и обогатенный тем, что он дал мне как читателю...

Запомнил с того часа начало одного длинного стихотворения, которое читал изрядно захмелевший автор его:

Как-то где-то и когда-то
Приглянулся свыше мер
Белокурой королеве
Чернобровый офицер.
И, сведя вопросы чести
Приблизительно к нулю,
Офицер и королева
Изменили королю.*

Такого рода стихи (они очень близки к тому, что напевал Вертинский) запоминаются помимо нашего желания: они легки, смысл в них какой-то, по-хорошему сказать, опереточный: Агнивцев читал очень чистым, каким-то стереофоническим голосом, слегка подсакивая на стуле, как в седле, размеренно дирижируя одной рукой...

В зал набралось много официантов, они стояли на пороге у дверей и внимательно слушали, а по окончании аплодировали и просили на «бис».

После выхода книги Л. Борисова нашлись литературные «человеки в футляре», которым не понравилось, что многие известные писатели изображены здесь живыми людьми, без хрестоматийного глянца.

* В архиве Г. Н. Агнивцева это стихотворение имеет посвящение: «В альбом — Наталочке» — Е. К.

В 1971 году, в «Литературной газете», в рецензии «Страницы прошлого листая» некий Пономарев, пишет, что Борисов нередко запечатлевает своих героев в тот волнующий момент, когда они упоенно предаются радостям жизни.

«Я еще могу понять,— пишет он,— описание встречи с изрядно нагруженным поэтом Агнивцевым в пресловутом Петроградском ресторане «Вена» как иллюстрацию нравов дореволюционной богемы, погубившей не один талант.

Но эта сцена соседствует с описанием скромного завтрака у Горького и раблезианского пиршества у А. Толстого, и налета Есенина с группой имажинистов на квартиру Чапыгина, завершившегося уничтожением всех коньячно-винных припасов.

Чтобы не быть обвиненным в ханжестве и лицемерии, скажу сразу, что никоим образом не ставлю под сомнение неопровержимую истину о писателе-человеке, которому не чуждо все человеческое, и беду Борисова вижу не в гастрономических описаниях, а в том, что эти описания далеко на задний план отгеснили тот самый божественный глагол, который выделяет писателя среди нас, «смертных».

Получается, что писать так о признанных корифеях нельзя, а о «третьесортном» поэте Агнивцеве вполне можно. Дескать, «глядите, товарищи, до какого предела морального падения доходила буржуазная богема!».

Но нам кажется, что в глазах умного и чуткого читателя Агнивцев несколько не падает от такого описания. Напротив, он становится нам как-то по-человечески понятен и близок. Борисов, видимо, сумел заметить в поэте главные черты, его человеческую суть. И мы понимаем, что бесшабашная веселость поэта — всего лишь маска, которой он пытается прикрыть свою тоску. Отсюда его пьяное ухарство, и стремление Агнивцева к шумным компаниям происходит вовсе не от его общительного характера. Это лишь попытка спастись от одиночества, бегство от самого себя.

На самом же деле Агнивцев был очень грустный, застенчивый человек, что пытался скрыть внешней бравадой и развязностью, и скрытный человек. Об этом легко судить даже по имеющимся его изображениям, которых удалось обнаружить пять. Это, во-первых, три фотографии, во-вторых, шаржи, наиболее значительный из которых, весьма выразительный, считается одной из лучших работ художника К. С. Елисеева в этом жанре. Агнивцев изображен улыбающимся, с любимым артистическим бантом на шее, и улыбка эта удивительно мягкая, по-девичьи застенчивая. Но и на фото, и на рисунке ощущается глубокая скрытность. Видно, что человек этот несомненно тонко чувствующий и самолюбивый.

Н. Я. Агнивцев. Шарж К. С. Елисеева (1917 г.)

Игу, пою и жадно пью отраву бытия

Агнивцев тщательно скрывал свои подлинные чувства и не давал им выхода даже в стихах. Поэтому-то почти все его стихи полны шутовства, иронии, нарочитой наигранности.

О чем бы ни писал поэт, мы видим только его маски или костюмы, которые он надевал специально для читателей.

Возможно, Агнивцев так и тяготел к театру, что именно здесь более всего преодолевалось мучительное раздвоение его души на маску насмешки и скрытое за ней грустное человеческое лицо. У Агнивцева есть крошечный цикл, который так и называется — «Поэтические костюмы».

Ближе всех «костюмов» поэту «Визитка»:

Под лживым обликом личин,
Скрывая дрожь лица,
Один, один, всегда один
Брожу, стучась в сердца.
Но глухо падает в ответ:
«Нет!»
И вот опять — один, один —
То — весь восторг, то — весь — порок —
Иду я, скорбный Арлекин,
Смеющийся пророк.
Иду, влача мечты в пыли,
Но помня данный краткий срок,
Вплетаю все цветы земли
Я в свой венок.
Иду, пою и жадно пью
Отраву бытия.
Но кто сказал, что я один?
О, нет! О, нет! Я не один:
Со мной — тоска моя!

Н. Я. Агнивцев

Однако широкую известность Агнивцеву принесли не песни богемы, не политические сатиры и не бытовые шаржи, а его знаменитые «Мои песенки», которые, собственно, и выделяют его в истории русской поэзии XX века.

Посмотрим, каким же образом этот дворянин по происхождению, но санюлот по натуре и образу жизни «идеализировал» феодально-аристократический мир. Для этого надо вспомнить о времени, когда творил поэт. Это был период реакции, последовавшей после разгрома первой русской революции. Интеллигенция охвачена духовным кризисом, общественное движение в состоянии застоя, буржуазия нагло наживается, не брезгуя никакими средствами (стихотворение «Под знаком красного фонаря»):

И правда, и совесть, и разум, и честь
Торгуют собой громогласно;
Всем хочется хлеба, всем хочется есть,
А хлеб нынче дорог ужасно!
.
.
.
Все с молотка, все под ногою,
Кто больше даст, к тому идем.
И солнце виснет над землею
Огромным красным фонарем.

В 10-е годы XX века среди разных слоев населения растут упадочнические настроения и пессимизм. Самоубийства становятся обычным явлением, и кажется даже, что Россия превратилась в клуб самоубийц.

Петя Судариков — приготовишка —
Жарил в футбол целый месяц без лишка.
Утром экзамен. Пошел, провалился
И... отравился.

С нянькой своей разыгравшись не в меру,
Бегала взапуски Нюра по скверу.
Вдруг — гимназист. Посмотрела — влюбилась.
И... отравилась.

Юный студент — первокурсник Соседов —
Как-то случайно так, не пообедав —
Лег на кровать, полежал, огорчился
И... отравился.

Барышня Н. вовсе без удивленья,
Чувствуя ясно родов приближенье,
Выбрала платье, оделась, завилась
И... отравилась.

Пылкий провизор в волнение немало,
Встретив невесту свою с генералом,
Сразу опешил, затем — поклонился
И... отравился.

Анна Иванна с улыбкой во взоре,
На Ремингтоне стучала в конторе...
Стучала, стучала... Места лишилась
И... отравилась.

Графчик Н. Н. изучал очень рьяно
Все кабаки от Кюба до Контана...
Все надоели! Что делать? Напился
И... отравился.

Милая барышня в розовом платье,
Вдруг убедившись, что люди не «братья»,
Новостью этой весьма поразилась
И... отравилась.

Старый Пахом из деревни «Голодной»,
С голоду пухнет легко и свободно,
Но отравиться совсем не желает—
Так умирает.

Смешно... но это — черный юмор, юмор висельников, и Агнивцеву не всегда удастся сохранить взятый им шутовской тон.
Глубокой болью, состраданием к обездоленным и гневом проникнуто стихотворение «Реквием»

(Вчера в Румянцевском сквере
отравились три девушки в возрасте
от 15 до 17 лет. Все три — проститутки.

Из газет)

.....
Пусть побьют нас камнями шуток,
Пусть гогочут во всех кабаках,—
Перед трупами трех проституток
Упадем на колени в слезах!
Будем долго рыдать у гробницы
Об усопших, не знавших Весны,
Будем долго рыдать и молиться,
— Палачам тоже слезы даны...

* * *

— Вы, увязшие в тине сомнений
С толстых ног до седой головы,
— Эй, вы, шапки долой! — На колени!
Слышите, вы?

.....

К 1917 году закрылись «Сатирикон» и «Солнце России». Агнивцев продолжает сотрудничество в журналах «Бич», «Стрекоза» и, особенно активно, в «Лукоморье» и «Синем журнале».

«Синий журнал» публикует «Наш новогодний тост» в № 1 за 1917 год.

Ты слышишь шаг стозвонный,—
набатный ураган? — Вот, он
идет, рожденный в горниле
бурь, титан! Не даром в ко-
лыбели, всем правилам в
разрез, ему шрапнели пели
положенный «berceuse».

И, вставши до рассвета,
к рассвету сквозь ту-
ман шагает бодро этот
железный мальчуган!

Довольно ж
ныть и хныкать,
и в бурях огне-
вых, нахохлившись
чирикать о горе-
стях былых!!!

Все старые
ошибки све-
зем мы на
погост!..

За гордую улыбку!
За бодрость — этот тост!

ЛУКОМОРЬЕ

№ 1.

1 января 1917 г.

ТРИ НОВОГОДНИХЪ ТЪСТА

1-ый тостъ.

Куренки пробили... и, вотъ, Ночь бранная дымя
и громъ, Сатурнъ вблещаетъ Новый Годъ —
Жельзомъ и Огнемъ! Встаемъ мы вновь
среди друзей, Бокалами звени... И есть
для Родины моей—Три тоста у меня!

Мой первый тостъ за тѣхъ, чей
взглядъ, Бакъ, прежде бодръ и
примъ, На чьей груди, ведемъ
намъ въ укоръ, — Алгетъ
грозная шрамъ; За тѣхъ,
кто тамъ, плечо съ
начомъ Сплотившись
въ рядъ, звенитъ,
Но не бокаломъ,
а мечомъ!..

Тостъ пер
вый: за
солда
тъ!

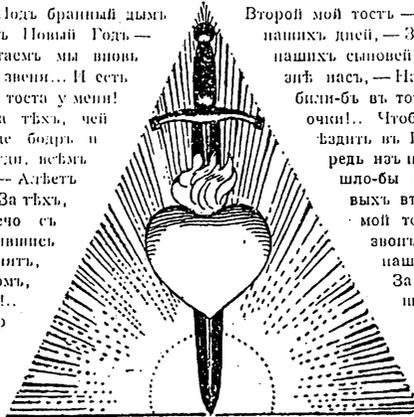
*

2-ой тостъ.

Второй мой тостъ — бокаловъ звопъ — За жатву
нашихъ дней, — За наше Будущее онъ, — За
нашихъ сыновей! Чтoбъ поминуть на три
зипъ насъ, — На менше куски Они раз
биди-бъ въ тотъ-же часъ, — Отцовскіе
очки!.. Чтoбъ не пришлось имъ
взднть въ Исконъ, И чтобы въ
редъ насъ ихъ — Помешные вы
шло-бы шутовъ И Марко
выхъ вторыхъ!.. Второй
мой тостъ — бокаловъ
звопъ — За жатву
нашихъ дней, —
За наше Буду
щее очк!..

Второй
тостъ:
за дѣ
тей!

*

3-й тостъ.

Звени, звени, мой третій тостъ, Звени-же, вновь и
вновь, — О вѣчно-лгушей сказкѣ звѣздъ! — Тостъ
третій: за любовь!.. Когда-то, гдѣ-то, въ дни
свои Жилъ лѣкій человекъ, Который не вку
силъ любви За весь свой долгій вѣкъ. И
потому и оттого — Узнай весь край о
немъ, И называли всѣ его — Великимъ
мудрецомъ! И вотъ, явился, напо
нень, Самъ царь провѣрить слу
хъ... И оказался, что мудрецъ
Былъ просто слѣпъ и глухъ!..

Звени, звени, мой третій
тостъ, Звени-же, вновь
и вновь, — О вѣчно-
лгушей сказкѣ
звѣздъ!.. Тостъ
третій: за
любовь!

* *

*

И. Аглицевъ.

Бродячие комедианты... Театр «Би-ба-бо»

С 1917 года имя Агнивцева реже встречается на страницах журналов и чаще появляется на театральных афишах, главным образом как автора разнообразных веселых программ. На этой стороне деятельности Агнивцева и хотелось бы остановиться.

Стремительное развитие эстрадного искусства в первой половине XX века на Западе и в России связано с быстрым ростом городов. К началу века население Петербурга превысило полтора миллиона. Немногим отставала и Москва. По примеру парижских кафе-концертов в России появляются кафе с концертной программой (кафе-шантаны), число которых быстро растет. Наряду с шантанами для состоятельного слоя населения требовались развлечения и для широкой публики. Еще в 80-х годах XIX века распространилась садово-парковая эстрада, носившая в наших климатических условиях сезонный характер. В первом десятилетии XX века появились киноминиатюры и первые театры миниатюр.

Исследователь русских дореволюционных театров миниатюр Л. Тихвинская находит истоки этих театров также в атмосфере всевозможных театральных клубов, артистических и литературных кружков, корни которых уходят к частным салонам и домашним кружкам.

Наиболее известные в России театры миниатюр «Кривое зеркало» и московская «Летучая мышь» появились как своего рода театральные клубы. На первых порах они испытывали влияние западных кабаре. Но очень скоро лучшие русские театры миниатюр приобрели свое особое художественное лицо.

А. Блок, внимательно следивший за театрами миниатюр, находил

там «такие драгоценные блески дарований, такие искры искусства, за которые иной раз отдашь с радостью длинные и «серьезные» вечера, проведенные в образцовых и мертвых театрах столицы».

Театр «Летучая мышь» возник из пародийно-шуточных представлений на «капустниках» Московского Художественного театра. Открылся он 29 февраля 1908 года. Одним из его организаторов, бессменным руководителем и конферансье стал Н. Ф. Балиев. С 1912 года «Летучая мышь» становится театром миниатюр с ежевечерней большой программой. Здесь ставились театральные шаржи, инсценировки песенок, романсов, театрализованные афоризмы Козьмы Пруткова, инсценировки произведений классиков, отрывки из классических музыкальных произведений. Представления блестяще комментировал остроумный «хозяин вечера», находчиво беседуя с публикой и безобидно касаясь «злости дня». Вот что писал К. С. Станиславский о Балиеве:

«Его неистощимое веселье, находчивость, остроумие — и в самой сути и в форме сценической подачи своих шуток, смелость, часто доходившая до дерзости, умение держать аудиторию в своих руках, чувство меры, умение балансировать на границе дерзкого и веселого, оскорбительного и шутливого, умение вовремя остановиться и дать шутке совсем иное, добродушное направление, — все это делало из него интересную артистическую фигуру нового у нас жанра».

Кроме конферанса Балиев имел еще свой сольный номер — чтение стихов, исполнение песенок и куплетов известного поэта Н. Агнивцева. Он, в частности, исполнял — «Король Гокон и Фаншетта», а также «А поутру она вновь улыбалась».

Режиссер Э. Краснянский писал:

«Театр-кабаре занимал уютное маленькое подвальное помещение фойе театра с большими красного дерева диванами, напоминающая скорее гостиную, чем театральное помещение. В зрительном зале длинные и узкие столы располагались перпендикулярно сцене, а зрители сидели у столов. Официанты принимали заказы, шла программа. Во время сценического действия все замирали — и официанты, и публика. Успех «Летучей мыши» объяснялся и тем, что здесь, впервые в России, на просцениуме появилась фигура конферансье».

Много и успешно писал для «Летучей мыши» Агнивцев.

В январе 1917 года, в подвале петербургского «Пассажа», открылось кабаре «Би-ба-бо», режиссером которого стал талантливый К. А. Марджанов, всегда мечтавший о театре, овеянном радостью жизни. Вместе с ним организаторами и вдохновителями «Би-ба-бо» стали Н. Я. Агнивцев и замечательный артист Ф. Н. Курихин, работавший в ту пору

ЛЕТУЧАЯ МЫШЬ

(МОСКОВСКАЯ СТРАННИЧКА).

ТЕАТРЪ Р. МЕЧА.—РИС. ВЪГ. СОКОЛОВА.

Петербург сейчас находится в ожидании приезда из Москвы „художественной мыши“.

Можь хотълось-бы поближе ознакомиться с петербургскимъ съ ингереннымъ созданиемъ московскаго художественнаго театра—„Летучей мышью“.

„Летучая мышь“—влдетъ отъ труппы Художественнаго театра, нынѣшня, мѣсь Исверга изъ пѣны морской—изъ ядра театра „буйныхъ охотниковъ“.

За кулисами Художественнаго театра „Станиславскаго“ ищъ въ первой, ничто парижской работѣ, въ работѣ до самозабвения.

Въ „Летучей мышѣ“—ихъ отмахъ, по свѣтъ-танъ въ сферѣ любимаго искусства.

„Летучая мышь“, но существу смеску,—къ бѣдѣ. Въ самомъ строгомъ значеннн отого слова.

И все здѣсь—нотъ кабаровъ. Отъ повѣщенн въ программу, отъ исполнителей до зрителя.

„Летучая мышь“ создавалась не сразу,

Портр. Н. Баласа („душа“ „Летучей мышн“).

„Собрания“, которыя происходятъ въ „Летучей мышѣ“, вѣсела полны шутки, ресса, оригинальнн, веселы и художественны.

Синне серьезные жрецы искусства, выдающиеся врачи, лично сдѣлающныя ученые,—стоитъ имъ только попасть въ „Летучую мышью“,—обращаются съ собой всю серьезность, и появляются въ смыхъ „непринужденныхъ“ позахъ.

Оперный артистъ показываетъ „блѣзтный померъ“, а прима-балерина читаетъ тригическнй монологъ. Известный адвокатъ участвуетъ въ соревнованн на призъ за лучшее исполненне мазурки.

Устраиваются юмористическнй юбилейннй вечеръ, педюше-ин, встрѣчъ „милыхъ“ гостей.

За четыре года въ „Летучей мышѣ“ на неорганизованныхъ собранияхъ перебывали все артистическнй и авторатурно-художественная Москва, мѣ-го петербургскихъ и заграницныхъ „снжестителей“.

У „Летучей мышн“ есть свои реалкнн, свои, такъ сказать, милонскнй музей. Папримѣръ, „юбилейное кресло“—это приемыжающее къ сценѣ. Кресло сдѣлано скульпторомъ Андр-евымъ,—авторомъ московскаго навитника Гоголю.

На это кресло садятся только юбиляры, которыхъ чествуютъ „Летучая мышь“.

Имя юбиляра заносится на „золотую“ доску, которая ирнбита тутъ-же, у кресла, за четыре года на „юбилейномъ“ креслѣ сдѣланъ, принимая поздравленн въ полномоннн, слушали прнвтственн шв адреса и стихн:

Ва. И. Немировичъ-Давченко, К. С. Станиславскнй, А. Л. Вишневскнй, К. А. Барышникъ—ищъ „Лѣтъ Крестъ“, О. О. Сидорковскнй, И. В. Собинонь, В. В. Духскнй.

„Летучая мышь“ нмѣетъ цѣлую галерею рисунковъ, подписанныхъ ей въ почтительннми и друзьями.

Всѣ, посвященнне „Летучую мышью“, расписываются или входятъ въ особон книгу. И за четыре года уже исцучилась довольно любопытная коллекцн авторграфовъ выдающихся русскихъ людей и даже европеискнхъ „снбнтнль“.

Сейчасъ „Летучая мышь“ рѣшила выступнть и прнмѣть „божилой нубанкой“ со своей картинной выставкой.

Но, какъ-то въ этомъ своеобразномъ „поваянъ“,—и выставка носить свой особый „летуче-мышинскнй“ характеръ.

Картнны писаны „похудожникнмъ“, случайно иппнвшнми за нсть. Даже и псевдоннми они себѣ такнхъ изобрѣли.

И. Муризанъ, „Вотъ-Номалъ“, „Подфеофиловъ“, „Подричонъ“, „Станиславъ“, „Полуконнцовъ“, „Ильрибуинскнй“.

Своеобразна не только и мѣра писма, но и то, чѣмъ картина написана.

Напримѣръ, картина „Очарованн“ писана, какъ значится въ каталогѣ, дамской горничней. Есть картина писанная „рысомъ, соломъ, перцемъ и другими комовальннми товарами“.

Есть картина, составленная... изъ галетныхъ вырѣзокъ.

Экспонируетъ свою картину „Библнйскнй ужасъ“ Л. В. Собинонь. Написана она разноцѣтннмъ сабожннмъ лакомъ.

Короннца выставитъ картину: „Убийство артиста Кнчана съснзательной русской женщиной“, а Пополо—двѣднотъ „портретъ тенора Смильнова“.

Также это несерьезное дѣтнне серьезныхъ, слншкомъ серьезныхъ, „буйныхъ“ составнль.

Оригинальное, единственное по своему тнпу, въ Россн „учрежденне“.

Р. Мечъ.

Залъ и сцена „Летучей мышн“.

а постепенно. Тамъ сказать, клался камень за камнемъ, чтобы создалось стройное цѣлое.

Она еще очень молодая, эта „Летучая мышь“,—существуетъ всего четыре года. Но о ней въ Москвѣ уже много говорятъ, хотя изъ „непосвященныхъ“ рѣдко кто туда попадаетъ. Это—замкнутый, интнмнй кружокъ изъ артистовъ, художниковъ, музыкантовъ, литераторовъ.

„Библнйскнй ужасъ“ картина Л. В. Собинова. Писана разноцѣтннмъ сабожннмъ лакомъ.

„Юбилейное“ кресло.

в театре на Литейном, 51, где ставились инсценировки Агнивцева и в работе которого участвовал Марджанов.

Агнивцев был человеком редкого остроумия, известным к тому же как популярный сатирический поэт. Зрителю нужен был смех. Изящный, тонкий комизм Курихина, лучшего ученика знаменитого Давыдова, приводил к тому, что уже одно появление его на сцене вызывало веселое настроение в зале. Федор Курихин был любимцем публики. Маленький, хриловатый, бесконечно обаятельный мастер комедийной зарисовки, куплетист, конферансье (о Курихине говорили, что он не просто актер, а национальный курьез).

Вполне естественно, что Марджанов, Агнивцев и Курихин оказались единомышленниками.

Труппа «Би-ба-бо» обладала величайшей способностью к моментальному перевоплощению. Не случайно позднее, оценивая талант Курихина, в тоске о Петербурге, вдали от родины, Агнивцев написал в стихотворении «Принцесса Моль»:

Скороговорщиком затейным
Во всю резвится второпях
Курихин Федя на «Литейном»
В ста восемнадцати ролях.

Об открытии «Би-ба-бо» в петербургской печати были даны несколько публикаций. Так, в № 7 от 11 февраля 1917 года «Синего журнала» целая страница посвящена новому кабаре.

БАЛАГАН ДЛЯ ИЗБРАННЫХ

Масленичные гулянья — с балаганами, каруселями, балаганным дедом и звенцами, в которых демонстрируется слепой лев, не умирающий по какому-то недоразумению, и четыре грустные обезьяны, — отходят в область преданий. Публика переросла балаган, уступивший место кинематографу. Но... и кинематограф сделался обычным удовольствием, превратившись из развлечения в потребность.

Мы идем дальше и заимствуем у Европы ее манеру веселиться — ее кабаре с его смешанным пестрым репертуаром, — мелькающим, веселым, интимным.

Сейчас у нас кабаре — для избранных, для немногих, но недалеко время, когда они откроют двери своих подвалов для всех и каждого из толпы.

Кабаретные программы так и просятся в масленичный наш номер, — если где и чувствуется «широкая масленица», так именно здесь, около маленькой сцены, по которой, как в карнавале, проходят «Малявинские бабы», Пьеро, персиянки, маркизы, коммивояжеры, китайцы, миллионеры...

...Кабаре — это балаган для избранных, милый, интимный, изящный балаганчик, куда приходят отнюдь не для того, чтобы решать серьезные вопросы.

Недавно открылось новое кабаре «Би-ба-бо», со сцены которого конферансье предупредительно разъясняет публике назначение кабаре: «Сюда приходят не для того, чтобы брать ванну». Запомните это, господа. Иначе возможны недо-разумения. Кабаре «Би-ба-бо» за месяц своей жизни успело дать ряд интересных программ.

Материал этой страницы журнала никем не подписан, но чувствуется влияние давнего его сотрудника и одного из организаторов «Би-ба-бо» — Н. Агнивцева, автора всего репертуара. Вспомним также, что упомянутые Пьеро, маркизы, коммивояжеры, китайцы и миллионеры—любимые герои агнивцевских «безделушек».

В № 8 «Синего журнала» от 18.02.1917 года под фотоснимком «Песенки Кинто» читаем:

«В кабаре «Би-ба-бо», среди других номеров программы, артист кабаре I. Г. Мариевский исполняет ряд презабавных песенок в грузинском вкусе под общим заголовком «Песенки Кинто». Впервые эти песенки раздались в стенах Балиевской «Летучей мыши» и всегда сопровождались неизменным шумным успехом. В них, путем совершенно нелепого сопоставления, бесконечного повторения одной и той же фразы, одного и того же образа, передается настоящий, своеобразно окрашенный темперамент дикаря».

Примечательным стал выход 25 марта 1917 года «Синего журнала» № 11, где от редакции сообщалось следующее:

«За все время своего существования сегодня впервые «Синий журнал» выходит свободным... Со дня своего рождения «Синий журнал» ставил своей задачей преломление текущей жизни через свою собственную, несколько своеобразную призму. Увы! Эта призма, забрызганная красными чернилами наших цензоров, сплошь и рядом искажала желаемый образ. И только сегодня, впервые, она является тем, чем должна была быть. С сегодняшнего дня мы свободны.

И мы, в общем со всей свободной Россией порыве, с беспредельным восторгом и радостью, низко кланяемся тем борцам за народную свободу, которые подарили нашей родине свободу великого печатного слова!»

Не преминув воспользоваться этой свободой, Агнивцев в том же номере помещает сатирическое стихотворение «Фрау Алиса, аувфидерзейн»:

Как вначале, так и дале,
Между всяческих вещей,
Все нам немцы поставляли:
От подтяжек—до цариц!
Коль взглядеться в дело близко,
Этот экспорт, что—бельмо!
— На царице всероссийской—
«Made in Germany» клеймо!!!

— Надо Алисе
Ехать назад!..
— Адрес для писем:
— «Гессен—Дармштадт»!..
— Фрау Алиса
Едет «нах Рейн»,
— Фрау Алиса,
Ауфвидерзейн!..

.....
Возвратясь в места родныя
Сообщите там тогда,
Что импорт цариц в Россию —
Прекратился навсегда!
.....

А вот что писала 14 марта 1917 года «Петроградская газета», в которой также сотрудничал Н. Агнивцев:

«В кабаре «Би-ба-бо»

В воскресенье состоялся товарищеский ужин думских журналистов во главе с членом Гос. Думы А. А. Бубликовым.

Без конца повторялось инсценированное стихотворение Агнивцева, напечатанное в нашей газете «Здравствуй, Россия свободная!». Автора несколько раз вызывали. Из злободневных номеров отмечу остроумную «Песенку об Алисе» Н. Я. Агнивцева».

Шарж на царицу А. Романову

Та же газета от 18 марта 1917 года сообщает:

«В «Би-ба-бо» новая программа. Съезд с 10 1/2 час. веч.

Хор экс-министров,
Похороны старого режима.
Песенка об Алисе,
Здравствуй, Россия свободная,
За полотном и мн. др.

Запись на столы от 3 до 7 час. веч. Вход 10 руб.».

На следующий день, 19 марта, газета информирует:

«В «Би-ба-бо» новая программа. Из злободневных номеров под сплошной хохот идет оживленная карикатура «Хор экс-министров», слова Н. Я. Агнивцева. Интересная передвижная картинка. Изящны и контрастны параллели «Прежде и теперь».

СИНИЙ Завтра

Обложка журнала, где впервые было напечатано стихотворение
Н. Агнивцева «Фрау Алиса»

В заключение присутствующий среди публики футурист Маяковский читал свои нелепые стихи, чем сильно испортил впечатление от интересной программы».

Одновременно с интенсивной работой на эстраде Агнивцев писал стихи, которые пользовались большой популярностью, печатались в хрестоматиях, читались на митингах и концертах. Таковы, кроме упомянутой «Песенки об Алисе», «Гильотина», «Рассеянный король», «На мотив «Стеньки Разина»», «Бильбоке», «Вот и все» и другие, в которых события русской истории преломлялись в образах и сюжетах Великой Французской революции. Исчез дух шебуевской «Весны». Сатира Агнивцева носит общедемократический либеральный характер.

С начала 1917 года «Синий журнал» начинает настойчиво напоминать читателям: «В скором времени выйдет в свет «История взятки Российской» Н. Я. Агнивцева с иллюстрациями худ. Н. В. Николаевского. Издание «Синего журнала». Такие объявления были напечатаны непосредственно на обложках «Синего журнала» № 2, 3, 6, 7, 14, 15.

Впоследствии оказалось, что это произведение Агнивцев опубликовал еще в журналах «Лукоморье», 1916, № 15/16 и «Двадцатый век», 1916, № 30.

Можно предположить, что уже тогда Агнивцев готовил репертуар для задуманного им театра миниатюр, который звучал бы в духе времени. Богатый опыт Агнивцева-постановщика, замечательная способность артистов его труппы к мгновенному перевоплощению, иллюстрации художника Николаевского могли служить неплохой основой для оформления таких спектаклей и их успеха*.

Лето 1917 года.... Общественная атмосфера накалена. Правительство Керенского переживает явный кризис. Но столичная петербургская публика ломится в рестораны, ночные кабаре. Театры переполнены, особенно опереточные. Замечательный артист оперетты, автор книги «О любимом жанре» Г. М. Ярон, пишет:

«Летом 1917 г. по ночам я выступал в кабаре «Би-ба-бо». Труппа состояла из множества отличных комедийных артистов разных театров, приехавших сюда, как и я, после спектаклей».

Вспоминает Э. Краснянский:

* После возвращения Агнивцева в Москву в 1923 году такая программа уже в значительной мере утратила остроту. Впрочем, многое из написанного Агнивцевым в те годы актуально и в наши дни.

«Би-ба-бо» имел все признаки кабаре. В его зрительном зале стояли столики, работал ресторан, и зрители, ужиная, смотрели программу. Своим призванием «Би-ба-бо» считал шутку и немного лирики. Литературной главой всего репертуара был Н. Я. Агнивцев. Среди постановщиков встречались имена известных режиссеров. Имя Агнивцева было широко известно читателям юмористических журналов и в литературных кругах.

Его колоритная внешность, несколько курьезная, привлекала всеобщее внимание. Очень высокий, с чересчур длинной шеей, с прической «а-ля-художник», в широком пиджаке-блузе и клетчатых брюках-клевш на длинных ногах.

«Богемный поэт» (так кто-то его прозвал) был по складу характера скромным, застенчивым, с добрым взглядом и мягким и отзывчивым сердцем. Он был окружен теплым отношением товарищей, грустинка «одиночества» не покидала его».

Марджанов вскоре разочаровался в недавно открытом кабаре «Би-ба-бо» и к зимнему сезону 1917/18 года перекупил антрепризу у Фокина (театр миниатюр на Троицкой, ныне ул. Рубинштейна, 18), передал «Би-ба-бо» «с рук на руки» Илико Мачабели.

Режиссер Троицкого театра Бертельс не мог соревноваться с Марджановым по опыту работы и размаху таланта. Стремясь к простору для самостоятельной работы, он перешел в «Би-ба-бо», а за своим режиссером последовала и А. Перегонец. С осени 1917 года их имена появляются в афишах «Би-ба-бо».

В конце 1917 года экономический и политический кризис продолжал нарастать. Страна вступила в новую историческую эпоху. Основные завсегдатаи «Би-ба-бо» бежали из Советской России.

Продержавшись до конца зимы, Мачабели ликвидировал свою антрепризу, оставив актеров на мели. Они организовали товарищество и кое-как перебивались на случайных площадках, пока в августе 1918 года не отправились на гастроли.

В книге Ю. Л. Алянского «Веселящийся Петербург» читаем:

«I/VII 1918 г.— Театр «Би-ба-бо» подвизается в настоящее время в «Аквариуме». Кроме пьес здесь исполняют частушки на политические темы. В субботу в «Красной газете» был напечатан донос, в котором доводилось до сведения тех, кому ведать сие надлежит, какого рода частушки исполняют в «Би-ба-бо». Вечером же, незадолго до окончания спектакля, в «Аквариум» явились два комиссара и потребовали от дирекции указать адрес артиста Вольского, исполнявшего частушки. Дирекция заявила, что адрес ей неизвестен. Комиссары потребовали, чтобы дирекция приняла меры к явке Вольского в воскресенье в ЧК. В противном случае «Би-ба-бо» будет закрыт.

Вольский вчера отправился на Гороховую, где и был арестован...»

«Вечерние огни». 1918

...О «Частушках» Вольского пишет Леонардо в газете «Новый вечерний час» от 27 июня 1918 года:

А. Перегонец
«Дама с мушкой»

И. А. Вольский
1917—1918 годы

«Би-ба-бо»

«...Как всегда шумный успех имеют «Частушки» Вольского. Особенно понравилось:

Грабят, режут тут и там,
Отдохнут, и снова...
Неудобно что-то нам
Без городского.

Запомнилось:

Ходят слухи на Неве —
Не без доказательства,
У Чичерина в Москве
Нотное издательство...»

Ю. Алянский приводит интересные рецензии на спектакли «Би-ба-бо», опубликованные журналом «Обозрение театров» (1918 г.):

««Би-ба-бо» переехал на гастроли в «Аквариум». Хозяева этого милого учреждения хорошо сделали, что вынесли его на свет и простор из подполья и показали широкой публике. Посмотреть и послушать остроумных забавников из компании Агнивцева — Курихина — Радакова очень и очень не мешает.

В их творчестве много настоящего искусства, много соли, свежести, задора. А главное, много веселья. Если исключить 2—3 штриха, остальное в этом товариществе проникнуто именно этим весельем милых пустяков. Чувствуется, что пустяки на каждом шагу могут превратиться в нечто серьезное и неизмеримо более глубокое — и как поэзия, и как общественная сатира. Но авторы и исполнители связаны очень хорошо понятными условиями, чтобы «разойтись» перед «всякой публикой».

Вероятно там, у себя в подземелье «Пассажа» они чувствуют себя свободнее.

Общий тон — чуточку «гимназический». Так балагурит и представляется самая зеленая молодежь. Смотришь все эти выкрутасы, уснащенные милыми «пояснениями» Курихина, и вспоминаешь гимназические годы, вечеринки с «шарадами» и танцами, когда над нами еще не висело никаких Брестских договоров и гражданских войн.

И хотя без политики не обошлось и здесь (тройка самоопределяющихся русских народностей), и хотя Курихин с преувеличенной осторожностью предупреждал нас об этом — все-таки «Би-ба-бо» было бесконечно далеко от тяжелого сумрака наших дней.

«Би-ба-бо» — молодость, и притом бесспорно талантливая. Здесь все таланты: актеры, авторы, пьесы, декорации, и всех талантливее по неожиданности словесного эквивока — конечно, Курихин. Хороший актер Курихин, но как конференсье он просто незаменим и неисповедим! Несколько не вяжется с общим настроением «Старая сказка», при помощи которой «Би-ба-бо» напустило на себя временную серьезность. Но «сказка» поэтична, изящна и оригинально поставлена в стиле пантомимы с пением, а вслед за нею исчезла всякая тень серьезности на ухмыляющейся физиономии «Би-ба-бо» и щетное скука билась лбом в двери. Было весело, было смешно. Не было тех противных сучков и задоринок, безвкусицы и пошлости, которых так много в других театрах миниатюр. Публики полным-полно...

...Со спектаклей этой жизнерадостной кувырколлегии уходишь обновленным и омоложенным и примиряешься с грубой и дикой действительностью. Мы страшно устали. И, надо сказать страшную правду, страшно состарились за пережитый год. И все кругом состарилось; на саму жизнь легли морщины старости. Ее печальное лицо измождено, как у столетней старухи.

И даже летнее солнце не принесло ей ни возрождения, ни молодости... Нет веры, нет надежды, нет добрых порывов. Нет смеха.

Площадное гоготание и хихиканье сумасшедших — это не смех, а кошмар. А тут смеются! Чистый, жизнерадостный смех молодости. Какой благотворный источник, какое сладкое зелье, этот смех! Где он родился? В темном и душном подвале, где и чадно, и дымно, и, быть может, не всегда трезво. В этой темноте, на дне мутного колодца родились и расцвели поэзия, красота, изящество и молодое веселье.

Неужели они вернуться опять туда — в подвал? Было бы жаль! Кувырколлегия жизнерадостного и жизнелюбивого «Би-ба-бо» должна расцвести на свету, на воздухе, среди обширной аудитории».

«Богемный» поэт писал смешные интермедии: «Средство от девичьей тоски», где действовал восточный лекарь («Я знаменитый Аббалах, Собаку скушал в сих делах...») или «Американскую рекламу», в которой роман артистки Боливар с керосиновым королем Форрестолом назойливо прославляется всевозможными рекламами

торговых фирм, весьма напоминая надоедливую рекламу наших дней.

Агнивцев создал целую сюиту «мещанских», «галантных», «жеманных» и всяких других полек, сопровождавшихся танцевальными разговорами персонажей, характеризующихся самим текстом:

Я люблю вас, Марья Сидоровна,
Я люблю вас от души,
Потому что, Марья Сидоровна,
Вы, как ангел, хороши.

— Ах, оставьте вы намеки,
Вы коварны, знаю вас.
— Почему вы так жестоки,
Почему же, пуркуа-с?

— Потому, что всю вчера ночь
Вы, нарушив мой покой,
Снились мне, Иван Иванович,
С громадною змеей.

— Вредно много кушать на ночь,
Не зовите ан-пассан
Вы меня Иван Иванович,
А зовите просто Жан...

Пог новым названием

18 августа 1918 года труппа «Би-ба-бо» уезжает на гастроли в Киев под новым названием «Кривой Джимми», придуманным для нее Н. Агнивцевым и Ф. Курихиным. Начав с «милого пустячка» — «Би-ба-бо», его руководители создали замечательный театр миниатюр, о роли которого в истории русского театра следует рассказать подробнее.

Ни антрепренера, ни материальной базы не было, были лишь те, кто мог отдать свой труд и дарование — Курихин, Ермолов, Вольский, Судейкина, Неверова, Перегонец, Агнивцев. По традиции открыли подвал на Фундуклеевской улице. Труппа пополнилась талантливыми актерами (Хенкин, Мариевская, Гирявый, Антимонов и другие).

Вспоминает А. Я. Каплер:

«Труппа «Джимми» составляла коллектив в настоящем смысле слова. Все делали всё. Не существовало больших и маленьких ролей. Такие звезды, как Владимир Хенкин, Федор Курихин, Иван Вольский, Александра Перегонец, Елена Неверова играли всё подряд и всё с огромным наслаждением. Лучший в стране конферансье А. Г. Алексеев постоянно вел программу. У театра был один-единственный автор — Н. Агнивцев. Он писал решительно все, весь репертуар. Пьесы, песенки, монологи, тексты танцевальных номеров и тексты для «Хора братьев Зайцевых» — все, все, все. В его стихотворениях, инсценированных им самим, мелькали образы Пушкина, Гоголя. Очень высокий, с длинными «поповскими» волосами, в черной бархатной блузе и клетчатых брюках, в руке дорогая трость с массивным набалдашником. На запястье браслет в виде толстой цепи из огромных стальных звеньев.

На полуловища буквально выше всех окружающих он проходил по улицам Киева, как инородное существо, как пришелец из другого мира. Человекожираф.

Среди простых смертных в ту пору распространилась мода на толстовки, а снобы носили их полурасстегнутыми, чтобы виднелась белоснежная сорочка и галстук, повязанный бантом. Именно такой бант, но в отличие от других гигантского размера, повязывал Н. Агнивцев под черной бархатной блузой. При этом своем богемном виде Агнивцев был безотказным работягой, что как-то не вязалось ни с его внешностью, ни с поразительно ленивой походкой».

Необычную внешность Агнивцева вспоминал, вместе с его «немудрыми песенками», и К. Паустовский в «Повести о жизни». Ему тоже очень запомнился огромный желтый галстук Агнивцева, завязанный бантом на длинной шее, его широчайшие клетчатые брюки, всегда прожженные папиросой, неизменная трость с массивным набалдашником и стальной браслет из отдельных звеньев в виде толстой цепи.

В начале 20-х годов в Киеве была популярна песенка, однажды прозвучавшая с эстрады «Кривого Джимми» (как его позывные):

На углу Фундуклеевской и Большой Владимирской
Стоит высокий дом с французской вывеской:
«Отель Франсуа», «Отель Франсуа»...
Подвал «Кривой Джимми» забрался сюда.

И неведомо было «джиммистам», что именно на Фундуклеевской улице Киева прошло раннее детство А. Вертинского.

Если учесть, что «Кривой Джимми» получил свое имя от его организаторов — Н. Агнивцева и Ф. Курихина — и весь репертуар с самого начала писал Агнивцев, можно предположить, что и слова этой песенки принадлежат ему. Агнивцев создавал бесчисленное количество номеров, составлявших целые программы. А программы менялись довольно часто. Театр ставил пародии, маленькие пьесы современного содержания.

Рассказывает Э. Краснянский:

«Театр «Кривой Джимми» был оборудован в небольшом подвале. Стены его расписал художник Бакст Л. С. Актеры встречали зрителей, в большинстве приглашаемых театром деятелей художественной культуры, в необычных костюмах, стилизованных под Древний Восток. Приветствие всегда носило шуточный характер. В течение спектакля артисты, «трансформируясь», играли по 5—10 ролей. Им не уступали и талантливые представительницы миниатюрного жанра (А. Перегонец, Е. Неверова, З. Мариевская).

Я вспоминаю А. Ф. Перегонец. Миниатюрная, изящная фигурка, тихий, но впечатляющий голос, ласкающая лиричность и комедийная задорность, подкупающее сценическое обаяние. Грустящая маркиза, лукавая китаяночка, наивная мещаночка, впервые влюбленная девушка — бесчисленное количество образов. Театр до краев наполнял ее жизнь».

Особенным успехом были отмечены спектакли «Кривого Джимми» в киевский период, когда театром руководил Марджанов.

«В программках и афишах назывались имена всех участников, только имя режиссера скрывалось за тремя звездочками. Но и без подписи проявлялись в каждой программе талант, вкус и новаторство Марджанова. Это был театр высокой культуры — литературной, живописной, музыкальной, театр тонкого юмора и высочайшего актерского совершенства».

«Откровением казалось когда-то марджановское кабаре. Его эффектные трюки в киевском «Кривом Джимми»... Марджановские «Бродячие комедианты» знаменуют собой наиболее удавшийся в России отпрыск венско-итальянской кабаретной школы», — писал в 1922 году рецензент Геронский о прошлом «Кривого Джимми».

И. Эренбург тоже вспоминает о том времени, что:

«В маленьком театре, известном петербуржцам, актеры, подпрыгивая, пели куплеты, написанные Агнивцевым:

И было всех правительств десять,
Но не успели нас повесить...»

Благодаря замечательному составу труппы в подвальчике, где собиралась после одиннадцати вечера интеллигенция, процветали талантливая импровизация, острая шутка.

Обстановка в подвальчике соответствовала названию театра. Перед входом на гигантской бочке восседало одноглазое чучело — сам Кривой Джимми, в помещении стояли маленькие и большие дубовые бочки. Первые служили сиденьями, вторые столами. Все это освещалось цветными фонарями.

В 1918 году в молодом театре обозрений «Кривой Джимми» был организован комический хор братьев Зайцевых, пользовавшийся неизменным успехом. Этот хор выступал в финале каждого спектакля — «трактирный» хор со странным составом исполнителей. Можно было легко догадаться, что один — опустившийся певец, другой — спившийся дьякон, третий — случайно затесавшийся человек, остальные — разновидности этих образов. Руководитель хора — Владимир Хенкин — был наряжен в красную рубашку, лихо причесан на пробор, держался на сцене свободно и браво, во время исполнения начинал вдруг громко высвистывать...

Пели они несусветную чушь. Вроде:

В дальних ущельях Кавказа
Царица Тамара жила.
На ней треугольная шляпа
И серый походный сюртук.

Или:

На ваш маленький носочек,
Так изящно вздернутый,
Подарю я вам платочек,
Элегантно свернутый.

Или:

Невеста была в белом платье,
Жених был весь в черных штанах.

К. А. Марджанов (Котэ Марджанишвили)

Успех хора Зайцевых обеспечивала талантливая игра актеров: Иван Вольский, Федор Курихин, Филипп Гиравый и другие создавали кариатурные типы запевал и хористов, «самозабвенно» исполнявших свой репертуар.

В очерке «На старых афишах» А. Бейлин пишет:

«Публика обычно долго не отпускала хор со сцены. Приходилось много бисировать, и все равно номер как бы не имел окончания. Нужно было придумать такое, чтобы зрители в конце концов смирились с тем, что наступил момент расставания. Обычная финальная песенка не способна была это сделать. Требовалась песенка другого характера, пусть совсем простая, но с драматургическим решением. Такое решение нашел молодой литератор В. Агатов. Он написал незатейливый текст песенки, которой комический хор театра заканчивал выступление. Но главное было в необычной выдумке.

Когда программа завершалась, а публика все еще настаивала на выступлении, хор появлялся на сцене снова и, спускаясь в зал, пел:

Но раз вы просите,
Чтобы еще мы спели вам,
Отказаться неудобно нам...

Из зала раздавались голоса подсаженных среди зрителей актеров:

— Просим! Просим!

Тогда хор поворачивал обратно, поднимался на сцену и, направляясь к кулисам, пел:

Но если крикните
Вы хором нам: «Долой!»

В это время из зала те же и другие люди кричали:

— Долой! Долой! Долой!

А хор тем временем продолжал, повторяя все сначала:

Но раз вы просите,
Чтобы еще мы спели вам...

Так публика вовлекалась в игру. Теперь уже «Просим!» и «Долой!» кричали все. А артисты хора то спускались в зал, то направлялись к кулисам, пока под хохот и аплодисменты не уходили совсем.

Владимир Хенкин дирижировал и этой забавной песенкой. К публике он шел впереди хора, подтягивая красную рубаху, важно приглаживая черную прядь, а уходил со сцены последним, как капитан корабля, и при словах: «Ведь нельзя же, так сказать, без конца нам распевать», — растерянно разводил руками и делал такое движение головой, словно хотел подчеркнуть: «Никто не виноват. Сами кричите «долой!».

В. Я. Хенкин

В книге «Загадка королевы экрана» один из участников «Кривого Джимми» в те годы — А. Я. Каплер — рассказывает:

«О «Кривом Джимми», об этом замечательном театре... к сожалению, очень мало известно. Между тем это явление выдающееся. Потомок «Кривого зеркала» и «Летучей мыши» — «Джимми» не стал ни их подражателем, ни прямым последователем. «Кривой Джимми» создал свой репертуар, свой стиль и совершенно своеобразные постановочные решения».

Присоединяясь к характеристике Каплером Агнивцева как «безотказного работяги», Е. Уварова в журнале «Эрмитаж» за 1922 год, № 4 продолжает:

«Николай Агнивцев писал много и безотказно. Это была колоритная личность, характерная для искусства предреволюционного десятилетия. Один из самых репертуарных на эстраде авторов, он принес в артистическую богему семинарский ядерный юмор и острую романтику «жильца восьмого этажа», мансардника, мечтающего о «коттедже, как у Корнеджи» и влюбленного в прекрасную даму, которая «служит на Садовой младшей горничной в столовой...».

Романтика постоянно снижалась иронией, сливалась с ней, что создавало неповторимый колорит «агнивцевских безделушек»:

Таня — гордая инфанта,
Таня — лилия долины
.....
Таня служит на Садовой
Младшей горничной в столовой.
Таня! Таня! Ради Тани
Ем я там битки в сметане,
Клопсы, супы и бульоны,
Пирожки и макароны.
.....
Кто же, кто отдаст мне вновь
И — потерянный рассудок
И — испорченный желудок?!
Вот она — Любовь!

Всевозможные Джимми, Джо, негры, миллиардеры были для Агнивцева тем, чем была романтическая маска Пьеро для Вертинского. Она помогала уйти от трудных, казалось, неразрешимых противоречий действительности, отгородиться мечтой, иронией. Исследователь творчества Н. Агнивцева О. Б. Кушлина напишет в «Биографическом словаре русских писателей»:

«Н. Агнивцев всю жизнь был неисправимым романтиком. Его душа рвалась в далекие страны, о событиях легендарных он писал с большим блеском, чем о современных, измеряя русскую революцию образцами французской, а себя считал русским Беранже».

«Надо признать,— пишет С. Г. Ландау,— в самой поэзии Агнивцева была заложена театральность. Сюжетные коллизии его баллад и стихотворных новелл были насыщены внутренним и внешним действием. Диалоги отличаются живыми и точными интонациями. По общему складу художественного мышления Агнивцев — поэт звучащего слова, которое требовало именно сценического воплощения.

И мне кажется, что о написанных им произведениях, большинство из которых затерялось в закулисной суете, нельзя судить в отрыве от эстетики малых форм.

Театр Агнивцева — это инсценировки классических и современных произведений, тематические сценарии, сочинения, иногда вполне литературно законченные, а иногда эскизные, рассчитанные на актерскую импровизацию. Лирико-драматическая форма театра Агнивцева представляет определенный интерес именно как опыт в этом плане в России. Важно еще учесть, что существенную, если не решающую роль в формировании поэта как автора театральной миниатюры сыграла его встреча с Переговец. Она состоялась в 1917 г...

...Агнивцев, профессионально чувствуя потенциальные возможности каждого актера, писал, ориентируясь именно на данный состав театра, еще с большим воодушевлением писал «на Переговец», воплотившую для него романтический идеал «вечно женственного»...

«Итак, в 1918 году труппа «Кривого Джимми» была полна оптимизма. В Киеве в это время «менялись правительства, порядки, флаги, даже вывески. Город был полем гражданской войны: громили, убивали, расстреливали... Сначала были немцы и Павло Скоропадский, их сменили погромные сотни Симона Петлюры, владевшие Киевом сорок семь страшных дней. Потом пришли красные... Шесть месяцев были яркими, шумными. Для Киева это была пора надежд, порывов, крайностей, смятения, пора весенних гроз».

(И. Эренбург «Люди, годы, жизнь»).

По свидетельству М. Долинского, автора книги «Связь времен»:

«Сентябрь восемнадцатого казался относительно спокойным. Толпа захлестывала улицы и аллеи надднепровских садов, сверкали магазинные витрины, дразнили воображение и аппетит ресторанные и кондитерские запахи. Работали десять театров...

...Веселили публику программы «Кривого Джимми» и «Летучей мыши»... Но какое это все-таки было неустойчивое спокойствие! Людей трясла лихорадка неуверенности. Торопились жить — нет! — прожигать жизнь. Расплодились мошенничества. Искали утешения, забвения от тревог в вине, религии, любви, коммерции. Никто не знал, что случится завтра».

Вот, что вспоминает об этом времени И. Эренбург в книге «Люди, годы, жизнь»:

«Я прожил в Киеве с осени 1918-го года по ноябрь 1919-го — один год... На толкучке демобилизованные в ободранных шинелях продавали хрустальные люстры и винтовки. На толкучке пели: «Украина моя хлебородная, немцу хлеб отдала, сама голодная». Немцы не могли пожаловаться на отсутствие аппетита; ели они повсюду — в ресторанах, в кафе, на рынках; ели венские шницели и жирные пончики, шашлыки и сметану...

...Киев напоминал обшарпанный курорт, переполненный до отказа. Киевляне терялись среди множества беженцев с севера. Крещатик был первым этапом русской эмиграции — до одесской набережной, до турецких островов, до берлинских пансионатов и парижских мансард... Были здесь и сиятельные петербургские сановники, и пронырливые журналисты, и актрисы кафешантанов, и владельцы доходных домов, и заурядные обыватели — северный ветер гнал их, как листья осенью...

Каждый день открывались новые рестораны, паштетные, шашлычные: веряне после жизни «в сушь и впроголодь» тучнели на глазах....

Красноармейцы пришли в феврале 1919 года...

...Первые годы революции были не только годами взлета сценического искусства, но и повального увлечения театром. В маленьких городах Украины бродячие актеры, мечтавшие наконец-то поесть досыта, потрясали зал, заставляя зрителей забыть о недоданных пайках, о нетопленных квартирах, о ночных перестрелках...

А Киеву повезло: он получил Константина Александровича Марджанова...

Вокруг Киева рыскали банды; каждый день рассказывали о погромах и убийствах. Тревожно вскрикивали машины. Деникинцы и петлюровцы состязались, кто первый дойдет до Киева».

С 15 марта 1919 года все театры Киева были объявлены национализированными, а их комиссаром назначен К. А. Марджанов.

Интересные воспоминания об этом времени оставил М. Долинский в книге, посвященной С. Юткевичу, «Связь времен».

«Юный в то время, будущий крупнейший режиссер кино Сергей Юткевич «искренне наслаждался программами балиевской «Летучей мыши» и театра-кабаре «Кривой Джимми» с его пародийным хором братьев Зайцевых и насмешливыми интермедиями, придуманными поэтом Николаем Агнивцевым и конференсье Алексеем Алексеевым. Программы там назывались «Джиммиадами» — «Первая Джиммиада», «Вторая Джиммиада»... В подвале гостиницы «Франсуа», на Фундуклеевской, где располагался этот театр и где перед входом на огромной бочке сидело комическое одноглазое чудовище — Кривой Джимми собственной персоной, не было недостатка в веселье».

В конце августа начался артиллерийский обстрел Киева. В город вошли петлюровские отряды и деникинские войска. Начались погромы. Призрак прежнего режима вновь обрел плоть и кровь. Осенью 1919 года «джиммисты» вновь пустились в странствие.

Интересные документы той поры приводятся в книге Долинского:

ГАЗЕТНЫЕ ОБЪЯВЛЕНИЯ

«Случай! Старая фирма, богатая клиентурой, экстренно продает кинематографическую прокатную контору с инвентарем и картинами. Платеж любыми деньгами.»

««Привал комедиантов» (Крещатик, 36). По вечерам выступления, экспромты лучших артистических сил под руководством Н. Агнивцева, Г. Ермолова, И. Вольского и В. Хенкина. Обеды. Ужины.»

«Просьба к вору. Ограбившего вагон военно-исторической комиссии просят вернуть только черную материю, необходимую для фотографии на фронте, а также машинки для бритья и стрижки, необходимые в походе.»

Гражданская война разбросала руководителей и участников киевского кабаре в разные стороны. Со сменой руководителей театр был вынужден менять название, придуманное Агнивцевым и Курихиным. После переезда театра в Москву и возвращения Курихина театр вновь обрел название «Кривой Джимми» и осенью 1922 года открыл сезон в помещении «Летучей мыши», в Гнездниковском переулке.

«Не знаю, общность ли стиля или просто счастливый подбор талантливых актеров и хороших людей стали причиной того, что сразу, без тренировок, три коллектива: «Кривой Джимми», «Гротеск» и «Летучая мышь» слились в один крепкий ансамбль»,—

писал А. Г. Алексеев, ставший руководителем нового театра, в книге «Серьезное и смешное».

Завершая рассказ о театрах миниатюр, спектакли которых видел из зрительного зала или в которых играл сам, Э. Краснянский заключает:

«Некоторые из них, мне кажется, по праву вошли в историю развития театрально-миниатюрного жанра. К ним я отношу «Кривое зеркало», «Би-ба-бо», «Кривой Джимми» и «Летучую мышь».

С. Г. Ландау, автор замечательной книги «Александра Перегонец. Судьба актрисы», помогает нам представить обстановку тех лет:

«В конце августа 1919 года в Киев вошли отряды Петлюры и денкинские войска. С боями красные оставили город, и актеры бежали из него, едва успев захватить декорации и реквизит. «Дальнейший путь театра,— пишет Судейкина,— лежал через Харьков, Краснодар, Ростов, Минеральные Воды, Новороссийск, Тифлис». Часть труппы во главе с Хенкиным осталась во вновь организованном А. Г. Алексеевым театре «Гротеск»... Поездка театра в ту пору ничего общего с обычным «турне» не имела. Это была борьба за каждый день. В дороге товарищи заболели сыпным тифом и их приходилось оставлять в больницах разных городов. А потом, преодолевая невероятные трудности, пробираться через территории, занятые всевозможными «правительствами» и «батьками», белыми и зелеными генералами, чтобы их вызволить. Заболела тифом и Перегонец, Мария Матвеевна осталась с нею в Краснодаре и вырвала ее у смерти. Ослабевшая, худая, остриженная наголо, Шурочка через месяц присоединяется к труппе в Новороссийске.

...Снова остались без работы. Жить было негде — ютились в театре, насквозь продуваемом новороссийским норд-остом. Спали прямо на полу... Голодали.

Когда началось наступление красных, белое военное командование сделало последнюю попытку мобилизации. Весь мужской состав театра получил повестки о явке для зачисления в армию. Служить белым наши мужчины не соби-

рались, и им пришлось бежать: без денег, без паспортов, без билетов. Они «зайцами» ушли на пароходе «Прага» итальянской компании. Куда точно направлялся пароход, было неизвестно.

Нам, женщинам, остались корзины с костюмами, декорациями и самое дорогое — репертуар, тщательно завернутый в простыню...

Промаявшись... без работы, без жилья, без еды, в постоянном страхе, актрисы... решили отправиться на поиски своих сгинувших в неизвестном направлении мужчин. Средств для приобретения билетов не было. С большим трудом удалось сговориться с командой парохода «Возрождение»; тайком от судового начальства. В залог актрисы отдали единственное свое богатство — шубу и часы Агнивцева, оставленные им «на крайний случай, чтобы не умерли птички с голоду». На борт надо было проникнуть под видом родственниц матросов. Дело было рискованное. Но иного выхода не предвиделось... Выждали удобный момент и забросили тяжелые тюки с декорациями и костюмами. Потом набрались храбрости — актрисы все-таки, неужели не «сыграют»?!

Вот уже прошли Неверова и Судейкина в качестве чьих-то «жен», за ними — Мария Матвеевна, чья-то «мать». А Перегонец — последнюю — вдруг кто-то из появившегося на причале начальства задержал. «Это еще кто? Нельзя! Назад!» «Дочь!» — отчаянно закричали актрисы с палубы, называя фамилию матроса. «Дочь?!» — грубый смех в ответ —... «Чтобы никаких таких «дочек» духу не было! Убрать трап!» В ужасе от мысли очутиться одной в чужом городе Александра Федоровна вспрыгивает на качающиеся над водой, уже приподнятые доски трапа. Матросы подхватывают ее... Пароход загудел, затрясся и отвалил от берега. Куда? Никто не знал. А среди ночи раздался истошный крик: «Человек за бортом!». Что произошло, они узнали позже.

Наутро пароход куда-то пришвартовался. Выглянули потихоньку: оказалось — Потти. И — о, счастье! — на набережной заметили торчащую над толпой фигуру Агнивцева в бархатной блузе, как ни в чем не бывало повязанной бантом. А рядом с ним — актеров. Стали спешно выгружаться. А их снова не пускают с парохода. Сам капитан требует объяснения: «Кто такие? Откуда? Где билеты?» Растерянные женщины стали объяснять, что билетов у них нет, а отдали за проезд шубу и часы. Капитан велел вернуть «залог» и больше не попадаться на таких «делах»...

На пристани к ним подошел неизвестный матрос и попросил: «Возьмите меня к себе. Кем угодно». А оказалось вот что: ночью пьяные матросы стали разыгрывать своих пассажиров в кости. Он вступился. Началась драка, и разъяренная команда выбросила его за борт... Он служил в театре рабочим сцены пока не устроился на другой пароход.

После... всего пережитого... «джиммистам» удалось в Тифлисе найти пристанище и наладить регулярные спектакли. Во главе театра встал Иван Александрович Вольский.

Именно тогда у Перегонца по-новому зазвучали старые стихотворные монологи. Их романтические сюжеты обросли свежими ассоциациями. Не случайно во всех рецензиях «джиммистов» называли «самым современным театром».

Я не один: со мной тоска моя

О жизни труппы в Тифлисе поведала бывшая «джиммистка» М. М. Страдецкая. Юная Мура Страдецкая прежде работала в Екатеринодаре, в драме. Перебралась в Новороссийск, уже имея заграничный паспорт, в надежде уехать в Константинополь. В Новороссийске встретилась с «Кривым Джимми» — поехала с ним в Поти, Батум, Тифлис, где в то время хозяйничали меньшевики. Театральная программа «Бенефис Клавдии Сергеевны Судейкиной 17 января 1921 года» дает представление о составе труппы и репертуаре, а также изображает эмблему театра.

Вспоминает Страдецкая:

«Город чудный, а есть нечего — денег нет. Вернее, есть 120 тысяч «донских», а в Грузии хождения не имеют. Но молодость, беспечность, радость, друзья. Мы были бродячими комедиантами, очень дружными. Хлеба нет — поголодаем! Туфли износились — не страшно. Все было нипочем.

Это был удивительный театр, и Николай Агнивцев был его душой. Как мы все любили его, хотя он был очень замкнутым, жил отдельно от нас. Писал по ночам, а утром приносил готовые пьесы, куплеты в театр. Музыку сочинял композитор и дирижер Ю. Юргенсон. Шли одноактные, редко двухактные пьесы. Играли «Польку на злобу дня», пел Салонный хор «Кривого Джимми». И всегда Александра Федоровна Перегонец читала стихи из цикла «Санкт-Петербург». Нет, она не была звездой. У нас вообще не было звезд, все — на равных. Она поразительно соответствовала стихам Агнивцева — легкая, воздушная — статуэтка в костюме XVIII века», —

такая оценка, да еще из уст женщины-актрисы, дорогого стоит!

О жизни и творчестве Александры Федоровны Перегонец написано несколько книг. Все, кто видел ее на сцене, отмечали, что она являла собой «тончайшей лирики тончайший образец». И в пьесе Ю. Беляева «Путаница», и в лирических сценках и монологах Агнивцева, и в стихах и юморесках Н. Эрдмана и М. Вольпе, в образах величавой Натальи Гончаровой и наивной комсомолки — всегда и везде она

Кривой Джими ТЕАТРЪ

ВЫШИЕ ЛАКШЕ
БОЛЬЕ
ВЛУЖИ

РАСЧЕ
ГРИБОВОДСКАЯ 5.

ВШОБЯКИ
ПОСТАВИТЬ
НАКАЗУЮЩИЙ
РЕСПУБЛИКИ
ЭТО НА СЛУХУ НАШЕГО
ПИШУЩИЯ
МАШИНЫ

ПРОГРАММА

1924 г.

ТРЕБУЮТ
ВНОСУ

ВИНО
СОБЪЕДИНЕН
ВИНОГРАДА РАССАДКА

ИМБЕРМАНЪ
МАШИНЫ
ИЛИ
ИЛИ
ИЛИ

Бенефисъ
Клавии Сергеевны
СУДЕЙКИНОЙ
17-го декабря, 1924 г.

1) ДОН-ПАСКУАЛЕ
актеры Н. Агашинъ
ком. Юр. Юргинскъ
авт. Н. Агашинъ

2) Кале-Шарлотте Корю
авт. Н. Агашинъ

3) С-Порроритъ Ра сари
ком. Юр. Юргинскъ

4) Повесть об двухъ кавалерахъ
актеры Н. Агашинъ
ком. Юр. Юргинскъ

**5) Что говорятъ
что думаютъ**
актеры Б. Геваръ

6) МЯГЪ
авт. Н. Агашинъ
ком. Юр. Юргинскъ

7) Крушевные сидятки
авт. Н. Агашинъ
ком. Юр. Юргинскъ

8) Салонный Корю
актеры Н. Агашинъ
ком. Юр. Юргинскъ

9) Кривого - Дни ман
актеры Н. Агашинъ
ком. Юр. Юргинскъ

10) Салонный Корю
актеры Н. Агашинъ
ком. Юр. Юргинскъ

11) Кривого - Дни ман
актеры Н. Агашинъ
ком. Юр. Юргинскъ

12) Повесть об двухъ кавалерахъ
актеры Н. Агашинъ
ком. Юр. Юргинскъ

13) Что говорятъ что думаютъ
актеры Б. Геваръ

14) МЯГЪ
авт. Н. Агашинъ
ком. Юр. Юргинскъ

15) Крушевные сидятки
авт. Н. Агашинъ
ком. Юр. Юргинскъ

16) ДОН-ПАСКУАЛЕ
актеры Н. Агашинъ
ком. Юр. Юргинскъ
авт. Н. Агашинъ

17) Кале-Шарлотте Корю
авт. Н. Агашинъ

18) С-Порроритъ Ра сари
ком. Юр. Юргинскъ

19) Повесть об двухъ кавалерахъ
актеры Н. Агашинъ
ком. Юр. Юргинскъ

20) Что говорятъ что думаютъ
актеры Б. Геваръ

21) МЯГЪ
авт. Н. Агашинъ
ком. Юр. Юргинскъ

22) Крушевные сидятки
авт. Н. Агашинъ
ком. Юр. Юргинскъ

23) Салонный Корю
актеры Н. Агашинъ
ком. Юр. Юргинскъ

24) Кривого - Дни ман
актеры Н. Агашинъ
ком. Юр. Юргинскъ

САГО
ДОЛЖНЫ ПОКУПАТЬ
МАНУФАКТУ
ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО У
СЕМЕНА КЕРТЯКЪ
УСЪ У ВЕРИНАСЪ
ЭТО ВАКУ У ВЪРЪ СТОИТЕЛИ
ЛУЧШИЙ ВЪНУТРЪ

САГО
УЛУЧШЕН СОВЪРЪ

ПЕНТЕ ВИНЪ
САГО

БЪЛЬЕ ГОТОВЪ
ПАРФЮМЕРИЯ
ЗАПАХИ
ЯДРОНИЪ

СМОЛЕНСКІЙ
ПАЛАТНИКОВЪ
ОБОИ
РАБОТЫ ТАРИТОНЪ

БАТЪ ШЕРТОНЪ

КРАСИЛЬН
ПРАЧЕШАЯ
М-И ПУШЕВОГО
МИРОЧНАЯ ПЕВЪ

Театральная программа бенефиса К. С. Судейкиной в театре «Кривой Джими»

трогала, влюбляла всех в своих героинь. Выходит, еще ничего не говорит, а вы уже улыбаетесь ее застенчивой улыбке. Но вот Шура произнесла первую фразу, и вы в плену, и вы ее друг: чарующая детскость была в ее голосе. Актриса и режиссер кино Юлия Солнцева вспоминает, что Александра Федоровна блистательно танцевала, пела и рисовала. Она была ученицей А. П. Петровского, М. Г. Савиной и Н. В. Петрова. Никто не мог устоять перед ее обаянием. Не составил исключения и Н. Агнивцев.

«В театре «Кривой Джимми» началась дружба Александры Федоровны с Агнивцевым, дружба с оттенком влюбленности с его стороны, о чем свидетельствуют некоторые его стихи и рассказы близких к обоим товарищей. В его отношении к актрисе был элемент самоиронии и вместе — благоговейного преклонения», —

· А. Ф. Перегонец. 1922 г.

пишет Ландау.

Нельзя не сказать о трагической судьбе актрисы. Перед началом Отечественной войны з. а. А. Ф. Перегонец вместе с мужем, тоже з. а. РСФСР, Анатолием Ивановичем Добкевичем работали в Симферопольском театре. 30 января 1942 года гестаповцы арестовали Анатолия Ивановича по доносу провокатора. Зная, что он был известным общественником, исполнителем ведущих героических ролей и пользовался огромным авторитетом в городе, фашисты предложили ему пост бургомистра Симферополя. Добкевич отказался купить жизнь такой ценой. Ему выкололи глаза, отрезали язык и еще долго терзали за непреклонность. После гибели мужа Александра Федоровна стала членом театральной партизанской подпольной группы «Сокол». Провал этой группы, также выданной провокатором, произошел весной 1944 года, и все ее члены, после страшных пыток были расстреляны всего за три дня до прихода советских танков 10 апреля 1944 года. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27.09.67 г. Александра Федоровна Перегонец посмертно награждена медалью «За отвагу» (в ознаменование 20-летия Победы).

М. Страдецкая продолжает:

«А пока труппа играет, веселится, устраивает розыгрыши, неперменные актерские капустники, вспоминает и прославляет Петербург». И неизменно глубоко трогало души и сердца замечательное стихотворение Н. Агнивцева «Вдали от тебя, Петербург»^{*}

ВДАЛИ ОТ ТЕБЯ, ПЕТЕРБУРГ!

Ужель в скитаниях по миру
Вас не пронзит ни разу, вдруг,
Молниеносною рапирой —
Стальное слово «Петербург»?

Ужели Пушкин, Достоевский,
Дворцов застывший плац-парад,
Нева, Мильонная и Невский
Вам ничего не говорят?

А трон Российской Клеопатры
В своем саду?.. И супротив
Александринского театра
Непоколебленный массив?

Ужель неведомы вам даже
Фасад Казанских колонад?
Кариатиды «Эрмитажа»?
Взлетевший Петр и «Летний Сад»?

Ужели вы не проезжали,
В немного странной вышине,
На старомодном «Империале»
По Петербургской стороне?

Ужель из рюмок тонно-узких
Цедя зеленый Пипермент,
К ногам красавиц Петербургских
Вы не бросали комплимент?

А непреклонно-раздраженный
Заводов Выборгских гудок?
А белый ужин у «Донона»?
А «Доминикский» пирожок?

^{*} Это стихотворение было особенно любимо Е. Куферштейном. Он часто читал его на экскурсиях по Петербургу.— С. К.

А разноцветные цыгане
На «Черной речке», за мостом,
Когда в предутреннем тумане
Все кувыркается вверх дном;

Когда моторов вереница
Летит, дрожа, на «Острова»,
Когда так сладостно кружится
От Редерера голова!..

Ужели вас рукою страстной
Не молодил на сотню лет
На первомайской сходке — красный
Бурлящий Университет?

Ужель мечтательная Шура
Не оставляла у окна
Вам краткий адрес для Амура:
«В. О. 7 л. Д. 20-а»?

Ужели вы не любовались
На Сфинксов фивскую чету?
Ужели вы не целовались
На Поцелуевом мосту?

Ужели белой ночью в мае
Вы не бродили у Невы?
Я ничего не понимаю!
Мой Боже, как несчастны вы!..

Агнивцев стал тосковать о любимом городе сразу, как только покинул его. Страдецкая не случайно вспоминает о его замкнутости. Хотя он вместе со всей труппой, веселится, мы как бы слышим его внутренний голос: «Один... О, нет! Я не один: со мной тоска моя...».

Эта тоска родила блестящий цикл стихов под названием «Санкт-Петербург». Сборник издан в 1921 году в типографии театра «Кривой Джимми» в Тифлисе. На титуле посвящение: «Александре Федоровне Перегонец с любовью и аплодисментами». В самом сборнике посвящения артистам театра, композитору, другим друзьям поэта предвзывают каждое стихотворение.

Работникам типографии книга так понравилась, что они спросили: «Николай Яковлевич, что вам подарить?». Он ответил: «Визитные карточки». И они сделали ему такие визитные карточки: «Николай Яковлевич Агнивцев, миллионер». Миллион он получил за книгу. Такие деньги были тогда в обращении.

Впоследствии к рассказу М. Страдецкой добавились интересные подробности, изложенные ею М. С. Лесману.

Оказывается, театр «Кривой Джимми» имел свой гимн, сочиненный Н. Агнивцевым и Ю. Юргенсоном.

Впервые приехав в город, вся труппа перед началом спектакля, проходя в дорожных костюмах с маленькими чемоданчиками на сцену, пела:

Бродячие комедианты, кривляемся мы на заказ,
Что делать. но, кроме таланта, ни черта нет больше у нас!
Всех охраняет нас ангел беспечности —
Так это было и будет всегда.
Все ерунда по сравнению с вечностью.
Да, да, да, да — ерунда!
И так, чтобы нам веселиться... до конца,
Румяним и пудрим мы лица, румяним и пудрим сердца!

Поднявшись на сцену, Курихин начинал конференс, во время которого в бешеном темпе готовилась первая пьеса.

Исполнялся Гимн «Кривого Джимми»:

Кто этот джентельмен? Кто он,
Чей глаз немного поврежден?
Как джентельмена имя?
Ра ла ла ла ла ла ла ла
Джимми, Джимми.
Кто, как из сказки Колобок,
В конце концов от всех утек,
Хоть запыхался с ними?
Ра ла ла ла ла ла ла ла
Джимми, Джимми.

В конце спектакля непременно выступал «Салонный хор», знакомивший сначала зрителей со своим происхождением:

Старая ворона на трубе сидела,
О салонном хоре та ворона пела:
Дьяк Акакий, кто Вам
Дал коньяку с ромом?
Закусили, не платили,
Жульство — одним словом!
И с тех пор у Джимми хор поет салонный,
А всему причиной — старая ворона.

Страдецкая подчеркивает самые дружелюбные отношения в труппе и высказывает предположение, что объяснением могли быть и семейные отношения; в этой маленькой труппе были три супружеские пары: Переговец — Вольский. Неверова — Курихин и Судейкина — Ермолов. Во время гастролей в Батуме, когда не было репетиций, первую половину дня проводили на море. Развлекались игрой в «Раб-

ство» и всякими другими выдумками. А перед открытием сезона в Тифлисе шутки чуть не окончились грустно, когда слегка подвыпивший Курихин влез в бассейн ресторана «Амирани» и стал ловить в нем цоцхали (свежую рыбу). Прodelка окончилась тем, что «гостей» выдворили из ресторана.

Остроумный агнивцевский «Акафист новоявленному великомученику страстотерпцу отроку Федору Мцхетскому», в котором фигурируют «старцы и старицы»: Иоанн-Крышевлезатель (Иван Вольский), Павел-Шкаповержец (Павел Поль), Филипп-Чачепоклонник (Филипп Гиравый), Клавдия-Фыркательница (Клавдия Судейкина) и другие актеры труппы, вызвал, несомненно, веселое оживление, когда автор преподнес его Ф. Курихину в Тифлисе, в 1920 году.

Не менее забавно поздравление Курихиным Агнивцева по случаю 10-летия работы последнего на эстраде, в 1920 г., «Именинные вирши в торжественный день ангела досточтимой благодетельницы моей Елены Николаевны госпожи Неверовой-Курихиной», подаренные ей Агнивцевым, и многие другие.

Припоминая веселые розыгрыши на театральных бенефисах, Страдецкая поведала, как на бенефис Н. Агнивцева четверо специально нанятых «мушей» («муша» — носильщик необычайной силы, один «муша» мог нести на себе рояль), после приветствий, втащили на сцену четыре огромных пальмы в кадках, заполнивших всю сцену.

В бенефис Курихина внесли огромную (в человеческий рост) коробку, с одной стороны заклеенную бумагой. В какой-то момент, по тексту Агнивцева, бумага разрывалась и выходила из коробки Е. Неверова, приветствуя мужа...

Косвенным свидетельством быта актеров той поры в Тифлисе может служить подарок, сделанный Агнивцевым Елене Николаевне Неверовой-Курихиной, актрисе «Кривого Джимми», жене Ф. Курихина. Поздравительное стихотворение поэт завершает так:

...Но все ж в Тифлисе без полен —
Замерзнуть может Belle-Ellen!
И потому-то, вот, взамен
Сонетов, роз и кантилен
Я подношу вам, Belle-Ellen!
Вот эту парочку полен,
Чтоб не замерзла Belle-Ellen!

Тифлис. 23 декабря 1920 г. *Н. Агнивцев*

Р. С. При сем прилагается два полена. Н. А.

В 1920 году исполнялось 10 лет со дня начала деятельности Агнивцева на эстраде. В честь этого юбилея и состоялся, надо полагать,

вечер, на котором лучший друг Агнивцева — Федор Курихин выступил со следующей речью:

«Коля, я скажу тебе все то, что у меня накопилось на душе. Пусть все, что у меня внутри, выйдет наружу. Ты, Коля, следуешь латинской пословице: «Omnia mea mecum porto». (все мое ношу с собой). И правильно делаешь, оставлять дома — обворовать могут, ну а тебя уже не обворуют. Этой головы не уворуешь, с ней надо родиться.

Ты со своей ношей не пропадешь. (В крайнем случае тебе предложат место электрического фонаря. Но это тебя может не устроить.) Слава о тебе гремит повсюду. Ты памятник себе воздвиг нерукотворный, к нему не зарастет народная тропа. И не зарастет, мы будем следить и вырывать все сорное.

А ты будешь все расширять и расширять ее. Ты можешь. Ты творец. Я хоть тоже творец, такого могу натворить, что сам не разберу.

Но ты не творец, а ТВОРИЩЕ! ТВОРИЛО! ТВОРОГ! Почему ты?

У кого больше всех таланта? У Агнивцева.

У кого больше всех доброты? У Агнивцева.

У кого больше всех друзей? У Агнивцева.

У кого больше всех рост? У Агнивцева.

У кого больше всех аванс? У Агнивцева.

Кто больше всех работает? Агнивцев.

Ведь ты работаешь, как лошадь. Мы на тебе выезжаем. Как мы волновались за тебя, когда была мобилизация лошадей! Ты поэт. Ты мечтатель. Тебе ничего не нужно. Ты сам себе всё. Сегодня ты Бог, а завтра раб. Сегодня — Аполлон, а завтра — Квазимодо. Сегодня — Счастье, а завтра — Печаль. Сегодня ты нищий, завтра тоже нищий.

Ты творишь, как Бог.

Ты плодотворен, как смоковница,

Ты мыслишь, как Гете,

Ты горд, как Казбек.

Ты ходишь, как ураган.

Ты спишь, как младенец.

Ты радушен, как кавказец.

Ты распущен, как Распутин.

Ты добр, как дурак.

Ты красив, как я.

Ты пьешь, как лошадь...

Это еще не все, Коля. Я тебе стишки на память написал точь-в-точь, как твой, и смысл есть, и рифма кованая.

...И теперь тут в заключение

Я скажу нравоученье:

Коля, много не балуй

И меня ты поцелуй.»

Когда в Тифлис вошли большевики, «Кривой Джимми» реорганизовали в «Сатир-агит», сборы упали, уехал из театра Н. Агнивцев

и большая часть труппы. Часть артистов уехала, по приглашению Хенкина, в Ростов, а оттуда — в Москву, где «Джимми» был переименован в очередной раз — в Театр Сатиры.

Кочевая судьба привела Агнивцева в Севастополь. Здесь он встречался с А. Вертинским. Вот как последний описал эту встречу в журнале «Москва» в 1962 году:

«Поэт Николай Агнивцев — худой, долговязый, с длинными немытыми волосами (в Севастополе в то время ведро воды стоило 100 тыс. р.) шагал по городу с крымским двурогим посохом, усеянным монограммами-сувенирами друзей, и читал свои последние стихи о России:

Церкви — на стойла, иконы — на щепки!
Пробил последний, двенадцатый час!
Святой боже, святой крепкий,
Святой бессмертный, помилуй нас!»

И. Эренбург вспоминает, что в то время, как Каутский писал, что:

«...меньшевистская Грузия — государство с будущим», петербуржцы и москвичи, застрявшие на этом полустанке, торопливо упаковывали чемоданы: одни спешили на север, другие за границу. Некоторых из них я встретил. Артист Ходотов собирался домой, в Петроград. Поэты Агнивцев и Рафалович ждали французских виз».

Получив парижскую визу, Агнивцев в 1921 году прибыл в Берлин и сразу издал там «Мои песенки». В этот веселый сборник вошли стихотворения, значительная часть которых была напечатана еще в дореволюционные годы в различных петербургских журналах и пользовалась огромной популярностью.

Надпись на титуле сборника весьма прозрачна: «Всем, сценически обокравшим меня, стойчески посвящаю». И доныне, в конце XX века, как в старых петербургских семьях, так и среди потомков русских эмигрантов за рубежом многие из этих стихотворений хранятся в памяти и нередко читаются на семейных вечерах. Так, до сих пор с улыбкой исполняются «Слон и муха», «Баллада о конфузливой даме» и другие...

Выпустив в 1921 году тифлисский сборник «Санкт-Петербург», поэт продолжал работу над ним, и в начале 1923 года в Берлине сборник переиздается в издательстве Лажечникова под обновленным и вполне закономерным названием: «Блистательный Санкт-Петербург». Этот поэтический шедевр содержит стихи, великолепные по форме и содержанию. Это единственный, пожалуй, случай в истории литературы, когда книга целиком об одном-единственном городе, и посвящение на титуле любимой актрисе звучит теперь так:

*«Александр Федоровне Перегонец,
Петербургской Психе этих стихотворений».*

Ф. Н. Курихин. Справа рисунок П. Галаджева. 1922 год

Тогда же в 1923 году Агнивцев издал в Берлине свои «Пьесы». «Самый призрачный и странный из всех российских городов, серебряно-призрачный город туманов», Петербург неудержимо манит и влечет, требовательно зовет поэта к себе.

Пусть апельсиновые аллеи
Лучистым золотом горят,
Мне Петербургский дождь милее,
Чем солнце тысячи Гренад!..

Пусть клонит голову все ниже,
Но ни друзьям и ни врагам
За все Нью-Йорки и Парижи
Одной березки не отдам!..

Смертельная тоска рождает такие шедевры, как «Коробка спичек», «Букет от Эйлера», «План города Санкт-Петербурга» и другие.

...В моей тоске, как и на плане,
— В квадратном дюйме — 300 сажен!..

Прикрыв веки, видишь, кажется, как мечется поэт в страшной тоске на этих 300-х саженях!

Пусть он — невидим! Пусть далек он!
Но в грохоте парижских дней
Всегда, как в медальоне локон,
Санкт-Петербург — в душе моей!

Сборник «Блистательный Санкт-Петербург» навсегда прославил Николая Агнивцева как одного из самых лучших певцов Петербурга. А в 1962 году эта книга была издана Б. В. Чарковским в Сан-Франциско. Здесь в сборник вошло впервые стихотворение «Городовой», полученное издателем из частных рук и ранее нигде не публиковавшееся.

Приводимое ниже стихотворение Н. Агнивцева, таким образом, впервые публикуется в российском издании.

ГОРОВОЙ

Городовой! Как звучно это слово,
Какая мощь, какая сила в нем!
Ах, я боюсь спокойствия былого
Мы без тебя в отчизне не найдем.

Где б ни был ты — ты был всегда на месте,
Всегда стоял ты грозно впереди.
В твоих очах, в твоих державных жестах
Один был знак — «Подайся! Осади!»

Бранился ль я с неутомонным «Ванькой»
Иль ночью шел по улицам с трудом,
Не ты ли был защитником и нянькой,
Не ты ли мне указывал мой дом.

Прекрасен клич восставшего народа,
Волнуют грудь великие слова,
Но без тебя ведь и сама свобода
Запуганному сердцу не мила.

Мечтой небес, миражем дивной сказки
Опять встает знакомый образ твой.
И знаю я, что без твоей указки
Нам не пройти искомой чередой.

О, появись с багрово-красным ликом,
С медалями, с крестами на груди
И обойди всю Русь с великим криком:
«Куда ты прешь! Подайся! Осади!»

А. Г. Алексеев

В течение сезона 1921/22 г. в Москве один за другим открываются «Кривой Джимми», «Коробочка», «Хромой Джо», «Веселые маски» и многие другие театры.

Одним из самых ярких и противоречивых художественных явлений периода НЭПа было кабаре «Нерыдай», в течение нескольких сезонов привлекавшее литературно-театральную Москву (1921—1924 годы). В «Нерыдай», где программа обновлялась каждую неделю, кроме постоянных авторов «Летучей мыши» Н. Агнивцева, А. Мариенгофа, В. Шершеневича, активно сотрудничали молодые одаренные сатирики и юмористы. Современностью, даже злободневностью она выделялась среди программ других кабаре.

Неподалеку от «Нерыдай», на Б. Дмитровке, 17, находилась таверна «Заверни», в которой также выступали известные

артисты, в том числе премьерша «Кривого Джимми» А. Перегонец. Они исполняли последние парижские фокстроты (публика танцевала вместе с ними), песенки негритенка Джимми — репертуар, целиком отвечающий вкусам нэпманской развлекающейся публики. «Нерыдай», возникший в русле нэповской эстрады, в какой-то момент перерос социальную обстановку, породившую его, по словам О. Брик, «он явился интересной попыткой создать злободневное политическое кабаре».

Художественный руководитель театра «Кривой Джимми» Алексей Григорьевич Алексеев по находчивости и поразительной быстроте реакции почти не имел соперников. Он сумел привлечь талантиливых людей. Так, танцы в театре ставили Касьян Голейзовский и Николай Форреггер. Композитор Юрий Юргенсон не только писал музыку, но и выступал на эстраде со своими юморесками. Достаточно было Алексееву объявить «А сейчас Ю-Ю-Ю» — и публика, аплодируя, уже знала, что это означало «Юрий Юргенсон—юморески».

Снова русский

Убедившись в полной невозможности для себя жить вдали от родины, Агнивцев находит силы (что смогли далеко не все русские эмигранты) вернуться в революционную Россию, он, естественно, рвется к своему детищу. В репертуаре «Кривого Джимми» появляются целые программы, созданные из его произведений. Следующий театральный сезон 1922/23 года прошел уже при активном участии Агнивцева. Вот что писал об этом журнал «Зрелища», 1923, № 39:

«Сезон начался при участии Н. П. Евреинова, ставившего несколько своих пьес, частью впервые. Евреинов явился одним из трех авторов, на которых жидился репертуар «Кривого Джимми».

Второй автор — Н. Агнивцев, огромное количество вещей которого исполнялось всю зиму. Наконец, третьим автором явился Алексей Григорьевич Алексеев, душа и мозг «Кривого Джимми».

Всего за сезон было дано 150 спектаклей. Агнивцевские вечера прошли 12 раз. Труппа «Кривого Джимми» отличается большой сыгранностью и спаянностью».

Из произведений Агнивцева в этом сезоне исполнялись: «Белой ночью», «Привидение», «Персидский ковер», «Китайчонок», «На Петербургской стороне», «Рубль и валюта», «Парижские прачки» и мн. др.»

«Кривой Джимми» заметно превосходил по художественному уровню множество театров миниатюр и кабаре благодаря первоклассному актерскому составу и добрым традициям.

Бушевавшая война не нашла отражения в репертуаре таких мобильных жанров, как эстрада, театры миниатюр, цирк, за исключением «крупинок». Да и в тематике больших театров проблемы жизни русского народа в условиях военных лет отразились весьма слабо.

К созданию советской комедии драматургия шла и через эстрадную форму миниатюры. Обзорение, в котором слились слово, музыка и танец, пришлось ко времени. Оно могло обходиться без интриги, без характеров. Один из наиболее видных режиссеров этого жанра

Д. Гутман, указывая на «синтетичность драматической структуры» обозрения как удобной и доходчивой формы веселого действия, звал при этом «упрочить театральные позиции, закрепить сюжетность». Только это могло сохранить за жанром внимание завтрашнего дня.

В журнале «Театр и музыка» за 1923 год, № 5 (18) сообщается о предстоящем 13.02.1923 г. открытии нового театра «Ванька-Встанька» под руководством Агнивцева в помещении закрывающегося кабаре «Нерыдай». В литературе нам удалось встретить единственное упоминание об этом театре в сборнике «Русский советский театр» 1921—1926:

«Значительное место в художественной жизни Москвы занимали театры малых форм: мастерская Н. М. Форрегера (Мастфор), «Кривой Джимми» и др. Однако большинство тогдашних театров-миниатюр так же быстро распалось, как и возникло. Вот некоторые из обширного списка подобных театриков: «Ванька-Встанька», «Менестрель», «Не рыдай» (в афишах он назывался «Нерыдай» — Е. К.), «Острые углы», «Хромой Джо», «Коробочка», «Павлиний хвост», «Странствующий энтузиаст». Многие из них существовали при ресторанах».

Можно предположить, что поэму «Ванька-Встанька», написанную Агнивцевым еще в 1916 году, автор решил теперь использовать для репертуара нового театра. Поэт хорошо знает историю России (недаром учился на историко-филологическом факультете) и гордится ею. «Ванька-Встанька» символизирует, по его замыслу, Россию, уверенно утверждает ее стойкость наперекор судьбе.

Патриотическая тема «Ваньки-Встаньки», сочиненного поэтом еще в разгаре империалистической войны, могла с учетом опыта Агнивцева-постановщика и таланта актеров труппы развернуться в интересный злободневный спектакль. Но театр «Ванька-Встанька» так и не появился... Возможно, что недавний эмигрант не вызывал еще доверия у власть предержащих...

В Театральном музее Петербурга сохранилась всего одна афиша, касающаяся творчества Агнивцева:

«СВОБОДНЫЙ ТЕАТР»

Пр. 25 октября, 72 (бывший Невский)
со вторника 15-го по воскресенье 20 мая

неделя

Николая Яковлевича

А Г Н И В Ц Е В А

ВОНЕДЕЛЬНИК
16
Июль 1923 года.

ОБРАЩЕНО
**САД
ОТДЫХА**
НЕБЫВАЛЫЙ

НЕПОВТОРИМЫЙ КОНЦЕРТ

СИМФОНИЧЕСКИЙ ОРКЕСТР САДА ОТДЫХА.
Государственный Академический симфонический оркестр.
Музыкальные вечера, концерты и балеты.
Внепартийный практический класс Р. В. Александрова.
Консерваторский Украинский хор.
Хорошо знакомые, незнакомые, интересные.

ДИРИЖЕРЫ:
Почетный артист **А. К. ГЛАЗУНОВ**
С. А. Самоусуд, Макс Нупер, Ф. А. Ниман, Г. В. Фурман.

Н. М. Железнова и Е. П. Студенцов. Формы и формы. Балет. Формы и формы. Балет.
О. М. Шереметьева и М. Д. Киселёвский. Формы и формы. Балет. Формы и формы. Балет.
Искусство в театре. Алымова, Бегр, Бремсер, Батган, Витроба, Верховский, Скалчук, Тарасов. „ТАБАКЕРКА“. 1-я серия. 4-е издание.

НОЧЬ НЕБЫВАЛАЯ НОЧЬ
Крупный артист **В. Н. ДАВЫДОВ** Витюков-Бокс.

Исполнит: М. И. Силарова, Р. Морозова, А. Мита Марридо, А. Терлецкая, Жена Морозова, Б. Рышкан, А. Кельманов.

НОЧЬ ЮЖНАЯ **НОЧЬ ЦЫГАНСКАЯ** **УКРАИНСКАЯ НОЧЬ**
Куплеты и песни. Это была южная ночь, с южной душой и южной душой. Южная Украина. Южная Украина.

КУПЛЕТЫ И ПЕСНИ
Н. М. Антонова, Д. А. Богемский, А. Семин, Н. М. Саворский, П. Гнедич, С. Вронский, Ф. Г. Тимченко

НОЧЬ КИВИТЧЕСКАЯ **НОЧЬ ФАНТАЗИИ** **ЦВЕТУЧАЯ НОЧЬ**
Восточная музыка. Восточная музыка. Восточная музыка. Восточная музыка.

БАЛЕТ. Сестры Бессорочиничи: Тимбор и Катя, Маер Нельсон, Владимирова и Волонина, Колупинина и Шарта Иван.

Эксцентрики и двоящие: Шарда (Дидо), Васильева, Нарин и Чарский, Тата Мота и Пров, Арди и Ланкин.

НОЧЬ КАВАРЭТНАЯ **НОЧЬ НЕБЫВАЛАЯ КАВАРЭТНАЯ ПРОГРАММА.**
Исполнит артист **В. Н. ДАВЫДОВ** артист. В. М. Воронин, М. Я. Демидов с хором артистов. Музыкальный ансамбль М. Ш. Антонова, М. Г. Ворламова, Зинаида Иван Терланов, М. Нарин, С. Бранкович, Г. З. Рутенберг. Седьмой Украинский симфонический хор Масальского, Ильинского, Шинкина и Поллова.

+ Иисуси. + Гиды. + Фанфары. + Лумайна. + Иисуси. +

В случае ненастной погоды концерт-гуляние переносится на 23-е июля. Начало ровно в 8 ч 30 м. Прозона билетов: 6 и 4 вч. Цены местам и в ресторане общественные.

Год, однако, на афише не обозначен.

А журнал «Жизнь искусства» № 21 в мае 1923 г. сообщил:

«Свободный театр» — Пр. 25 октября, 72. С 28 мая по 3-е июня 1923 г. —
«Вторая Агнивцевская неделя»

Таким образом удалось установить год, к которому относится вышеупомянутая афиша.

Далее приводим афишу Сада отдыха от 16 июля 1923 года, извещающую об участии «в небывалой кабаретной программе» Н. Я. Агнивцева с Петрушкой...

Но время Агнивцева уходит. Ни он сам, ни Алексеев не могут дать эстраде соответствующий требованиям времени репертуар.

В мае 1924 года «Кривой Джимми» закрылся. В журнале «Новый зритель», 1924 г., № 21 появляется статья «Памяти «Кривого Джимми».

«Трижды умирал этот театр. Пять лет ядро его актеров металось по России. «Джимми» — театр не революционный. Тонко высмеивая детали, руководители театра — от Агнивцева до Алексеева — боялись коснуться главного, воплотить социальную сатиру, как они ее чувствовали. Забронировавшись островами, «джиммисты» все же пытались найти общий язык с современностью, но этому слишком мешала родная богема.

В покойном «Джимми» были элементы нужного нам театра, опытные актеры, наблюдательные культурные руководители, и только отсутствие сколько-нибудь близких к нашей эпохе авторов помешало его возможному расцвету.

Следует сказать, что уже накануне закрытия весной 1924 года «Кривой Джимми» показал обозрение «Смешанное общество», написанное молодыми авторами В. Инбер, В. Типотом и Ю. Данцигером, неплохо принятое прессой. Но это была последняя премьера театра, так как Алексеев не решился взять на себя руководство новым театром, казавшимся ему слишком серьезным.

В архиве И. О. Дунаевского хранится клавишное партитура одноактной оперетты по пьесе Вл. Масса «Пассажир с «Океаника», о которой композитор нигде не упоминает. Известно, однако, что этот спектакль был поставлен А. Алексеевым в театре «Кривой Джимми» летом 1924 года. Тогда, вероятно, состоялось знакомство Н. Я. Агнивцева с И. О. Дунаевским.

Осенью 1924 года в помещении бывшего «Кривого Джимми», в Гнездииковском переулке открылся Московский театр сатиры, наследовавший лучшие традиции жанра вместе с труппой «Кривого Джимми» и его композитором Юрием Юргенсоном. Его остроумная, а иногда пародийная и злая музыка украшала новые спектакли. Пролог первого обозрения, поставленного здесь, «Москва с точки зрения...» начался под веселую музыку Юргенсона.

Тихий голос

В середине 20-х годов в Москве и Ленинграде выходили семь крупных сатирико-юмористических журналов с разовым тиражом более полумиллиона экземпляров. Агнивцев после закрытия «Кривого Джимми» активно сотрудничает в журналах «Смехач», «Заноза», «Бегемот», «Крокодил», бичуя нэпманов, подхалимов, бюрократов, оборотней, мещан. («История замзавовского грехопадения», «Гражданин Шелудняк», «Парикмахер Жан Кукушкин» и другие.) Забавен его цикл «Кинофильмов, каких не надо» под общим названием «Халтуркино», предназначенный для журнала «Советский экран». Приводим одну из этих пародий на фильм-штамп производства «Грузкино».

Княгиня! Бурка! Князь! Кинжал!
Шашлык! Башлык! Казбек! Шакал!
Курдюк! Бурдюк! Духан! Вино!
И подпись фирмы: «Грузкино».

В конце 20-х годов, по мере изменения расстановки социальных сил в стране, менялись и объекты сатирического осмеяния, сатира требовала нового качества.

Весной 1927 года состоялось совещание в отделе печати ЦК ВКП(б), отметившее недостатки в работе журналов. Сатирические журналы перестраивались, реорганизовывались. На основе журнала «Смехач» в конце 1928 года был создан «Чудак», главным редактором которого стал М. Кольцов. Этот журнал был по инициативе самого Кольцова слит с «Крокодилом» в начале 1930 года. В «Крокодиле» Агнивцев работал до конца жизни. В справочнике «Весь Ленинград» за 1926 год адрес Агнивцева указан по Троицкой, 4.

Постоянно сотрудничая в журналах, Агнивцев много сочиняет также для эстрады и цирка. Однако эти произведения не печатались, а сохранились частично в рукописном и машинописном виде. В их

числе папка «Агитационных стихов», в которой хранятся «Самокритический квартет (куплеты)», «Дело чести, дело славы», «У советских стальных рубежей», а также некоторые стихотворения для детей, часть которых, главным образом дававших элементарные научно-популярные сведения, была издана во второй половине 20-х годов на средства автора («Что это такое?» (о сое), «Корабль в шторм», «Винтик-шпунтик-бригадир»). Все они выходили небольшими тиражами, некоторые издавались повторно.

В 1926 году поэт, проделавший длинный путь «От пудры до грузовика», издает под таким названием свой последний прижизненный сборник со следующим предисловием:

«От пудры до грузовика» — не просто книжка выбранных стихов различных периодов. Это мой литературный паспорт со всеми рифмованными визами, отмечавшими мои стихотворные шатания с 1916 по 1926 годы. В свое время я имел неистребимое право молодости на всевозможные ошибки. Никто не посмеет сказать, что я не воспользовался этим правом.»

Грустная ирония!.. Но далеко не все русские писатели и другие представители русской культуры, также воспользовавшиеся такими правами, имели мужество, осознав свои ошибки, вернуться и постараться попасть «в ногу» с русской культурой!

В последний прижизненный сборник вошли стихотворения из «Мои песенки», «Студенческих песен», из «Блистательного Санкт-Петербурга», а также замечательные ностальгические стихотворения, написанные в эмиграции, («Странник нечаянный» и «Девочка-синичка»). В сборнике печатаются стихи о революционных переменах и приметах времени («Грузовик № 1317», «Моссельпромщица», «Трамвай «А», «Кепка» и др.). Как раз в это время состоялась вторая встреча Агнивцева с Л. Борисовым. Вернемся к воспоминаниям последнего «За круглым столом прошлого»:

«...Прошло много лет. Агнивцев побывал в эмиграции, в годы НЭПа вернулся на родину... написал много детских сказок в стихах, деятельно работал для советской эстрады. В конце двадцатых годов я увидел его в ГОМЭЦе (Государственном объединении мастеров эстрады и цирка). Он мало изменился, только волосы чуть поседел, да в глазах, естественно, появилось иное — за истекшие годы приобретенное знание «почем фунт лиха»...

Он подошел ко мне и, будучи значительно выше меня ростом, согнулся, нацеливаясь своей папиросой на кончик моей.

— Позвольте прикурить,— простуженным глухим голосом проговорил он. Прикурил, поклонился и хотел было уйти, но я, помимо воли и охоты, задержал его:

— В шестнадцатом году я впервые видел вас, Николай Яковлевич, в ресторане «Вена», было это...

— И что же? — заинтригованно спросил Агнивцев, всматриваясь в меня.— Был я пьян, как стелька?

— Еще только приступили к такому состоянию, но стихи читали как дай бог каждому, и стихи хорошие...

— А надо бы по этому поводу выпить нам, позвольте имя и отчество ваше...

В маленьком ресторанчике—«забегаловке», неподалеку от той самой «Вены», сидели мы и пили пиво. Агнивцев рассказывал мне о том, что пережил за границей, какие горькие стихи написал там,— и незамедлительно предложил послушать их.

Он читал не менее сорока минут, а потом резко поднялся, взглянул на часы, сказал, что надо идти работать...

Я проводил его до Филармонии, он облобызал меня, поблагодарил за «скатерть-самобранку» и скрылся в подъезде.»

А вот что вспоминает о 1926 годе Э. Краснянский:

«Осень 1926 года. Театр готовится к открытию сезона. Умирает Юрий Юргенсон—«музыкальная душа театра»... Юра Юргенсон! Сколько в нем было творческой энергии и человеческого обаяния. Сколько юмора в его всегда легкой, улыбчатой и насмешливой музыке!

Кто же теперь возглавит музыкальную часть? Кто будет постоянным композитором театра?..

Такой музыкант нашелся. Его имя тогда еще не было овеяно славой. Это был молодой И. Дунаевский».

Агнивцев и музыка

В начале 20-х годов Дунаевский впервые соприкоснулся с эстрадой и пишет множество различных песен, куплетов, танцев, музыкально оформляет всякого рода сценические миниатюры в эстрадных театрах, которые в ту пору имели большое распространение.

Первые вокальные произведения на тексты Агнивцева написаны Дунаевским уже в 1921—1922 годах. Много музыки к эстрадным пьесам, обзорениям и отдельным эстрадным номерам — в период 1922—1927 годов. Значительная часть этих произведений исполнялась в харьковском Интимном театре «Табакерочка» в 1922 году. Не исключено, что 18-летний Дунаевский видел представления «Кривого Джимми» во время харьковских гастролей 1918 года. Иначе трудно объяснить, почему интерес к творчеству Агнивцева возник у композитора очень рано.

После 1924 года между Агнивцевым и Дунаевским установились творческие связи, подтверждением которых могут служить сведения, приводимые в именном указателе к сборнику «И. О. Дунаевский. Выступления. Статьи. Письма. Воспоминания»:

«Н. Я. Агнивцев — поэт, драматург. И. Дунаевским написана музыка к ряду его пьес и скетчей («Веселая война», «Оранг-утанг в Евр-Аз-Афр-Аме», «Неугомонный моссельпромщик», «В тихом лунном свете», «Белой ночью», «Белый ужин», «Трамвай «А»», «И тут и там» и др.), а также произведения для эстрады на тексты Агнивцева («Собачий вальс», «Случай на Литейном», «Почему?», «Перс на крыше»)*».

Забавное воспоминание о рождении музыки к «Собачьему вальсу» оставил в том же сборнике актер Эм. Каминка:

* К этому списку Е. Куферштейн добавил, как мы узнаем, «Дымок от папиросы». — С. К.

И. О. Дунаевский. 1923 год

«Это было в мае 1927 года. Мы вместе поехали на летний сезон. Я — в Евпаторию, а Дунаевский с моим братом — режиссером С. И. Каминка, с которым они были очень дружны, — в Ялту. Для выступлений в евпаторийском курзале я, помимо других вещей, приготовил на «бис» юмореску Н. Агнивцева «Собачий вальс». Я уже давно просил Дунаевского написать шуточную музыку к этой забавной вещи. Он много раз обещал, но никак не мог выкроить для этого время. И вот, когда мы сели в вагон и поезд тронулся, я сказал Дунаевскому, что не отстану от него, пока он не выполнит данное обещание. Брат поддержал мою настойчивую просьбу. Дунаевский тут же подсел к столу и карандашом написал музыку к «Собачьему вальсу», впоследствии имевшему большой успех. На первой странице нотного листа он со свойственным ему юмором написал шуточное посвящение: «Форменное насилие!.. Братя Аяксы, под угрозой сбросить под колеса вагона, вынудили поделиться с ними моими очередными шедевралиными звуками. Как бы то ни было, друг Эммануил, тебе эту вагонную стряпню с любовью посвящаю. Твой Дуня».

Эм. Каминка вспоминает:

«Несколько позже, когда я сам начал выступать в концертах... Исаак Осипович по моей просьбе написал музыку к популярным в то время шуточным стихам Н. Агнивцева, М. Гальперина и других авторов... К сожалению, не все рукописи... удалось сохранить... Бывало, он сам аккомпанировал мне в концертах».

Из перечисленных музыкальных произведений удалось разыскать «Оранг-утанг в Евр-Аз-Афр-Аме» в ЦГАЛИ. Кроме того, были найдены ноты песенки «Триолеты с бензином» в ОНиЗ РНБ. На их первой странице посвящение: «С любовью автору слов от автора музыки».

В 1985 году вышла книга А. М. Сараевой-Бондарь «Дунаевский в Ленинграде», в которой приводятся воспоминания известного эстрадного певца К. Т. Сокольского. После выхода в ноябре 1934 года фильма «Веселые ребята» к нему обратилась фирма «Бонифон» рижского музыкально-торгового дома с предложением записать на пластинку лирическую песню-танго «Как много девушек хороших». Певец с радостью напел эту песенку, и она разошлась по всему миру. Через некоторое время пластинка попала к Дунаевскому. Композитор был тронут бережным отношением рижских музыкантов к его произведению и написал в адрес фирмы письмо с теплыми словами. Он просил поблагодарить певца и в знак признательности отправил ноты своего танго «Дымок от папиросы» на стихи поэта Н. Агнивцева. Сокольский сразу включил танго в репертуар и много успешно с ним выступал, в том числе и в 1979 году в Ленинграде в театрализованном обзрении «Повесть о танго»*.

* Прочитав книгу А. М. Сараевой-Бондарь, Ефим пустился на поиски танго «Дымок от папиросы». Теперь эта пластинка, записанная в 1984 году фирмой «Мелодия» в исполнении н. а. И. Кобзона, бережно хранится в его архиве. — С. К.

Таким образом мы знакомимся с еще одним лирическим стихотворением Н. Агнивцева, не встречавшимся прежде ни в каких публикациях и списках.

Мимо этого стихотворения, бесспорно автобиографического, — воспоминаний об ушедшей юности, неумолимо проходящем мимо счастье и неразделенной любви — не мог пройти И. Дунаевский. И нынче мы с нежностью и восхищением слушаем нестареющее танго.

ДЫМОК ОТ ПАПИРОСЫ

Дымок от папиросы
Взвивается и тает,
Дымок голубоватый,
Призрачный, как радость в тени мечтаний...

Как это все далеко:
Любовь, весна и юность!
Брожу я одиноко
И душа тоски полна...

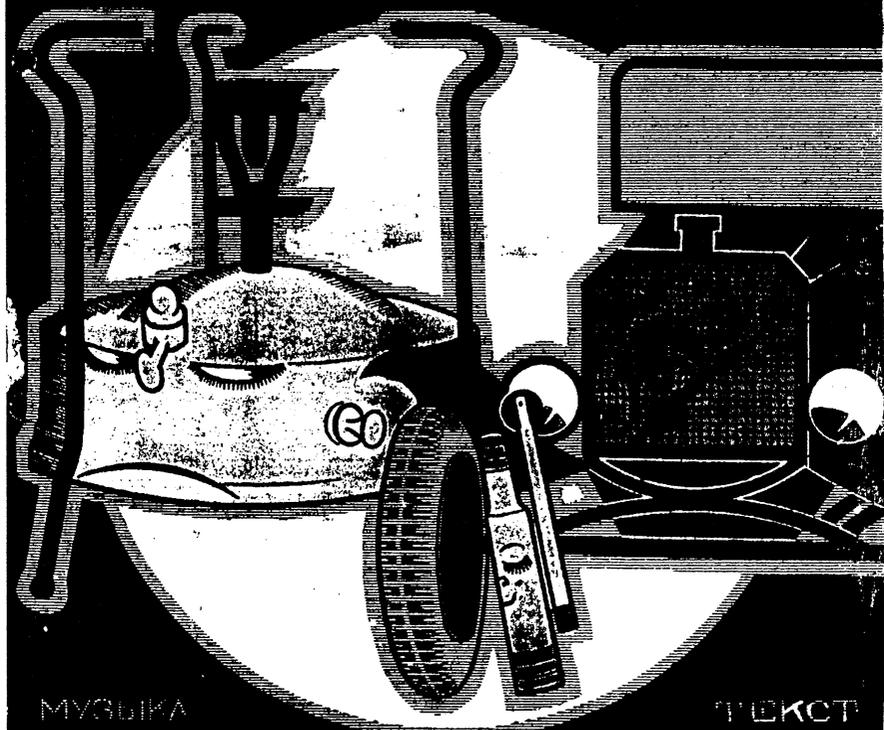
Неумолимо
Проходит счастье мимо...
Ко мне, я знаю,
Ты не вернешься никогда!

Дымком от папиросы,
Дымком голубоватым, —
Мечтою невозвратной
Тает образ твой во мне.

Произведения Агнивцева нередко становились песнями. Сам он назвал свои поэтические сборники «Студенческими песнями» и «Мои-ми песенками», некоторые его отдельные стихотворения также названы песнями («Песенка о зеленой крокодилехе» — на мотив известного марша и др.). Сразу после февральской революции поэт опубликовал стихотворение-песню, озаглавленную: «На мотив «Стеньки Разина».

Произведения Агнивцева привлекали внимание многих музыкантов. Так, его «Оживленную балладу» в 1914 году положил на музыку В. Р. Пергамент, а в 1922 году — И. Дунаевский. Сочинение «Средство от девичьей тоски» превратил в одноактную оперетту-буффонаду А. М. Лабинский. Романс «Кудесник» сочинил С. С. Прокофьев, «Серенаду свинье» — Д. Б. Кабалевский. П. Пильский вспоминал, каким успехом пользовалась в эмиграции песенка Агнивцева «О спичках Лапшина» (автор музыки, к сожалению, неизвестен).

ПРИОЛЕТЬ С БЕНЗИНОМ

МУЗЫКА
И. ДУНАЕВСКОГО

ТЕКСТ
Н. АГНИВЦЕВА

СЕРГЕЙ
ПРОКОФЬЕВ

СОЧ. 23

= 5 СТИХОТВОРЕНИЙ =

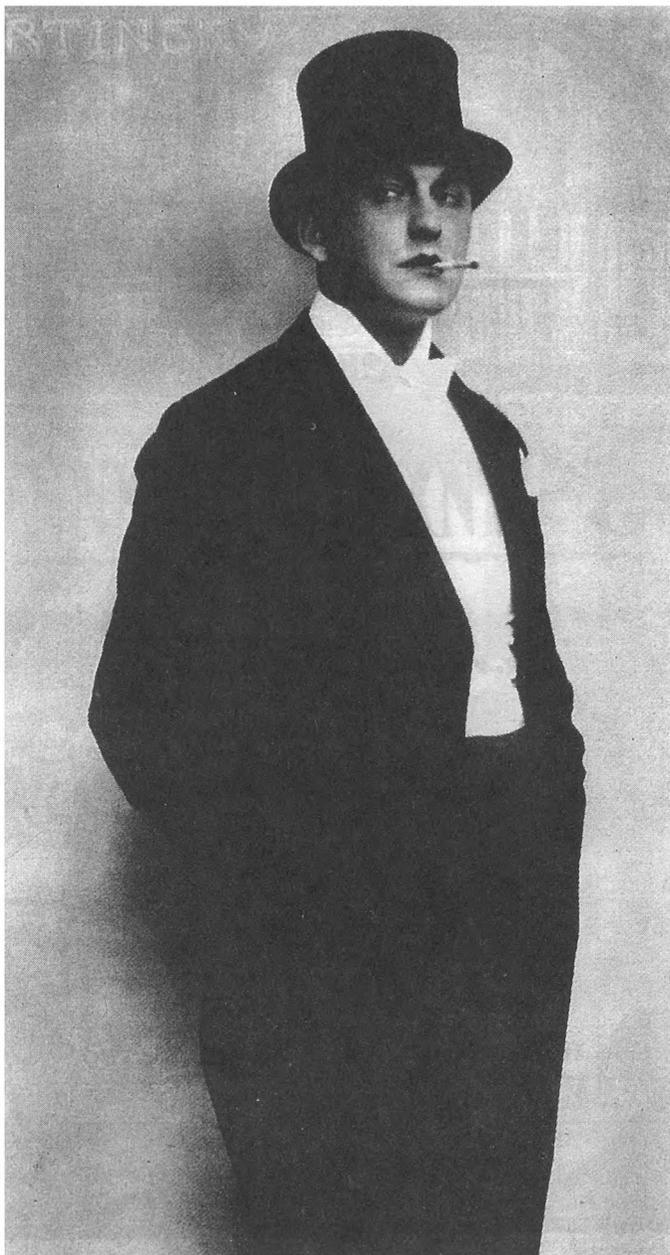
ДЛЯ ГОЛОСА И Ф-П.

1. Под крышей. (В. Горюховский.)
2. Серое платьице. (З. Гиппиус.)
3. Доверься мне. (В. Верки.)
4. В моем саду. (К. Бальмонт.)
5. Кудосник. (Легинцев.)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МУЗЫКАЛЬНЫЙ СЕКТОР

МОСКВА 1922 г. ПЕТРОГРАД.

А. Вертинский

Особое внимание обратили на себя песенки Вертинского на тексты Агнивцева. После февральской революции он написал музыку к стихотворению «Расеянный король» и включил в свой репертуар. Авторами слов своей песенки «Гимназисточка» Вертинский назвал С. Есенина и Н. Агнивцева. Однако Есенину принадлежат неизменными всего четыре строки. С трудом удалось разыскать основу «Гимназисточки», принадлежащую Агнивцеву, в его автобиографическом стихотворении «Первая». Оно — о первой любви поэта в пору юности на Дальнем Востоке, близ «дикой» Зеи и «хмельной» Сунгари. В книге А. Вертинского «За кулисами», в каталоге его песен, назван романс «В старой Вене», соавтором слов которого певец называет Агнивцева.

Автор книги «Александр Вертинский» В. Г. Бабенко сообщает, что певец сочинил музыку на слова Агнивцева «Молитва за Россию», вышедшую в 1920 году в отдельном выпуске, в стереотипном издании. Множество музыкальных сочинений на тексты Агнивцева принадлежит его другу и многолетнему соратнику по сцене — композитору и дирижеру Ю. Юргенсону.

В каталоге музыкальных произведений на тексты Агнивцева в РНБ более двадцати наименований. В приводимом в приложении перечне имена крупнейших русских советских композиторов (С. С. Прокофьева, Д. Б. Кабалевского, А. В. Варламова, Ф. Ф. Эркerta, И. О. Дунаевского) и других менее известных авторов. Но наибольшее количество произведений на тексты Агнивцева принадлежит, бесспорно, И. Дунаевскому, что подтверждает приложение к этой книге.

Смерть у ног искусства

Пережив свою короткую славу, Агнивцев оказался почти незнаком потомкам. В то же время некоторые его стихи и песенки перепевались другими авторами, иногда помимо желания, настолько легкими и запоминающимися становились отдельные строки, а некоторые даже объявлялись «народными». Так, внучатый племянник поэта, родившийся уже спустя пять лет после его кончины, однажды услышал на концерте югославской эстрады ансамбль, исполнявший шуточную песню «Мариетта и мак». «Слова народные», — объявил конферансье. Ими оказалось известное стихотворение Агнивцева.

О. Б. Кушлина пишет в статье «Поэт и больше ничего»:

«Начальные строки «Крокодила» Чуковского перепевают стихотворение Агнивцева «Крокодил и Молли».

Жил да был
Крокодил,
Удивительно мил,
Так, аршина четыре, не боле!..
И жила и была,
Тоже очень мила,
Негритянка по имени Молли...

Сам Агнивцев, одинокий и больной, за год до смерти, в 1931 году перепевает свое раннее стихотворение из сборника «Мои песенки» — «Перс на крыше»:

Хорошо жить на Востоке,
Называться Бен-Гасан,
И сидеть на солнцепеке,
Щуря глаз на Тегеран...

Теперь оно звучит уже так:

Хорошо жить в Самарканде,
Называться Салейман,

И сидеть там на веранде,
Щуря глаз на Самарканд... *»

Последние годы житейски неприспособленный «богемный» поэт прожил заброшенным в полном одиночестве, постоянно сопровождаемый своей вечной спутницей — Тоской, скрывавшей, как всегда, «дрожь лица» под личиной. Он был очень тяжело болен, но к врачу обратился слишком поздно, когда ничем уже нельзя было помочь. Услышав от врача: «У вас — пожар», — выгнал его...

Все произошло очень быстро... Агнивцев умер в больнице...

26 марта 1933 года А. Ф. Перегонец писала брату из Симферополя:

«...Сообщаю печальную для меня новость — умер 19 октября 1932 г. Н. Я. Агнивцев, мой поэт...» А в следующем письме подробности: «Как вся его жизнь — все нелепо. Он умер от горловой чахотки... Так все произошло быстро, что никто из старых друзей не навестил его... До последней минуты был с ним только его друг Шебуев. За гробом шли: Надя (жена Гирявого), К. Судейкина, Ф. Курихин и еще несколько непонятных людей.»

Некролог, хранящийся в РГАЛИ, написан для латышской независимой демократической газеты «Сегодня», выходившей в Риге с 1917 до 1940 года, и принадлежит перу известного журналиста и критика Петра Моисеевича Пильского.

УМЕР АГНИВЦЕВ

Из Москвы сообщают, что там скончался поэт Николай Агнивцев.

В Петербурге он появился в 1907 г. и сразу обратил на себя внимание. Его стихотворные фельетоны были очень милы, его рифмованные строки порхали весело и легко. Подкупало в нем отсутствие явной грубости, ею он не заразился и потом, хотя начал работать в таком вульгарном органе, как «Петербургская газета».

Там его можно было чаще всего застать за одним и тем же занятием. Где-то в задней комнате, за редакционным столом сидел красивый молодой человек с вьющимися кудрями, в бархатной тужурке, с немного наглыми глазами и играл в карты. А глаза говорили: «Ни во что не верю, ничего не боюсь, но талантлив и потому пройду по жизни с присвистом».

Потом Агнивцев стал понемногу отходить от фельетона и перешел в маленькие театры. В России их в те годы расплодилось видимо-невидимо, и все

* В 60-х годах составителю этой книги повстречался заядлый турист, любимая песенка которого начиналась так:

Хорошо жить на Баксане,
Называться альпинист...

они назывались загадочными, кокетливыми именами. Агнивцева я видел потом и в Киеве, во время гетманства, и опять в маленьком театрике «Кривой Джимми».

Эти «Джимми», «Би-ба-бо» открыли в Агнивцеве очень даровитого автора летучих, эфемерных сценических пустячков, однако всегда кокетливых, даже изящных, вызывающих улыбки своим остроумием.

Было в Агнивцеве немало и жеманства, удалства, иногда безвкусица, но все эти изъяны, в конце концов, тонули в журчащем течении легкого стиха.

К тому же Агнивцев умел быть лиричным, и потом, в эмиграции, в большой моде стала его песенка о «Спичках Лапшина» — в эту коробочку Агнивцев символически вложил свою тоску по России.

Так и вижу сейчас на сцене Агнивцева, вижу его в театрике: были разукрашены стены, были непременно стильные костюмы и белые парики, были отдельные французские слова, кружился многолюдный театральный бал.

Агнивцев любил знакомые (надо сказать, надоевшие) атрибуты таких сцен — арлекинов, коломбин, королей, шутов, но все это как-то являлось подновленным, интересным, плод дарования, умевшего вдохновляться, возбуждать и волновать свою публику.

Десять лет тому назад, под самое Рождество, Агнивцев расстался с эмиграцией и сменил «вехи», если только они у него когда-нибудь были в душе или даже в мимолетных размышлениях. Тогда же он написал по этому случаю стихи, поместил их в «Красной газете» — это был его дебют в советской прессе, — а в них говорил:

...Но на чужой перине — жестко,
И, пеной гнева взмыла рот,
На всех всемирных перекрестках
Я клял свой вздыбленный народ.

Стихи объясняли, что Агнивцев, наконец, раскаялся в этом и теперь стал новым:

...Я переплыл моря и реки,
Перешагал я все края,
И думал, что уже навеки
Россия больше не моя...

Как раньше в Петербурге, потом в Киеве, а теперь в Москве, он работал в театре, — почти всегда об руку с Курихиным и его женой, актрисой Неверовой. Курихин был талантлив, Агнивцев давал ему благодарнейший материал, они вместе могли с успехом делать свои театральные дела.

Переходя советскую границу, Агнивцев ошибся и не ошибся. Он не сделал промахов в своем расчете на авторские гонорары и ошибся только в предвидении своей счастливой судьбы. Прошло 10 лет, и лишения, должно быть, и неприятности свели в могилу даровитого и легкомысленного человека.

Агнивцев умер молодым. Ему не было сорока лет.*

П.

«Сегодня» 5.XI.32 г.

* Ошибочно указание возраста автора: известно, что Н. Агнивцев родился в 1888 году. Умер он, следовательно, в возрасте сорока четырех лет. — С. К.

*Умер поэт Николай Яковлевич Агнивцев,
автор популярных сатирических и юмо-
ристических произведений.*

*Ниже мы помещаем одну из сатириче-
ских песенок Н. Я., написанную специ-
ально для твэтра „Крокодила“.*

МАРШ ТАРАКАНОВ

Мы—тараканы,
Такой народ:
Мы страсть ударны
Наоборот.
Мы усиками шевелим
И все дрожим, дрожим, дрожим,
Лбы у нас покрыты потом,
Как не вышло бы чего там.
Пусть уж лучше ничего,
Чем уж вышло бы чего.
Эй, тараканы!
Бей в барабаны!
Только не очень,
А—между прочим.
Марш вперед,
Наш парад!
Шаг вперед,
Два назад.
Бьет из нас мужество, как из ведра.
Ура! Ура!
Ап—чхи!
Что там за гул?
Кто там чихнул?
Караул! Караул!
Пусть солнцем залит
Весь горизонт,
На нас калоши,
Над нами зонт.
Кто разберет тот небосвод,
А вдруг случайно дождь пойдет?
И зачем нам, братцы, гнаться,
Лучше, братцы, чтоб с прохладцей
Через пень, через лопух—
Трюхи—трюхи—трюхи—трюх!
Эй, тараканы!
Бей в барабаны!
Только не очень,
А между прочим.
Марш вперед,
Наш парад!
Шаг вперед,
Два назад.
Бьет из нас мужество, как из ведра.
Ура! Ура!
Ап—чхи!
Что там за гул?
Кто там чихнул?
Караул! Караул!

Н. Агнивцев.

Некролог не может претендовать на бесспорную точность. Автор его, знакомый с деятельностью Агнивцева, в основном в театре, почти не оценивает его как прекрасного поэта и, в первую очередь, одного из виднейших певцов Петербурга, что не позволяет читателю проникнуться пониманием горячей любви поэта к России и мотивов его возвращения на революционную родину. Эти мотивы гораздо убедительнее, чем в «дебюте» поэта в «Красной газете», звучат в его замечательных русских, особенно петербургских, стихах. Чего стоит хотя бы стихотворение:

СНОВА В ПЕТЕРБУРГЕ

Прощайте, немцы, греки, турки,
И здравствуй, русская земля!
В своем я снова Петербурге,
Я снова русский! Снова — «я»!

Еще вчера я был не русским!
И, запахнувшись в черный дым,
Гранитный воздух Петербургский
Еще вчера был не моим!

Сегодня ж, странный и бессонный,
Брожу по Невской мостовой
И с Александровской Колонной
Взлетевшей чокаюсь мечтой!

И в небо Питера, бледнея,
Уходит беженский угар...
И вновь я рифмою своею —
Целую Невский тротуар!..

Н. Я. Агнивцева похоронили в Москве на Новодевичьем кладбище. Впервые, таким образом, из письма Перегонец узнаем точную дату кончины поэта.

Последний документ в нашем архиве: страничка журнала «Крокодил» № 31 за ноябрь 1932 года, Ленинградское издание.

Тревогой обуян...

Агнивцев не мог бесстрастно наблюдать вечное отсутствие порядка на Руси, продажность и бездеятельность ее правителей и чиновников, унижение и несправедливость народа. Проявлением его озабоченности и вместе с тем гордостью и верой в стойкость и непобедимость России проникнуты приводимые ниже поэмы «История взятки российской», «Ванька-Встанька», «1906—1916 гг.» и стихотворения «Романс» и «Труженик», напечатанные в журналах в 1916 году, но порой звучащие весьма современно.

ИСТОРИЯ ВЗЯТКИ РОССИЙСКОЙ

1

Дольше, как ни сетуй,
Коль взглядом Русь обведь,
«Порядка — нет, да нету»,
А взятка — есть, да есть!
С эпохи Гостомысла
Прапрадедов мечта
Немного лишь прокисла,
А, в общем, всё же та!
И оптом, и поштучно,
И здесь, и там, и тут —
Весьма благополучно
«Берут! Берут! Берут!»
И вот по той причине,
Себе не к барышу,
Российской взятки ныне
Историю пишу.

2

Российские порядки
В младенческих годах,
История же взятки
Теряется в веках!

Хотя и не без пятен,
Но все ж, войдя в почет,
Богат, могуч и знатен
Ее старинный род.
Подробностей рожденья
Узнать нам не дано,
Ее происхождение
Секретно и темно.
Не то она — славянка,
Не то — с иной земли
Ее к нам спозаранку
Варяги привезли...

3

Хотя о взятке даже
Никто тогда не знал,
Но... первый стольник княжий
Уже, конечно, «брал»!
Узнав про шутки эти
И удивясь зело,
Глядь, «взял» второй, «взял» третий,
Четвертый... И — пошло!
И завертелась взятка,
Как белка в колесе...
И скоро без остатка
«Брать» начали уж все.
Из этих всех, однако,
Как некий идеал,
Единственный Шемяка
В историю попал.
Был очень духом гадок
Сей лихоимный муж,
Зане он, кроме взяток,
И шкуры драл к тому ж!
Похныкав и поплакав
Решил честной народ:
«Ужо помрет Шемяка,
А с ним и мзда помрет...»
И вот Шемяку в Лету
Пришлось Харону свезть,
И что ж? Шемяки нету,
А взятка есть, да есть!

4

Затем настало время
Кровавых передраг,
Рубилась Русь со всеми:
Что шаг, то кавардак!
И после каждой схватки,
В период мрачный сей,

Все мрачно брали взятки —
От дьяков до князей!
Но время шло... и дале
Правители толпой
Уже меняться стали
Ролями меж собой.
Не раз, блестя ножами,
Разгневанный народ
Брал взятки... бородами
С побитых воевод!
Не раз порой вечерней
Князя перед толпой
Платили взятки черни
Своею головой!

5

В конечном результате,—
Свирепый, аки змий,
С ордой татарской рати
Пришел на Русь Батый...
Забрал единым махом
Всю Русь сей прыткий хан!..
Он был с большим размахом
И взятки брал en grand.
Рассевшись между нами,
Мздоимен и удал,
Он «брал» с нас городами
И княжествами «брал».
И съев собаку в драке,
Четыре раза в год
Везли ему баскаки
Бухгалтерский отчет!
А Русь с великим смаком
В течение многих лет
Батыевым баскакам
Ругалась тихо вслед:
«Ишь, бесы... нет вам смерти,
Пождите, будет час,
Потащат в пекло черти
С Батыем вас как раз!
И вот Батя в Лету
Пришлось Харону сvezть!
И что ж? Батя нету,
А взятка есть, да есть!

6

Когда ж взамен Батя
Явился к нам Мамай,
Пришли дела такие—
Ложись да помирай!

Горюя все сильнее,
Русь развернулась и
Как даст татарам в шею,
Татары и ушли!
И был же пир тогда-то!..
Хлебали мед ведром!
Эх, мол, пляши, ребята,
Теперь мы заживем!
Всю ночь в великом раже
Плясали! К утру ж, глядь,
Явились слуги княжьи
И просят честью «дать»...
— Слова, мол, наши взвесьте,
Тащите все, что есть!
Коль не дадите честью,
Придется ребра счесть!..
И долго, долго... рьяно
Нагайками грозя,
Копировали ханов
Российские князья!

7

Когда ж сей век бесславный
Упрятался в курган,
Сменил князей державный
Царь Грозный Иоанн.
Опричники с шаблоном
Мириться не могли
И в дело взятки тонно
Романтику ввели.
До взятки очень падки,
Они по вечерам
Любовью брали взятки
С прекрасных местных дам.
(Сей вариант поборов,
С тех пор, дойдя до нас,
У многих режиссеров
В чести и посеячас!)

8

Настроен очень люто,
С живых и мертвых грёб
Скуратов сын, Малюта,
Известный мизантроп.
А царь тяжёл был нравом!
Всю жизнь, по мере сил,
И правым, и неправым
Он головы рубил.

О каждый лоб нервозно
Ломал он костыли,
Его за это «Грозным»
Потомки нарекли.

9

Когда ж назрели смуты
И взвыли города,
Покоя ни минуты
Нам не было тогда!
Казаки, Гришка, Мнишек,
Шальной бродячий хан!
— Был явственный излишек
В гостях у россиян!
Но вот на помощь к дедам
Явилась шведов рать...
(За это храбрым шведам
Пришлось, конечно, «дать».)
Со шведами, однако,
Так было каждый раз:
Получат — бьют поляков,
Недополучат — нас!
И Шуйский, одинако,
Давал, судьбой гоним,
Полякам и казакам,
И шведам, и своим!
И так уж было гадко,
Знай, ноги уноси!..
Одна лишь только взятка
Осталась на Руси!

10

Поляки и казаки
Скакали: скок-да-скок!
И брал тогда с нас взятки,
Кто лишь прикрикнуть мог!
Жилось совсем не сладко!
Но вот пришла пора,
Когда столкнулась взятка
С дубинкою Петра!
Петр Первый не опешил
И, скор во всех делах,
Мздоимцев просто вешал
На первых воротах!
И за беседой чинной,
И средь шипящих чар
Он глаживал дубиной
Стяжательных бояр!

Но взятка, после трепок
Оставшись без ребра,
Жила беспечно обок
С дубинкою Петра.

11

Так, даже Петр Первый
Не выгнал взятки вон!
Себе лишь только нервы
Испортил этим он!
И «брали» все едино,
Отцам и дедам вслед,
И в век Екатерины,
И в век Елизавет.
Был Павел грозных правил,
Но мзды российской все ж
И Павел не убавил
Ни на единый грош!

12

Я очень озабочен:
В прогулке по векам
Приблизились мы очень
К текущим временам...
Хоть нынче об упадке
Кричат все, но, клянусь,
Доныне в деле взятки
Не оскудела Русь!
Немало есть талантов
Средь мастеров сих дел!
Меж ними интендантов
Блистателен удел:
Сии мужи доселе,
Традицией горды,
Пророки, менестрели,
И мученики мзды!
Но все же, к их печали
Сконфуженной страны,
Недавно обскакали
Путейские чины!..

13

Припомнив их ухватки,
Я ставлю точку тут!..
С меня хоть «взятки-гладки»,
А вдруг, да и «возьмут»?!
Теперь пошли меж нами
Такие мастаки,

Что те, кто «брал щенками»,—
Пред ними суть щенки!
И днесь, сей труд кончая,
Тревогой обуян,
Я руки опускаю,
Хватаюсь за карман!

По изд.: «Лукоморье», 1916, № 15/16; «Двадцатый век», 1916, № 30.

«ВАНЬКА–ВСТАНЬКА»

1

Стоит себе Ванюшка,
Качаясь и скользя...
Нехитрая игрушка,
А положить нельзя!
И как ни клали Ваньку
И этот-то и тот —
Упрямый «Ванька-Встанька»
Встает да и встает!

2

Давненько это было,
Когда вдруг, впад в тоску,
Он плотно и уныло
Разлегся на боку.
Приплыв к нему тогда-то
Из края своего,—
Вмиг на ноги три брата
Поставили его!
И как его ни мяла
Судьба, он до сих пор
Стоит, как и сначала,
Судьбе наперекор!

3

Хоть братьев этих внуки
Валяли всласть его,—
Отшибли только руки
И—больше ничего!

4

Прослышав про игрушку,
Затем из дальних стран
Пришел качать Ванюшку
Глобтропствующий хан.

Как хан тот ни старался,—
Ванюшка не сплосал!
Хотя и закачался,
Но все же устоял!

5

Затем, удрав из кельи,
Явился Гришка-тать
Со специальной целью —
Ванюшку покачать...
Прилип он, словно муха,
Сулил весь мир «на чай»,
Но Ванька молвил сухо:
«А ну-ка, покачай!»
И стал качать парнишка...
Но, выбившись из сил,
Сам закачался Гришка
И шею своротил!

6

Иван Васильич Грозный,
Чей нрав был тверже скал,—
Мужчина был серьезный
И Ваньку по-ка-чал!!!
Совсем было игрушка
Испортилась при нем,
И стучался Ванюшка
Покорно в землю лбом!
Давно уже известно,
Что жизнь земная — пуф!
И умер царь железный,
А Ванька молвил: «У-уф!».

7

Курляндец некий Бирон
Был скромный коновал,
Но лишь надел мундир он,
Вмиг палку в руки взял!
Была легка едва ли
Биронова рука!..
И снова затрещали
Ванюшкины бока!
Сей муж без передышки
Вершил свои дела,
Пока его одышка
В могилу не свела.

8

Затем, скрепив устои,
 Спокойный век настал.
 И Ванька о покое
 Тут было возмечтал!
 Но, те мечты развеяв,
 Взяв Русь под караул,
 Ванюшку Аракчеев
 Порядочно качнул!

9

Эх, вообще немало,
 Среди всяких передряг,
 Ванюшку покачало
 И эдак-то, и так!
 Качало без печали
 Кто как и кто за что!
 Мозоли натирали,
 А Ваньке — хоть бы что!
 Недаром ведь, потыкав
 Его со всех сторон,
 Двенадесать языков
 Все ж молвили: «Pardon!..».

10

Так полно же о Ваньке
 Вздыхать вам всей толпой...
 Не бойтесь! Ваньке-Встаньке
 Качаться не впервой!
 И новым компаньонам
 Где уж тягаться с ним:
 Всем этим «фон-баронам»
 И «марковым-вторым»?!

11

Так стой себе, Ванюшка,
 Среди родной межи...
 Нехитрая игрушка,
 А ну-ка, положи?!

По изд.: «Лукоморье», 1916, № 5.

1906—1916 гг.

Давно с порядком в прятки
 Играла Русь, и вот,
 В заботах о порядке
 Стал нервничать народ.

В то время, молвить к слову,—
Порядок был такой:
То бьют городского,
То бьет городской!
И после тех прелюдий
Решили разом тут:
Пусть выборные люди
Порядок наведут! —
В ту пору, словно в сказке,
Жил-был в стране отцов
Прописанный в участке
Иван Кузьмич Петров.
Его судьба бодлива
Была... и сгоряча
Лушила в хвост и гриву
Ивана Кузьмича.
И долго так, как в сказке,
Жил-был, угрюм, как сыч,—
Прописанный в участке
Петров, Иван Кузьмич.
Случилось как-то раз так,
Что два бородача
Пришли позвать в участок
Ивана Кузьмича.
Петров спросил их глухо:
— А если не хочу?
И дали двое в ухо
Ивану Кузьмичу!
И молвил он послушно,
Пощупавши синяк:
— Ну, что ж... раз очень нужно...
Давно б сказали так.
Был пристав участковый
Угрюм, как никогда...
И, подозвав Петрова,
Он молвил: — «Господа,
Законности фундамент
В России возведен!
Да здравствует парламент!
Да здравствует Закон!
И кстати ль иль некстати ль,
Теперь ты, кошкин сын,
Уже не обыватель,
А целый гражданин!
И вот походкой лорда
Пошел Петров домой,
Восторженно и гордо
Толкуя сам с собой:
— Скажите, вот ведь штука?!
Не жизнь, а благодать!
Ну-с, кто мне в ухо, ну-ка,

Теперь посмеет дать?
И черной сотне в пику,
Свободой умилен.
Купил себе гвоздику
И красный галстук он!
С тех пор прошло донныне
Без мала десять лет...
Порядка ж и в помине
Все так же нет, как нет!
Мешки благодеяний
Застряли у двери.
И что ни заседание,—
Сплошное «coserie»!
В сыпучей вермишели
Завязли до голов
И яростный Чхенкели.
И мирный Милоков...
С беспечностью во взгляде.
Не ведая забот,—
Зайдет министр, присядет,
Помнется и — уйдет...
И тщетно в перебранке
Звенит, кляня свой Рок,
Унылого Родзянки
Сконфуженный звонок!
Пора бы нам давно всем
Сознаться, наконец,
Что ни при чем тут вовсе
Таврический дворец!
— Что ж, пусть реформ охапка
Запрятана в чулан,—
— «По Сеньке ведь и шапка»,
— «По Тришке и кафтан!».

По изд.: «Лукоморье», 1916, № 18.

РОМАНС

Как волны морские —
Бесстрастны и быстры,—
Не ведая горя и зла,
Проходят министры,
И нет им числа...
Их ветер пригонит,
Их ветер угонит,
Пригонит, угонит и квит!

* * *

Министры приходят,
Министры уходят,
А дело — стоит!

ТРУЖЕНИК

(Из недавнего прошлого)

Иван Иванович, депутат,
В заботах о народе —
Не спит, не ест, тоской объят...
И вносит каждый день подряд
Запросы... о погоде!

Иван Иванович, депутат,
В заботах о народе:
— «Известно ль власти, что опять
Шел дождик в прошлый вторник?
А если нет, то, так сказать,—
Какие меры, мол, принять
Намерен старший дворник?»
— Известно ль власти, что опять —
Шел дождик в прошлый вторник?

Тяжел ответственный удел
Избранников народа,
Иван Иванович хоть кряхтел,—
Но добросовестно шумел,
Свистел и выл три года!
— Тяжел ответственный удел избранников народа!

Иван Иванович, депутат,—
Стоит на страже права.
И, как всамделишный солдат,
Он держит пятый год подряд —
«Равнение направо...»
— Иван Иванович, депутат,
Да отдохните, право!

Послесловие

Перелистывая обветшавшие страницы русских журналов первой четверти нашего века, бережно собиравшихся и хранившихся Ефимом Куферштейном, как бы прикасаешься памятью к Николаю Агнивцеву. Порой кажется, что в стремлении возродить в России имя поэта Ефим пустился в одиночное плавание в море истории литературы, хватаясь за малейшую возможность встречи с единомышленником. Не удивительно, что он не прошел мимо журнала «Памир», опубликовавшего в 1983 году статью О. Б. Кушлиной «Поэт и больше ничего». Через редакцию журнала Ефим познакомился с автором, установилась переписка, к сожалению не сохранившаяся.

В год 100-летия со дня рождения Н. Я. Агнивцева (случаются же такие совпадения!) вышли сразу четыре сборника, в которых упоминалось имя поэта. В поэтической антологии «Петербург в русской поэзии XVIII — начале XX века» Агнивцев назван автором одной из самых ярких книг о Петербурге.

В 1989 году московское издательство «Книга» выпустило репринтное издание берлинского сборника 1923 года «Блистательный Санкт-Петербург». Тираж 50000 экземпляров разошелся мгновенно, ни в коей мере не удовлетворив спроса. В том же году вышел 1-й том «Биографического словаря русских писателей 1800—1917 гг.», где статья об Агнивцеве, принадлежащая О. Б. Кушлиной, представляет, на наш взгляд, лучшее, что сообщалось о поэте в предшествовавших энциклопедических изданиях.

В 1990 году в Москве издан маленький сборничек «Гранитный барин». Автор вступительного слова В. Широков сообщил, что после издания в 1926 году последней «взрослой» книги Агнивцева сборники на русском языке продолжали появляться в Париже и даже Сан-Франциско. Таким образом, в русской литературе прежних лет Агнивцеву принадлежит прочное место.

В 1993 году появляется сборник «Русская поэзия «серебряного века» 1890—1917 гг.», где снова пишет об Агнивцеве О. Б. Кушлина. Ее статья завершается так:

«Когда Агнивцев вернулся на родину, оказалось, что его изящный, но камерный талант ни к чему другому не приложим... Он так и не нашел места в литературе».

Биографы Н. Я. Агнивцева, оценивая его вклад в русскую культуру, еще не уделили, на наш взгляд, достаточного внимания общественно-политическому звучанию его произведений, отметив, в основном, лишь острые эпиграммы политического характера в «Студенческих песнях», а также отражение некоторых событий русской истории, преломлявшихся поэтом в сюжетах и образах Великой Французской революции.

Да, «Агнивцев был представителем салонной камерной юмористики,— утверждает Л. А. Спиридонова,—маленький иллюзорный мир его юморесок защищал душу от неприглядной действительности, уводил в фантазию и сказку...».

Это и вызвало, наверно, всеобщее признание и восхищение «Моими песенками», прославившими поэта. Недаром к этим песенкам обращались такие видные композиторы, как С. С. Прокофьев, И. О. Дунаевский, Ф. Ф. Эркерт, знаменитый чтец Э. Каминка и другие.

Как «мимолетное счастье» в серой действительности воспринимает встречи со стихами Агнивцева и Е. Куферштейн, посвятивший любимому поэту акростих «Агнивцев»:

Ах, устали мы все от идейности!
Где укрыться от жгучих проблем?
Не сбежать ли нам от современности
И остаться в былом насовсем?
Вздор, конечно... Но все ж не напрасно
Целый вечер звучат здесь стихи:
Есть еще мимолетное счастье
В сером царстве дрянной чепухи!

1981 г.

Но неправомерно воспринимать Агнивцева лишь в таком плане. Ведь мы уже познакомились с сатирической песней об Алисе, его трагическими «Реквиемом» и «Под знаком красного фонаря», написанными кровью сердца!

А его патриотические стихи?! Разве они (не говоря уже о несравненных петербургских!) лишь отдали дань «казенному» патриотизму в 1915 году?

Какую симпатию вызывает глубокое сострадание поэта к угнетенным («Рикша»), и как прекрасно, что автор пробуждает добрые чувства в детях, которым предназначается это стихотворение!

Недостаточно исследовано, на наш взгляд, и творчество Агнивцева-драматурга. Все это — издержки нашего пока слабого знакомства с творчеством Агнивцева в силу недоступности основной части его произведений широкому читателю.

Верим, что осуществится мечта Е. З. Куферштейна и придет время, когда произведения Н. Я. Агнивцева — поэта и драматурга — будут изданы, по возможности, полностью. Но знатоки и любители творчества Агнивцева помнили о нем всегда и не стали ожидать разрешения любить поэта уже с середины 80-х годов.

В архиве автора хранится такое газетное объявление:

СТУДЕНЧЕСКИЙ КЛУБ
Ленинградского университета имени А. А. Жданова
(Университетская наб., 7/9)

20 апреля

«БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГ»

(Поэзо-концерт).

ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН, САША ЧЕРНЫЙ,
НИКОЛАЙ АГНИВЦЕВ.

Композитор — Владимир **ГОРБЕНКО.**

Режиссер — Варвара **ШАБАЛИНА.**

Исполнитель ---

артист Ленинградского Большого драматического театра
имени М. Горького

Юрий ТОМОШЕВСКИЙ

в сопровождении инструментального квинтета «Сатирикон».
Начало в 19 часов.

Билеты продаются в кассе клуба (Университетская
наб., 7/9) с 14 до 20 часов.

Телефон 218-96-70.

С тех пор имя Юрия Валентиновича Томошевского в сознании любителей творчества Агнивцева прочно связалось с именем поэта. Увлеченный его творчеством и даже внешне похожий на него артист создал замечательный моноспектакль «Блистательный Санкт-Петербург», принесший ему всероссийскую славу.

Т. Марченко в журнале «Театр», 1991, № 9 в статье о 2-м Пермском фестивале моноспектаклей пишет:

«...Ю. Томошевский завоевал приз «Сенсация фестиваля», блеснув поэзо-концертом «Блистательный Санкт-Петербург». В Ленинграде этот спектакль — своего рода визитная карточка в подвале театра «Приют комедианта». С него все и началось четыре года тому назад.

У Томошевского — точное чувство стиля и умение пластической стилизации. Весь в светлом, подвижный и легкий — «любимец петербургской публики» — Николай Агнивцев... Музыка пронизывает весь моноспектакль. И словно перелистнулись страницы блистательной поэтической культуры России, прошлое ненадолго ожило, зазвучало, задвигалось — и развеялось, как вздох...

Театр «Приют комедианта» возрождает традицию старых литературных подвальчиков Петербурга. Здесь царит слово и музыка. И талант актера»...

Как здесь не вспомнить о театре Агнивцева!.. Ю. В. Томошевский словно проложил путь к воспоминаниям об Агнивцеве другим артистам.

В 1997 году на петербургском радио, телевидении и литературных концертах выступала со стихами Агнивцева А. С. Демидова.

В честь 294-летия Петербурга на Дворцовой площади выступил со стихотворением Агнивцева «Станный город» известный петербургский чтец А. В. Емельянов, уже несколько лет включающий стихи поэта в свой репертуар. А утром в день рождения города прозвучал по радио фрагмент другого агнивцевского стихотворения «Когда гондает гранит».

В Петербурге со стихами Агнивцева успешно работает молодой композитор А. Г. Заливалов, написавший уже пять романсов на стихи поэта. Обратили внимание на Н. Агнивцева и юные. Так, в литературном клубе «Дым отечества», руководимом А. И. Корнеевой, подготовлен реферат о поэте, его стихи учащиеся читают на литературных вечерах.

В секции литературной биографики Дома творчества юных старшие школьники под руководством Б. Л. Бессонова также работают над наследием поэта.

В середине 1997 года вышел сборник В. Ф. Маркова «Сто русских поэтов. Антология». Его открывает стихотворение Н. Я. Агнивцева из сборника «Мои песенки» — «Принцесса Анна». Эта прекрасная книга еще раз подтверждает, что Н. Я. Агнивцеву принадлежит достойное место в русской литературе.

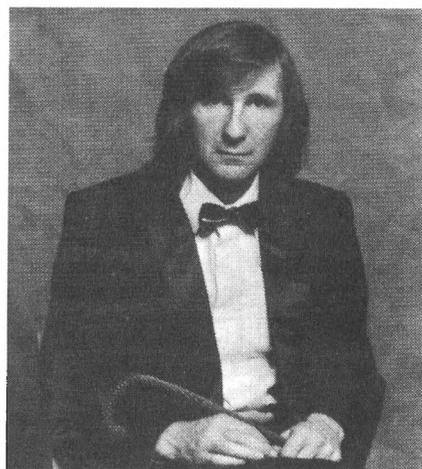
А. Г. Зализалов

А. В. Емельянов

А. С. Демидова

Ю. В. Томошевский

Большой перечень названий произведений Агнивцева для театра собран Е. Куферштейном в процессе подготовки книги. Надеемся, что это заинтересует будущих агнивцеведов и театроведов.

НИКОЛАЙ ЯКОВЛЕВИЧ АГНИВЦЕВ ВОЗВРАЩАЕТСЯ К НАМ!

Нельзя не согласиться с автором послесловия к книге «Блистательный Санкт-Петербург» В. Федоровым, что «Агнивцев не просто русский советский поэт, он — прежде всего — поэт Петербурга, навсегда преклонивший колено перед его величием», как и автор этой книги — петербуржец Ефим Куферштейн.

С. Куферштейн

*Н. Агнивцев
Мои песенки **

Всем, сценически обокравшим меня, стоически посвящаю.

СЛОН И МУХА

Однажды некий толстый слон
Красою мухи поражен,
К той мухе, словно феодал,
Преступной страстью воспылал!

Но муха, быстро рассудив,
Что толстый слон, хоть и красив,
Но все ж велик для жениха,
Взяла и скрылась от греха!

Влюбленный слон не пил, не ел,
Влюбленный слон худел, бледнел
И таял, таял по часам...
«Dans chaque malheure-cherchez la femme!»

И, как французский томный граф,
Он умер, тихо прошептал:
«Не для меня придет весна»...
Так муха слопала слона!

Отсюда ясно, что слоны
Влюбляться в муху не должны,
Зане на сей предмет для них
Судьба назначила слоних!

* Тексты стихотворений печатаются по изданию: Н. Агнивцев «Мои песенки» — Берлин, Книгоиздательство «Литература», 1921.

РАССЕЯННЫЙ КОРОЛЬ

Затянут шелком тронный зал!
На всю страну сегодня
Король дает бессчетный бал
По милости Господней!..

Как и всегда, Король там был
Галантен неизменно
И перед дамой преклонил
Высокое колено!..

Старый Шут, покосившись на зал,
Подняв тонкую бровь, прошептал:
— Он всегда, после бала веселого,
Возвращается без головы!..
Как легко Вы теряете голову!
Ах, Король, как рассеяны Вы!

Затянут красным тронный зал!
На всю страну сегодня
Народ дает свой первый бал
По милости Господней.

Как и всегда, Король там был
Галантен неизменно!..
И под ножом он преклонил
Высокое колено!..

Старый Шут, покосившись на зал,
Подняв тонкую бровь, прошептал:
— Он всегда, после бала веселого,
Возвращается без головы!..
Как легко Вы теряете голову!..
Ах, Король, как рассеяны Вы!..

ПРИНЦЕССА АННА

Из своей опочивальни
Чем-то очень огорчен
Побледневший и печальный
Вышел в зал король Гакон...

И, как то необходимо,
Молвил, ставши на ступень:
— Здравствуй, мой народ любимый!
И сказали: «Добрый день!»

114 гофмейстеров,
30 церемониймейстеров,
48 камергеров,
345 курьеров
И 400 пажей!..

И, дрожа, как от озноба,
Продолжал Гакон король:
— Нам сейчас одна особа
Причинила стыд и боль!..

Видно нас (в том нет секрета!)
За грехи карает Бог!..
Что вы скажете на это?..
И сказали грустно: «Ох!»

114 гофмейстеров,
30 церемониймейстеров,
48 камергеров,
345 курьеров
И 400 пажей!..

— Наша дочь, принцесса Анна,
Позабыв свои дела,
Неожиданно и странно
Нынче сына родила!

Мы б узнать от вас хотели
(Будьте ж честны и прямы!),—
Кто замешан в этом деле?
И сказали тихо: «Мы!» —

114 гофмейстеров,
30 церемониймейстеров,
48 камергеров,
345 курьеров
И 400 пажей!..

ПЕРС НА КРЫШЕ

Хорошо жить на востоке,
Называться Бен-Гассан
И сидеть на солнцепеке,
Щуря глаз на Тегеран...

К черту всякие вопросы!
Тишь, да гладь, да благодать!
Право, с собственного носа
Даже муху лень согнать!..

Прямо даже непонятно,
Персия это? Иль — персидский рай?..
— Ай, как хорошо! Ай, как приятно!
Ай, яй-яй-яй-яй-яй-яй!..

Хорошо сидеть на крыше
Персом с ног до головы...
И толстеть там от кишмиша,
Абрикосов и халвы!..

Если ж станет очень грустно,
Скушай персик от тоски!..
— Ай, как вкусны! Ай, как вкусны!
Ай, как вкусны персики!..

Прямо даже непонятно,
Персия это? Иль — персидский рай?..
— Ай, как хорошо! Ай, как приятно!
Ай, яй-яй-яй-яй-яй-яй!..

Чтоб любви не прекословить,
Стоит только с крыши слезть!..
Кроме персиков, еще ведь —
Персиянки тоже есть!..

Ай, Лелива! Глаз, как слива!
Шаль пестра, как попугай!
Ай, Лелива! Ай, Лелива!
Как целуется! Ай-яй!!!

Прямо даже непонятно,
Персия это? Иль — персидский рай?..
— Ай, как хорошо! Ай, как приятно!
Ай, яй-яй-яй-яй-яй-яй!..

ЭТО БЫЛО В БЕЛОМ ЗАЛЕ

Это было в белом зале
У гранитных колоннад...
Это было все в Версале
Двести лет тому назад!

Ах, назад тому два века,
Не имея лучших тем,
Герцог Гиз маркизе некой
Прошептал вдруг: «Je vous aime!»

— Ах, мой герцог! Ах, мой герцог!
И мечтать я не могла!..
И ему маркиза сердце
С реверансом отдала...

Это было в белом зале
У гранитных колоннад...
Это было все в Версале
Двести лет тому назад!

Но швырнул ее он сердце
На потеху для молвы!..
И маркиза шепчет: «Герцог,
Герцог, герцог, где же вы?

Пусть разбили сердце ложью,
В этом сердце — вы один!!!»
И, схвативши ножик, с дрожью...
Стала чистить апельсин...

Это было в белом зале
У гранитных колоннад...
Это было все в Версале
Двести лет тому назад!

ОЧЕНЬ ПРОСТО

Солнце вдруг покрылось флёром!..
Как-то грустно!.. Как-то странно!..
— Джим, пошлите за мотором
И сложите чемоданы!..

Положите сверху фраки,
Не забудьте также пледа:
Я поеду в Нагасаки,
В Нагасаки я поеду!

Там воспрянет дух поникший,
И, дивя японок фраком,
Я помчусь на дженерикше
По веселым Нагасакам!..

Ах, как звонок смех японок
Для родившихся во фраках!
Ах, как звонок! Ах, как звонок
Смех японок в Нагасаках!

Экскортируемый гидом,
Я вручаю сердце Бrame
И лечу с беспечным видом
В некий домик к некой даме.

Имя дамы: «Цвет жасмина»,
Как сказал мне гид милейший...

Ну а более рутинно:
«Гейша — Молли, Молли — гейша!»

К ней войду с поклоном низким,
Поднесу цветы и ленты
И скажу ей по-английски
Пару нежных комплиментов...

Запишу на память тему,
Повздыхаю деликатно.
Вдену в лацкан хризантему
И вернусь в Нью-Йорк обратно!

ГРУСТНЫЙ МЕСЯЦ

Грустный Месяц, томясь по любви,
Пальцем в небо потыкал
И расстроился, и —
Захныкал:

— Ох, уж и грустно мне, Месяцу!
Прямо сказать не могу!
Впору, ей-богу, повеситься
Мне на своем же рогу.

Ноют и стынут все косточки,
Не доживу я до дня!..
Милые барышни, звездочки,
Ах, пожалейте меня!

Поодиночке ли, вкупе ли
Вы бы меня приголубили!?
Ну же, не будьте глухи!

Звездочки глазки потушили
И отвечали: «Хи-хи!»

Месяц сказал, что, конечно,
В смысле утраты сердечной,
Он, может быть, и утешится,
Но ... положение — серьезно!

Звездочки Месяца слезно
Очень просили не вешаться!..

И ... я спокоен за будущность Месяца:
Месяц теперь не повесится!

КОРОЛЬ АРТУР

Средь королевских всяких благ
Король Артур, король-чудак,
Жил-был давным давно!..

И тем Артур известен был,
Что лишь две вещи он любил:
Раздумье и вино!

И так всю жизнь, по мере сил,
Король Артур грустил и пил
Немного чересчур!

И всех английских королей
Он был грустнее и пьяней.
Чудак — король Артур.

Но вот однажды юный паж
Сказал ему: «Король, нельзя ж
Грустить и день и ночь!

О, мой король, скажи, нельзя ль
Твою гнетущую печаль
Прогнать весельем прочь?!».

Но выпив залпом свой бокал,
— Мой мальчик,— сумрачно сказал
Король ему в ответ:

— Король твой грустен оттого,
Что он Король! И для него
Ни в чем свободы нет.

КРОКОДИЛ И НЕГРИТЯНКА

Удивительно мил
Жил да был крокодил —
Так аршина в четыре, не боле!..
И жила да была,
Тоже очень мила,
Негритянка по имени Молли.

И вот, эта Молли-девица
Решила слегка освежиться
И, выбрав часок между дел,
На речку купаться отправилась...

Крокодил на нее посмотрел:
Она ему очень понравилась
И он ее съел!..

А, съевши, промолвил: «Эх-ма,
Как милая Молли прекрасна!»

— Любовь крокодилов весьма
Своеобразна!

ЗВЕЗДОЧЕТ

Следя за шашнями светил,
Без горя и забот,
В высокой башне жил да был
Почтенный Звездочет.

Он был учен и очень мудр...
Но шутит зло Эрот!
И вот, в одно из вешних утр,
Женился Звездочет.

У звездочетовой жены
Глаза, что — пара звезд,
Лицо, как томный лик луны,
А страсть — кометин хвост!

Она — грустна, она — бледна,
У ней влюбленный вид,
А Звездочет всю ночь сполна
За звездами следит.

Бледнея каждою весной,
Как лилия в снегу,—
Она с особенной тоской
Глядела на слугу...

Был недогадлив тот слуга...
Но все же как-то раз
Воскликнул вдруг слуга: «Ага!»
И ... кончен мой рассказ!

Отсюда вывод же такой:
— Коль мужем стать пришлось,
Смотри ты лучше за женой,
А звезды — брось!

ПЕСЕНКА О НЕКОЕЙ КИТАЙСКОЙ БАРЫШНЕ АО

В молчанье, с улыбкой лукавой,
В Китае китайский пьет чай
Китайская барышня Ao —
Сун-Фу-Липо-Тань-Ти-Фон-Тай.

Согласно привычке старинной,
Пыхтя от любовных забот,
К ней как-то с умильной миной
Явился китайский Эрот:

«Послушайте, барышня Ao,
Нельзя же все время пить чай!
Ах, барышня Ao, в вас, право,
Влюблен целиком весь Китай!

Взгляните, как ясен день майский!
Вот глупая!» И, на финал,
Он в злости ее по-китайски
«Китайскою душой» назвал...

И быстро ушел негодуя,
Прервавши с ней свой разговор...
Вот все!.. Что ж поделать могу я,
Когда вдалеке до сих пор:

В молчанье, с улыбкой лукавой,
В Китае китайский пьет чай
Китайская барышня Ao —
Сун-Фу-Липо-Тань-Ти-Фон-Тай!..

ЕРЕТИЧКА

От Люксембурга до Бастильи,
Еретикам на вечный страх,
Герольды папские трубили
На всех Парижских площадях:

~Мы, добрый Папа Лев IV-ый,
Скорбим о дочери Анж Питу,
Продавшей явно душу черту
За неземную красоту.

И вот, в знак милости Господней,
К ней, пребывающей во зле,
Казнить ее велел сегодня
Наместник Бога на земле!..

И к Анж Питу в час утра ранний
С молитвой кроткой на устах
И с папской буллою в кармане
Пришел напутственный монах.

Она приподняла ресницы:
— Ах, как безжалостны все вы!
На небо к Господу явиться
Я не могу без головы!

Казни меня, но без увечья!
Должна же я, пойми, монах:
С моим возлюбленным при встрече
Поцеловаться в небесах!

ДВЕ СЕСТРЫ

Их две сестры: одна от неба,
Ну а другая от земли!
И тщетно жду: какую мне бы
Дать боги Случая могли:
Вот ту, которая от неба,
Иль ту другую — от земли?

Одна, как статуя Мадонны,
Ну а другая, как вертеп!
И я вздыхаю сокрушенно:
В которую влюбиться мне б!
Вот в ту, что статуя Мадонны,
Иль в ту другую, что вертеп?

И та, что статуя Мадонны,
И эта, что наоборот,
Вдруг улыбнулись мне влюбленно!
С тех пор сам черт не разберет:
Где та, что статуя Мадонны,
И эта, что наоборот?

ИШАК И АБДУЛ

Раз персидскою весною
Шел Абдул к Фатиме в дом
С нагруженным косхалвою
Очень глупым ишаком!

Шел Абдул и пел: «Всю ночь-то
Процелуюсь я, да как!..
Ты ж не будешь, оттого что
Я Абдул, а ты — ишак!»

Так, смеясь весьма ехидно
И хватаясь за бока,
В выражениях обидных
Пел Абдул про ишака:

— Вот идет со мной ишак!
Он — один, а глуп, как два!
Ай, какой смешной ишак!
Вва!

И придя к ней — стук в окошко:
Вот и я, Фатима, здесь!
Целоваться вы немножко
Не интересуетесь?

Но она ему на это
Отвечала кратко, что
Мужу старому Ахмету
Не изменит ни за что.

Он сказал: «Ай, как вы строги!»
И ушел домой он... так!..
И обратно по дороге
Про Абдула пел ишак:

— Вот идет со мной ишак!
Он — один, а глуп, как два!
Ах, какой смешной ишак!
Вва!...

МАРКИЗ ФРАНСИЗ

И дни, и ночи в страстной позе
Поет о розах на морозе
Перед окном девицы Клэр —
Маркиз Франсиз де Помдэтэр!

Он пел с подъемом, очень мило,
О том, о сем... И выходило,
Со слов маркиза, что маркиз
В раю мог взять бы первый приз...

Он, мол, не требует награды,
Объятий, мол, ему не надо,

Зане он может только сметь:
Взглянуть, вздохнуть и умереть!

Девушка Клэр вздыхать — вздыхала.
Но двери все ж не отворяла —
Не без причин, не без причин,—
Боясь коварности мужчин!

Хоть Разум чуток, словно филин,
Но Дьявол тоже очень силен!
И ... влез в окно к девушке Клэр
Маркиз Франсиз де Помдэтэр!

И влезши к ней подобным родом,
О звездах буркнул, мимоходом,
Затем увлек ее в альков,
Похитил честь!.. И был таков!

Тут и конец, хоть очень жаль.
Но если вам нужна
Еще к тому же и мораль? —
Извольте, вот она:

По вышеназванным причинам —
Не верьте, барышни, мужчинам!

ЭТО СЛУЧИЛОСЬ В СЕВИЛЬЕ

Это случилось в Севилье,
Где любят все в изобилье,
С донной Эльвирой д'Амор
Ди Сальвадор!

Шли по ночам целоваться
Юношей ровно 12
К донне Эльвире д'Амор
Ди Сальвадор!

Но, вдруг, схватившись за сердце,
Стукнул тринадцатый в дверцы
К донне Эльвире д'Амор
Ди Сальвадор!

Но был отвергнут навеки
Этот тринадцатый некий
Донной Эльвирой д'Амор
Ди Сальвадор!

Ибо одно достоверно:
Очень была суеверна
Донна Эльвира д'Амор
Ди Сальвадор!

ГЛУПАЯ ШУТКА

Как горний отблеск Парадиза,
И непорочна и светла
Одна французская маркиза
Жила, пока не умерла.
Она была верна супругу
И днем, и ночью, и в обед...
И на галантную услугу
Всем кавалерам был ответ:

— Послушайте, где ваш рассудок?!
Терпеть не могу глупых шуток!

Сказали ей у Парадиза:
— Ну-с, кроме мужа своего
Кого любили вы, маркиза?
Она сказала: «Никого!»
И, в удивлении, ее стал
Тогда разглядывать в кулак
Невозмутимый Петр Апостол
И, наконец, промолвил так:

— Послушайте, где ваш рассудок?!
Терпеть не могу глупых шуток!

СОБАЧИЙ ВАЛЬС

Длинна, как мост, черна, как вакса,
Идет, покачиваясь, такса...

За ней шагает, хмур и строг,
Законный муж ее — бульдог!

Но вот, пронзенный в грудь, с налета,
Стрелой собачьего Эрота,

Вдруг загорелся, словно кокс,
От страсти к таксе встречный фокс!

И был скандал! (Ах, знать должны вы —
Бульдоги дьявольски ревнивы!)

И молвил встречный пудель: «Так-с!
Не соблазняй семейных такс!»

И, получив на сердце кляксу,
Фокс так запомнил эту таксу,

Что даже на таксомотор
Смотреть не мог он с этих пор!

НЕГРИТЕНОК ДЖИМ

К некоей лэди в шикарный зал,
В силу печальных событий,
Джим-негритенок лакеем попал
Прямо с родного Таити.

И, запыхавшись средь всяческих дел,
Вазу разбил как-то раз он!..
Он быть лакеем еще не умел,
И был за это наказан!

— Ах, госпожа, где же мог я узнать,
Как обращаться с вещами такими?!
Нехорошо, госпожа, обижать
Бедного черного Джимми!

Лэди была, словно сахар бела,
Джим же был черен, как сажа!
Но ... настагает Эрота стрела
И папуасов ведь даже!

И, в умилении, лэди в плечо
Вдруг укусил как-то раз он!
Он не умел целоваться еще,
И был за это наказан.

— Ах, госпожа, где же мог я узнать,
Как обращаться с вещами такими?!
Нехорошо, госпожа, обижать
Бедного черного Джимми!..

ПОЧЕМУ?

Много есть персиянок на свете,
Но собою их всех заслоня,
Как гора Арарат на рассвете,
Лучше всех их Зюлейка моя!

— Почему?

— Потому!

Много персов есть всяких на свете,
Но собою их всех заслоня,
Как гора Арарат на рассвете,
Больше всех ей понравился я!

— Почему?

— Потому!

Много есть ишаков в нашем месте,
Сосчитать их не хватит ста лет.
Только все же глупей их всех вместе
Муж Зюлейки — Гассан-Бен-Ахмет!

— Почему?

— Потому!

ФАРФОРОВАЯ ЛЮБОВЬ

В старомодном тихом зальце
Увлечлись, скосивши взоры,
Два фаянсовых китайца
Балериной из фарфора.

Увидав, что близок Эрос,
Улыбнулась танцовщица,
И ей очень захотелось
Перед ними покружиться.

Как легки ее движенья!
Как скользит она по зале!
И китайцы в умиленье
Головами закачали!

И меж ними танцовщица,
Улыбаясь им лукаво,
Все кружится да кружится,
То — налево, то — направо!

И, споткнувшись в авантаже,
Вдруг упала без движенья!
— Ах, в глазах китайцев даже
Потемнело от волненья!

Ах, как больно!.. Словно в спины
Им воткнули вдруг иголки!
Ах, разбилась балерина
На мельчайшие осколки!

Так окончился в том зальце —
Неожиданно и скоро —
Флирт фаянсовых китайцев
С балериной из фарфора!

ЛЕДА И ЛЭДИ

Между статуй прямо к Леде
Шла по парку гордо Лэди,
А за нею чинно следом
Шел лакей с шотландским пледом.

И сказала строго Лэди,
Подойдя вплотную к Леде:
«Шокинг!» И за этим вслед
Завернула Леду в плед.

О, заботливая Лэди,
Плед совсем не нужен Леде!
Уверяю вас: для Лед
Нужен Лебедь, а не плед!

ТРЕНЬ-БРЕНЬ!

В тот день все люди были милы
И пахла, выбившись из силы,
Как сумасшедшая, сирень.
Трень-брень!

И, взяв с собою сыр и булку,
Сюзанна вышла на прогулку!
Ах, скучно дома в майский день!
Трень-брень!

Увидев издали Сюзанну,
Благословлять стал Жан Осанну
И прыгнул к ней через плетень!
Трень-брень!

Пылая факелом от страсти,
Промолвил Жан Сюзанне: «Здрассте».
И тотчас с ней присел на пень.
Трень-брень!

Была чревата эта встреча!
И поглядев на них, под вечер,
Стал розовесть в смущенье день!
Трень-брень!

И вот, наутро, как ни странно,
Не вышла к завтраку Сюзанна!
У ней всю ночь была мигрень!
Трень-брень!

Вот что, от края и до края,
С Сюзаннами бывает в мае,
Когда в саду цветет сирень!
Трень-брень!

О СЛОНАХ И О ФАРФОРЕ

Покушав как-то травку,
Зашел слон по делам
В фарфоровую лавку
И повернулся там!

Мораль сей басни впереди,
Она — острей булавки:
Коль ты есть слон, то не ходи
В фарфоровые лавки!

БИЛЬБОКЭ

К Дофину Франции, в печали,
Скользнув тайком из-за угла,
Однажды дама под вуалью
На аудиенцию пришла.

И пред пажем склонила взоры:
— Молю, Дофина позови!
Скажи ему, я та, которой
Поклялся в вечной он любви.

— Что вас так всех к Дофину тянет?
Прошу, присядьте в уголке!
Дофин устал! Дофин так занят!
Дофин — играет в бильбокэ!

К Дофину Франции в покои,
Примчав коня во весь опор,
С окровавленной головою
Ворвался бледный мушкетер:

— Эй, паж, беги скорей к Дофину!
Приходит Франции конец!
О, горе нам! Кинжалом в спину
Убит Король — его отец!

— Что вас так всех к Дофину тянет?
Прошу, присядьте в уголке!
Дофин устал! Дофин так занят!
Дофин — играет в бильбоксэ!

К Дофину Франции, в финале.
Однажды, через черный ход,
Хотя его не приглашали,
Пришел с дрекольями Народ!

Веселый паж, не без причины,
Протер глаза, потрогал нос
И, возвратившись от Дофина,
С полупоклоном произнес:

— Что вас так всех к Дофину тянет?
Прошу, присядьте в уголке!
Дофин устал! Дофин так занят!
Дофин — играет в бильбоксэ!

ДОН ПАСКУАЛЛЕ

У доньи Лауры, испанки беспечной,
Имеется домик (с балконом, конечно!),
И вот под балкон (хоть его и не звали)
Явился с гитарою дон Паскуалле...
И, взявши аккорд, за отсутствием дел,
О «розах и грезях» немедля запел:

«Гуэrrэрро! Дреймадера!
Кабалеро! Два сомбреро!
Эспланада! Баррикада!
Серенада! Па-дэ-спань!
Оллэ!»

И шепчет Лаура, вздыхая влюбленно:
«Как времени много у этого дона!
Скорей бы, скорей бы вы с песней кончали
И к делу приступим о, дон Паскуалле!»
А дон Паскуалле, воззрясь в небосвод,
О «розах и грезях» поет и поет:

«Гуэrrэрро! Дреймадера!
Кабалеро! Два сомбреро!
Эспланада! Баррикада!
Серенада! Па-дэ-спань!
Оллэ!»

Одна за другой проходили недели,
Настала зима и завывли метели...
И, хмуро взглянувши на ртуть Реомюра,
С балкона давно удалилась Лаура...
А дон Паскуалле, воззрясь в небосвод,
О «розах и грезях» поет и поет:

«Гуэррэро! Дреймадера!
Кабалеро! Два сомбреро!
Эспланада! Баррикада!
Серенада! Па-дэ-спань!
Оллэ!»

Меж тем, проходивший дон Педро ди-Перцо,
Увидев Лауру, схватился за сердце...
И, будучи доном особого рода,
Немедля забрался к ней с черного хода!
А дон Паскуалле, воззрясь в небосвод,
О «розах и грезях» поет и поет:

«Гуэррэро! Дреймадера!
Кабалеро! Два сомбреро!
Эспланада! Баррикада!
Серенада! Па-дэ-спань!
Оллэ!»

При первой улыбке весенней лазури,
Дон Педро женился на донье Лауре...
Года друг за дружкой шли без отсрочки:
У доньи Лауры две взрослые дочки!..
А дон Паскуалле, воззрясь в небосвод,
О «розах и грезях» поет и поет:

«Гуэррэро! Дреймадера!
Кабалеро! Два сомбреро!
Эспланада! Баррикада!
Серенада! Па-дэ-спань!
Оллэ!»

ЕСЛИ ХОЧЕШЬ

Если хочешь, для Тебя я
Пропую здесь серенаду,
Буду петь, не умолкая,
Хоть четыре ночи кряду?!

Если хочешь, я мгновенно
Сочиню Тебе отменный,
Замечательный сонет?
Хочешь?

— Нет!

КОРОЛЬ БУБЕН

В далеком некоем царстве,
В заморском государстве,
Хоть это выражение
Немного старовато,
Но все же, тем не менее,—
Жил-был Король когда-то!

Как водится, конечно,
Он жил весьма приятно:
Любил народ сердечно
И был любим обратно!
И назывался он —
«Король Бубен!»

Однажды, на балу,
Король, к стыду и сраму,
Заметил вдруг в углу
Неведомую даму.
— О кто Вы, дивный Икс?..
Эй, ты, Валет Червей,
Кто это? — Дама-с Пик-с!
— Позвать ее скорей!...

Покинув бал тайком,
Пылая страстью низкой,
Сидят в саду вдвоем
Король с авантюристкой.

Лаская так и сяк,
Вдруг молвил он расстроясь:
— Позвольте, как же так?
Вы... только лишь ... по пояс?!
И крикнул, полон гнева:
— Вы, значит, полудева?!

На что сия кокотка
Ответствовала кротко
Без слез и не грубя:
— Взгляните на себя!

Взглянул, и был весьма смущен
Безногий тот Король Бубен!..

Вдохнули оба платонично,
И, против ожидания,
Окончилось свиданье
Увы, вполне прилично!

БРОДЯЧИЙ ИШАК

По горам, за шагом шаг,
Неизвестный шел ишак!

Шел он вверх, шел он вниз,
Через весь прошел Тавриз,

И вперед, как идиот,
Все идет он да идет.

И куда же он идет?
И зачем же он идет?

— А тебе какое дело?

СЛУЧАЙ В СЕНТ-ДЖЕМСКОМ СКВЕРЕ

Нет черней физиономий
Ни в Тимбукту, ни в Танжере,
Чем у некоего Томми
И его подруги Мэри.

Этот Томми с этой Мэри,
Вспыхнув в страсти вроде спирта,
Порешили в ближнем сквере
Ночью встретиться для флирта.

Целый день бродя в истоме,
Оба думали о сквере...
Вот и ночь! Но где же Томми?
Вот и ночь! Но где же Мэри?

Неужели разлюбили,
Хоть клялись любить до гроба?
— Нет! Их клятвы в прежней силе.
И они явились оба.

Отчего же не заметно
Их тогда в притихшем сквере?
Оттого, что одноцветны
С черной ночью Том и Мэри!

Так, всю ночь в Сент-Джемском сквере,
Сделав 104 круга,
Черный Томми с черной Мэри
Не могли найти друг друга.

САНТУЦЦА

Придя к Сантуцце, юный Герцог,
По приказанью Дамы сердца,
Был прямо в спальню проведен!
Пусть ваши очи разомкнутся,
Ведь в спальне не было Сантуццы,
И не нарушен был бон-тон!..

Но через миг у двери спальни
Раздался голос, моментально
Приведший Герцога к нулю:
— Ах, милый Герцог, я из ванны
Иду в костюме Монны-Ванны
И отвернуться вас молю!

Во всем покорный этикету,
Исполнил Герцог просьбу эту.
И слушал лишь из уголка
Весьма застенчиво и скромно,
Как шелестели с дрожью томной
Любовь дразнящие шелка.

И, просидев минут 15,
Боясь от страсти разорваться,
Он, наконец, промолвил так:
— Когда же, о мадам Сантуцца,
Мне можно будет повернуться?
И был ответ ему: «Дурак!..»

БИМ-БОМ

Где-то давно в некоем цирке одном
Жили два клоуна Бим и Бом.
Бим-Бом! Бим-Бом!

Как-то, увидев наездницу Кэтти,
В Кэтти влюбились два клоуна эти
Бим-Бом! Бим-Бом!

И очень долго в Петрарковском стиле
Томно бледнели и томно грустили
Бим-Бом! Бим-Бом!

И, наконец, влезши в красные фраки,
К Кэтти явились, мечтая о браке,
Бим-Бом! Бим-Бом!

И, перед Кэтти представши, вначале
Сделали в воздухе сальто-мортале
Бим-Бом! Бим-Бом!

— Вы всех наездниц прекрасней на свете,
Молвили Кэтти два клоуна эти
Бим-Бом! Бим-Бом!

«Верьте, сударыня, в целой конюшне
Всех лошадей мы вам будем послушной»
Бим-Бом! Бим-Бом!

И, в умиление, растрогавшись очень,
Дали друг другу по паре пощечин
Бим-Бом! Бим-Бом!

Кэтти смеялась и долго, и шумно:
— Ola-la! Bravo! Вы так остроумны
Бим-Бом! Бим-Бом!

И удалились домой, как вначале,
Сделавши в воздухе сальто-мортале
Бим-Бом! Бим-Бом!

И поступили, в любовном эксцессе,
С горя в «Бюро похоронных процессий»
Бим-Бом! Бим-Бом!

КУПАЛЬЩИЦА И КИТ

Как-то раз купалась где-то
В море барышня одна:
Мариэта! Мариэта!
Называлась так она.

Ах, не снился и аскету,
И аскету этот вид!
И вот эту Мариэту
Увидал гренландский кит.

И увлекшись Мариэтой,
Как восторженный дурак,
Тут же с барышнею этой
Пожелал вступить он в брак.

Но пока он ту блондинку
Звал в мечтах своей женой,
Та блондинка — прыг в кабинку
И ушла к себе домой.

И разбив мечты свои там,
Горем тягостным убит,
В острой форме менингитом
Заболел гренландский кит.

Три недели непрерывно
Кит не спал, не пил, не ел,
Лишь вздыхал, пускал фонтаны
И худел, худел, худел!..

И вблизи пустой кабинки,
Потерявши аппетит,
Стал, в конце концов, сардинкой
Si devant-гренландский кит!

ЗЮЛЕЙКА

У Зюлейки-ханум
Губы, как рахат-лукум,
Щеки, как персики из Азарбинада,
Глаза, как сливы из шахского сада!
Азербайджанской дороги длинной
Зюлейкины черные косы,
А под рубашкой у ней
Спрятаны два абрикоса!
И вся она, вва!
Как халва!
Честное слово!
Только любит она не меня,
А — другого!

НЕВЕРОЯТНАЯ ИСТОРИЯ

Дребезжит гитара сонно,
Где-то булькает мадера...
Ночь. Луна. В окошке — Донна,
Под окошком — кабальеро!

Ну-с итак, в испанском стиле
Начинаю ригурнель я!..
Место действия — в Севилье,
Время действия — в апреле!

Скоро будет две недели,
Как жене своей на горе,
Дон-Супруг на каравелле
Где-то путается в море.

Услыхав о том открыто,
Дон-Сосед, от страсти ярой
Вмиг лишившись аппетита,
Под окно пришел с гитарой.

Все, что знал, пропел он Донне!
И, уставши, напоследок,
Он запел в мажорном тоне
Приблизительно вот эдак:

— Донна! Донна! В вашей власти
Сердце вашего соседа!
Ах, от страсти, я на части
Разрываюсь, как торпеда!

— Нет! Не ждите поцелуя!!
Отвечала Донна тонно,
— Нет, нет, нет! Не изменю я
Своему супругу дону!

И добавила, вздыхая,
Не без некоторой дрожи:
— К вам не выйду никогда я!
На других я не похожа!

*
* *

Вы не верите? Я — тоже!..

КОРОЛЕВА БЛЕДНА

Королева бледна,
Королева грустна,
Королева от гнева дрожит.

В стороне — одиноч —
Голубой василек —
Юный паж, пригорюнясь, сидит.

Королева — бледна,
Королева грустна,

Королевская грудь,— как морская волна,—
В пене кружев, вздымается, гневом бурля:

Королеве сегодня всю ночь напролет
Снился юноша — паж, голубой Бернадот

И... костыль Короля...

ДОВОЛЬНО!

Я, как муха в сетях паутины,
Бьюсь с жужжаньем в гостиных!.. Довольно!..
Ваши женщины, песни и вина,
Понимаете, безалкогольны!

И дошло до того, что, ей-Богу,
На Таити из первой кофейни
Я уйду, захватив на дорогу
Папирос и два томика Гейне!

Там под первую пальмой, без риска
Получить менингит иль простуду,
Буду пить натуральное виски
И маис там возделывать буду.

И хотя это (вы извините)
С точки зрения вашей нелепо,
Буду ночью лежать на Таити,
Глядя в синее звездное небо!

А когда, кроме звездной той выси,
И Эрот мне окажется нужен,
Заработав кой-что на маисе,
Накуплю там невольниц 5 дюжин!

И, доволен судьбой чрезвычайно,
Буду жить там, пока с воплем странным
Пьяный негр, подвернувшись случайно,
Не разрежет меня под бананом!

РОЗОВЫЙ АЛЬКОВ

К Монне Фиамете
Стукнул на рассвете
Граф Ренэ Камбон.

И, хоть Фиамета
Не была одета.
Все ж был принят он —

В розовом алькове,
Где у изголовья,
Под гирляндой роз
Мраморной Психее
Что-то шепчет млея
Мраморный Эрос!

Ах, мой друг, ответьте:
Что прекрасней в свете
Неодетых дам?
Граф был не дурак же,
Думал точно так же!
И все стихло там...

В розовом алькове.
Где у изголовья,
Под гирляндой роз
Мраморной Психее
Что-то шепчет млея
Мраморный Эрос!

В позе очень стильной
Задремал жантильный
Граф Ренэ Камбон...
Тут я буду точен:
Ровно двух пощечин
Вдруг раздался звон —

В розовом алькове,
Где у изголовья,
Под гирляндой роз
Мраморной Психее
Что-то шепчет млея
Мраморный Эрос!

И, открывши веки,
Граф Ренэ навеки
Удалился вспать...
Посудите сами:
Черт возьми, при даме
Разве можно спать?! —

В розовом алькове,
Где у изголовья,
Под гирляндой роз
Мраморной Психее
Что-то шепчет млея
Мраморный Эрос!

ПЕСЕНКА О ХОРОШЕМ ТОНЕ

С тонной Софи на борту пакетбота
Плыл лейтенант иностранного флота.

Перед Софи он вертелся, как черт,
И, завертевшись, свалился за борт!

В тот же момент к лейтенанту шмыгнула,
Зубы оскалив, большая акула.

Но лейтенант не боялся угроз
И над акулою кортик занес!

Глядя на это, в смятенье большом
Вскрикнула вдруг побледневши Софи:
— Ах, лейтенант! Что вы? Рыбу — ножом!?
— Фи!

И, прошептавши смущенно: «Pardon!»
Мигом акулой проглочен был он!..

МАРИЭТА И МАК

Начинается все это
Приблизительно вот так:
Отпросилась Маризета
В поле рвать душистый мак.

Как ни странно, но, однако,
В поле этом, до-за-до,
Оказалось кроме мака,
Три сержанта из Бордо!..

По характеру был первый
Всех товарищей скромней,
И, щадя девичьи нервы,
Улыбнулся только ей.

Был второй нахал сугубый
Удивительный нахал!
И Марьэту прямо в губы,
В губы он поцеловал!

Ну а третий — Маризете
Всех других милее был!..
— Догадайтесь, как же третий,
Как же третий поступил?

— Ах, сударыня, при даме
Рассказать нельзя никак:
Коль узнать хотите? — Сами
В поле рвать идите мак.

НЕГРИТЕНОК ПОД ПАЛЬМОЙ

О, иностранец в шляпе, взвесь
Мою судьбу! Всю жизнь с пеленок
Сижу под этой пальмой здесь
Я — бедный черный негритенок!

Я так несчастен! Прямо, страх!
Ах, я страдаю невозможно!
О, иностранец в шляпе, ах! —
Я никогда... не ел пирожных!

В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ПРИНЦЕССЫ

В день рождения Принцессы
Сам король Гакон Четвертый
Подарил ей после мессы
Четверть царства и два торта.

Королева мать Эльвира,
Приподняв главу с подушки,
Подарила ей полмира
И горячие пампушки.

Брат Антонио — каноник,
Муж святой, смиренно-кроткий,
Подарил ей новый сонник
И гранатовые четки.

Два пажа, за неимением
Денег, взяли за эфесы
И проткнулись во мгновение
В честь прекрасных глаз Принцессы.

Только паж Гильом — повеса,
Притаившийся под аркой,
В день рождения Принцессы
Оказался без подарка!

Но ему упреки втуне!
Он стоит и в ус не дует,
Подарив ей накануне
Сорок тысяч ... поцелуев!

ЕСЛИ БЫ

Если бы я был слоном из Бомбея,
То, избегая всех драм,
Силы слоновой своей не жалея,
Целую жизнь я на собственной шее
Вас бы носил, о Madame!

Если б я был крокодилом из Нила.
То, подплывя к берегам,
И, отряхнувшись от грязного ила,
К вам я подполз бы... и тихо, и мило
Съел бы я вас, о Madame!

Если б я был быстроногою серной,
То по отвесным камням
(Хоть это было бы может и скверно!)
Все же от вас с быстротою чрезмерной
Я бы удрал, о Madame!

Но, к сожалению (как достоверно
Это известно и вам),
В смысле тех качеств я создан мизерно:
Не крокодил я, не слон и не серна!..
Вот в чем беда, о Madame!

О ДРАКОНЕ, КОТОРЫЙ ГЛОТАЛ ПРЕКРАСНЫХ ДАМ

Как-то раз путем окрестным
Пролетал Дракон... И там,
По причинам неизвестным,
Стал глотать прекрасных дам.

Был ужасный он обжора.
И, глотая, что есть сил,
Безо всякого разбора
В результате проглотил:

Синьориту Фиамету,
Монну-Юлию Падету,

Аббатису Агриппину,
Синьорину Фарнарину,
Монну-Лючию ди Рона,
Пять сестер из Авиньона
И 617 дам
Неизвестных вовсе нам!

Но однажды граф Тедеско,
Забежав Дракону в тыл,
Вынул меч и очень резко
С тем Драконом поступил!..

Разрубив его на части,
Граф присел!.. И в тот же миг
Из драконьей вышли пасти
И к нему на шею прыг:

Синьорита Фиамета,
Монна-Юлия Падета,
Аббатиса Агриппина,
Синьорина Фарнарина,
Монна-Лючия ди Рона,
Пять сестер из Авиньона
И 617 дам
Неизвестных вовсе нам!

Бедный тот Дракон в несчастье,
Оказавшись не у дел,
Подобрав свои все части,
Плюнул вниз и улетел!

И, увы, с тех пор до гроба,
Храбрый граф, пустившись в путь,
Все искал Дракона, чтобы
С извинением вернуть:

Синьориту Фиамету,
Монну-Юлию Падету,
Аббатису Агриппину,
Синьорину Фарнарину,
Монну-Лючию ди Рона,
Пять сестер из Авиньона
И 617 дам
Неизвестных вовсе нам!

БАЛЛАДА О КОНФУЗЛИВОЙ ДАМЕ

Подобно скатившейся с неба звезде,
Прекрасная Дама купалась в пруде...

Заметив у берега смятый корсаж,
Явился к пруду любознательный паж.

Увидя пажа от себя в двух шагах,
Прекрасная Дама воскликнула: «Ах!»

Но паж ничего не ответствовал ей
И стал лицемерно кормить лебедей.

Подобным бестактным поступком пажа
Зарезана Дама была без ножа...

Так в этом пруде, всем повесам в укор,
Прекрасная Дама сидит до сих пор!

КИТАЙЧОНОК ЛИ

Чуть-чуть не с пеленок
Таская кули,
Жил-был китайчонок
По имени Ли.
К научной программе
Никак не влеком,
Ходил он с кулями
Дурак-дураком!

Никакой с ним нету силы,
Как его ни шевели!
Ах и глуп же ты, мой милый,
Китайчонок Ли.

Но, вот, как ни странно,
В вечерний досуг,
К жене Богдыхана
Забрался он вдруг!
В окно к Богдыханше
Залезть не пустяк!
Ах, ну и болван же!
Ах, ну и дурак!

Никакой с ним нету силы,
Как его ни шевели!
Ах, и глуп же ты, мой милый,
Китайчонок Ли!

Ему было худо!
И бросился вспять
Он бомбой оттуда
Часов через 5.

В горячности странной,
Вслед сжавши кулак,
Жена Богдыхана
Промолвила так:

Никакой с ним нету силы,
Как его ни шевели!
Ах, и глуп же ты, мой милый,
Китайчонок Ли!

ЛЮСИ

О, милый друг, хотя ты
Весь мир исколеси,
Все дамы грубоваты
В сравнении с Люси.

Она хрупка, как блюдце!
И, Боже упаси,—
Хоть к платью прикоснуться
Застенчивой Люси!

Все скажут, без изъятья,
Кого лишь не спроси,
Что Жанна Д'Арк в квадрате —
Безгрешная Люси.

И быть бы ей в почете,
Когда бы в Сан-Суси
Не числился в пехоте
Сержантом сын Люси!

ПРЕДАНИЕ О ЧЕРНОМ КАМНЕ

В стране, где измену карает кинжал,
Хранится в народе преданье,
Как где-то давно некий Паж вдруг застал
Принцессу во время купанья!

И вот, побоявшись попасть на глаза
Придворной какой-нибудь даме,
Он прыгнул в отчаянье, словно коза,
За черный обветренный камень.

Но сын Афродиты не мог ничем
Снести положенья такого!
И стал черный камень прозрачным стеклом
Под взором Пажа молодого!

Для вас, о влюбленные, был мой рассказ!
И хоть было очень давно то,
Давайте за это еще лишний раз
Прославим малютку Эрота!

ТРИ НАБОБА

Где-то давно, друг от друга особо,
Жили да были три старых набоба.
Верили твердо они с давних пор,
Что, мол, спина — просто пыльный ковер.

Но как-то раз их раскаянье взяло!
И порешили они, для начала,
Так управлять, чтоб отныне вперед
В масле катался их добрый народ!

С этой целью сошлись на совете
Первый, второй и задумчивый третий...
И, опираясь десницею в лоб,
Молвил задумчиво первый набоб:

— Всею душой устремляясь к народу,
Я упраздняю плохую погоду,
Зонтик огромный воткну в небосвод,
Чтоб не чихал мой любезный народ!

Было торжественно слово второго:
— Я же для блага народа родного
Распоряжусь, Comprenez vous, chaque jour
Делать пейзамам моим маникюр!

И в умилении каждый особо
Слушали третьего оба набоба:
— Я же, для блага отчизны родной,
Просто возьму и — уйду на покой!

МАДАМ ДЕ ШАВИНЬОМ

Сам Папа мне свидетель,
Что на сто верст кругом
Известна добродетель
Мадам де Шавиньом!

Ей не страшно злоречье!
Белей, чем снежный ком,
И реноме и плечи
Мадам де Шавиньом!

И, словно ангелочки,
Вдаль тянутся гуськом
12 юных дочек
Мадам де Шавиньом!

И к этой строгой даме
Явился как-то раз
С фривольными мечтами
Приезжий ловелас!

Но был от пылкой страсти
Он сразу исцелен.
Когда в ответ на «Здрассте»
Она сказала: «Вон»!

Когда ж от нагоняя
Он бросился назад,
Добавила, вздыхая:
— Вон... Свечи ведь горят!

И вмиг погасли свечи!
И на сто верст кругом
Во тьме сверкнули плечи
Мадам де Шавиньом!

БРАТ АНТОНИО

В монастырской тихой келье,
Позабывши о веселье
(Но за это во сто крат
Возвеличен Иисусом),
Над священным папирусом,
Наклонясь, сидел аббат:

Брат Антонио — каноник,
Муж ученый и законник,
Спасший силой Божьих слов
От погибельных привычек
49 еретичек
И 106 еретиков!

Но черны, как в печке вьюшки,
Подмигнув хитро друг дружке

И хихикнув злобно вслух.
Два лукавых дьяволенка
Сымитировали тонко
Пару самых лучших мух!

И под носом у аббата
Между строчками трактата
Сели для греховных дел...
И на этом папирусе
Повели себя во вкусе
Ста Боккаччевых новелл!

И охваченный мечтами
Вспомнил вдруг о некой даме
Размечтавшийся аббат!..
И, без всяких апелляций,
В силу тех ассоциаций,
Был низвергнут прямо в ад:

Брат Антонио — каноник,
Муж ученый и законник,
Спасший силой Божьих слов
От погибельных привычек
49 еретичек
И 106 еретиков.

МЕСЯЦ — ГУЛЯКА НОЧНОЙ

Месяц — гуляка ночной
Вышел гулять в поднебесье...
Тихой ночью порой
С шустрою звездной толпой
Любо ему куралесить...
Месяц — гуляка ночной —
Вышел гулять в поднебесье...

С пачками свечек, сквозь тьму,
Выбежав вмиг для проверки,
Сделали книксен ему
Звездные пансионерки...
Месяц же, ленью томим,
Вместо обычной работы,
Стал вдруг рассказывать им —
Анекдоты!..

Если темной летней ночью
Вы увидите воочью,
Как с полночной выси дальней,

Впавши в обморок повальный,
Тихо падают без счета
Звездочки различные —
Это значит — анекдоты
Были неприличные!..

ТАК ПОЕТСЯ В СТАРОЙ ПЕСНЕ

В старом замке за горою
Одиноким жил Кудесник.
Был «на ты» он с Сатаной.
— Так поется в старой песне.

Был особой он закваски:
Не любил он вкуса пудры
И не верил женской ласке,
Потому что был он мудрый!

Но без женской ласки, право,
Жизнь немного — хромонога!
Деньги, почести и слава
Без любви?.. Да ну их к Богу!

И сидел он вечер каждый,
О взаимности тоскуя.
И задумал он однажды
Сделать женщину такую,

Чтоб она была душевно
Наподобие кристалла,
Не бранилась ежедневно
И не лгала! И не лгала!

И, склонясь к своим ретортам,
Сделал женщину Кудесник,
Ибо он «на ты» был с чертом!
— Так поется в старой песне!

И чиста и непорочна,
Из реторты в результате
Вышла женщина!.. Ну точно
Лотос Ганга в женском платье.

И была она покорна,
Как прирученная лайка,
Как особенный, отборный
Черный негр из Танганайка!

И как будто по заказу,
Все желанья исполняла!..
И не вскрикнула ни разу,
И ни разу не солгала...

Ровно через две недели
Вышел из дому кудесник
И... повесился на ели!
— Так поется в старой песне!

ПАЖ ЛЕАМ

У короля был паж Леам —
Проныра — хоть куда!
146 прекрасных дам
Ему сказали: «Да!»

И в Сыропуст, и в Мясопуст
Его манили в тон:
146 прекрасных уст
В 146 сторон!

Не мог ни спать, ни пить, ни есть
Он в силу тех причин,
Ведь было дам 146,
А он-то был — один!

Так от зари и до зари
Свершал он свой вояж!
Недаром он, черт побери,
Средневековый паж!

Но как-то раз, в ночную тьму,
Темнее всех ночей,
Явились, экстренно, к нему
146 мужей!

И, распахнув плащи, все враз
Сказали: «Вот тебе,
О, паж Леам, прими от нас
146 бэбэ!»

— Позвольте,— молвил бледный паж,
Попятившись назад...
— Я очень тронут!.. Но куда ж
Мне этот «детский сад?»

Вот грудь моя! Рубите в фарш!
Но, шаркнув у дверей,
Ушли, насвистывая марш,
146 мужей!

ЭКЗОТИЧЕСКИЕ ТРИОЛЕТЫ

Жил-был зеленый крокодил
Аршина, эдак, на четыре...
Он был в расцвете юных сил!
И по характеру он был.
Пожалуй, самым милым в мире —
Зеленый этот крокодил
Аршина, эдак, на четыре!

Вблизи же, как бутон, цвела
Слониха так пудов на двести!..
И грациозна, и мила,
Она — девицею была...
И, безо всякой лишней лести,
Как роза майская цвела,
Слониха та пудов на двести!

Слониха та и крокодил
Дошли в любви вплоть до чахотки!
Слонихин папа строгий был
И брака их не разрешил!
Слова финальные коротки:
Слониха та и крокодил
Скончались оба от чахотки!

ГОСПОЖА ЧИО-САН ИЗ КИОТТО

О, Ниппон! О Ниппон!
О, фарфоровый звон
Из-за дымки морского тумана!

О, Ниппон! О Ниппон!
Шелком тканый Ниппон!
Золотистый цветок океана!

Ах, весной весь Ниппон
Поголовно влюблен,
И весной, сердцем к сердцу приникши,

Разбредьясь по углам,
Все целуются там
От Микадо — до голого рикши!

Даже бонза седой
За молитвой святой
Всем богам улыбается что-то...

Лишь одна, лишь одна,
Как фонтан холодна,
Госпожа Чио-Сан из Киотто!

И шептали, лукаво смеясь, облака:
— Чио-Сан! Чио-Сан! Полюби хоть слегка!
И шептали, качаясь на стеблях цветы:
— Чио-Сан! Чио-Сан! С кем целуешься ты?

И шептал ей смеющийся ветер морской:
— Чио-Сан! Чио-Сан! Где возлюбленный твой?
И шептало ей юное сердце:
— Ах, как хочется мне завертеться!

И откликнулась Чио на зов майских дней.
И однажды на пристани вдруг перед ней —
Облака, и цветы, и дома, и луна
Закружились в безудержном танце!..

Полюбила она, полюбила она —
Одного моряка иностранца!
Он рассеянным взором по Чио скользнул,
Подошел, наклонился к ней низко,
Мимоходом обнял, улыбнулся, кивнул,
И — уехал домой в Сан-Франциско.

И осталась одна
Чио-Сан у окна!
А моряк где-то рыщет по свету!..
И весна за весной
Проходили чредой,
А любимого нету и нету!

И шептались, лукаво смеясь облака:
— Чио-Сан! Чио-Сан! Не вернешь моряка!
И шептали, качаясь на стеблях цветы:
— Чио-Сан! Чио-Сан, с кем целуешься ты?

И шептал ей смеющийся ветер морской:
— Чио-Сан! Чио-Сан! Обманул милый твой?
И шептало ей юное сердце:
— Ах, как хочется мне завертеться!

Но сказала, в ответ,
Чио-Сан: «Нет! Нет! Нет!
Не нарушу я данного слова!»

И ночью порой
С неотертой слезой
Чио-Сан... полюбила другого!

ПЛЕЧИ МАДЛЕН

Взвивайтесь Былого ракеты
Про бал в «Казино — Табарен»,
Про легкую пену Моэта,
Про звездные плечи Мадлен!

Когда в перевернутом зале,
Среди мимолетных измен,
Бесстрастные люстры сверкали,
Как звездные плечи Мадлен!..

И вот прошуршало все это
И скрылось... Как бархатный трэн,
Как легкая пена Моэта,
Как звездные плечи Мадлен!

МИСС ЭВЕЛИН

Есть старая, старая песня,
Довольно печальный рассказ,
Как — всех англичанок прелестней —
Гуляла в саду как-то раз:

Мисс Эвелин с папой и мамой,
С прислугой, обвешанной четками,
С неведомой старою дамой,
С щенком и двенадцатью тетками!

Но, кроме прелестной той миссис,
Лорд Честер в саду этом был...
Любовный почувствовав кризис,
Лорд Честер навек полюбил: —

Мисс Эвелин с папой и мамой,
С прислугой, обвешанной четками,
С неведомой старою дамой,
С щенком и двенадцатью тетками!

Став сразу румяным от счастья
И вскрикнув на целый квартал,
В порыве бушующей страсти
Он к сердцу навеки прижал:

Мисс Эвелин с папой и мамой,
С прислугой, обвешанной четками,
С неведомой старою дамой,
С щенком и двенадцатью тетками!

Хоть в страсти пылал он, как Этна,
Но все же однажды в тоске
(Хоть это весьма некорректно)
Повесил на толстом суке:

Мисс Эвелин с папой и мамой,
С прислугой, обвешанной четками,
С неведомой старою дамой,
С щенком и двенадцатью тетками!

БЕЛЫЙ ВАЛЬС

О звени, старый вальс, о звени же, звени
Про галантно-жеманные сцены,
Про былые, давно отзвеневшие дни,
Про былую любовь и измены!

С потемневших курантов упал тихий звон,
Ночь, колдуя, рассыпала чары..
И скользит в белом вальсе у белых колонн
Одинокая белая пара...

— О, вальс, звени —
Про былые дни!

И бесшумно они по паркету скользят..
Но взгляните в лицо кавалера:
Как-то странны его и лицо, и наряд,
И лицо, и наряд, и манеры!..

Но взгляните в нее: очень странна она..
Неподвижно упали ресницы,
Взор застыл... И она — слишком, слишком бледна,
Словно вышла на вальс из гробницы!..

— О, вальс, звени —
Про былые дни!

И белеют они в странном вальсе своем
Меж колонн в белом призрачном зале...
И, услышавши крик петуха за окном,
Вдруг растаяли в тихой печали...

О, звени старый вальс, сквозь назойливый гам
Наших дней обезличенно-серых:
О надменных плечах белых пудренных дам,
О зятянутых в шелк кавалерах!..

— О, вальс, звени —
Про былые дни!

НИКОЛЕТТА

Как-то раз, порой вечерней,
В покосившейся таверне
У красотки — Николетты
(Чьи глаза, как два стилета)
Нас собралось ровно 7
(Пить хотелось очень всем!).

За бутылкою Киянти
Толковали мы о Канте,
Об его «императиве»,
О Бразилии, о Хиве,
О сидящих vis-a-vis,
И, конечно, о любви!

Долго это продолжалось...
В результате ж оказалось,
Что красотка Николетта
(Чьи глаза, как два стилета!)
В развращенности своей
Делит страсть на 7 частей!!!

— Нет! — воскликнули мы хором:
— Не помиримся с позором!
Так мы этого не бросим:
Подзовем ее и спросим!
Пусть сгорает со стыда!
(Рассердились мы тогда!)

— Почему, о Николетта
(Чьи глаза, как два стилета),
Вы связали Ваше имя
Сразу с нами семерыми!..

Но ответ был дня ясней:
— Ах, в неделе ведь 7 дней...

Больше мы ее не спросим:
— Слава Богу, что не 8.

ПЯТЬ МИНУТ

Бьет полдень! И чеканным шагом
Наряд дворцовых егерей,
Склонившись к золоченым шпагам,
У королевских встал дверей.

В заботах вечных о народе,
Любовью к подданным согрет,
Его Величество проходит
На пять минут в свой кабинет.

— Parbleu! — Как вы неосторожны!
Эй, тише там! Эй, чернь, молчать!
Тсс! Тише! Тише! Разве можно
Его Величеству мешать?!

Настала ночь! Потухли свечи!
Оделся тьмой дворцовый сад!
Лишь под боскетом чьи-то плечи
Зигзагом молнии блестят!

Забыв на время о народе,
И чуть нарушив этикет,
Его Величество снисходит
На пять минут к мадам Жоржет.

— Parbleu! — Как вы неосторожны!
Эй, тише там! Эй, чернь, молчать!
Тсс! Тише! Тише! Разве можно
Его Величеству мешать?!

Блеснуло утро! И, как птица,
Сквозь гордый строй рапир и шпаг,
Над побледневшею столицей
Взметнулся гневно красный флаг!

И снова вспомнил о народе,
Увидев в первый раз народ,
Его Величество восходит
На пять минут на эшафот!..

— Parbleu! — Как вы неосторожны!
Эй, тише там! Эй, чернь, молчать!
Тсс! Тише! Тише! Разве можно
Его Величеству мешать?!

НИАМ-НИАМ

С рожденья (кстати ль иль некстати ль)
Всю жизнь свою отдав мечтам,
Жил-был коричневый мечтатель
Из племени «Ниам-Ниам».

Простого сердца обладатель,
О мыле тихо по ночам
Мечтал коричневый мечтатель
Из племени «Ниам-Ниам».

И внял его мольбе Создатель:
Приплыло мыло к берегам!
И ... скушал мыло тот мечтатель
Из племени «Ниам-Ниам»...

ВОТ И ВСЕ!

В саду у дяди Кардинала,
Пленяя грацией манер,
Маркиза юная играла
В серсо с виконтом Сен-Альмер.

Когда ж, на солнце негодуя,
Темнеть стал звездный горизонт,
Тогда с ней там в игру другую
Сыграл блистательный виконт!..

И были сладки их объятья,
Пока маркизу не застал
За этим сладостным занятъем
Почтенный дядя — Кардинал!

В ее глазах потухли блестки
И, поглядевши на серсо,
Она поправила прическу
И прошептала: «Вот и все!»

Приложения

Перечень книжек для детей, изданных Н. Агнивцевым

- Баллада о примусе.** М., Центр. бюро по распротр. драматич. прод., 1935.
В защиту трубочиста. Сказка. М., «Молодая гвардия», 1926.
Винтик-шпунтик. Л., «Радуга», 1925.
Война игрушек. Рязань, «Друзья детей», 1925.
Знакомые незнакомцы. Л.—М., «Радуга», 1925.
Как примус захотел Фордом сделаться (Машинная сказочка). Изд. 2, Л., «Радуга», 1927.
Кирпичики мои. Л.-М., «Радуга», 1926.
Кирпичики мои. Изд. 2, Л., «Радуга», 1927.
Кит и снежок. Л., «Радуга», 1927.
Китайская болтушка. Рязань, «Друзья детей», 1925.
Маленький черный Мурзук. М., «Молодая гвардия», 1926.
Мыши из цирка. Л., «Радуга», 1930.
О бедном щегленке. М.-Л., «Радуга», 1927.
О бедном щегленке. Л., «Радуга», 1930.
Октябренок-постреленок. Стишки: М., «Октябренок», 1925.
О шестерых вот этаких. Л., «Книга», 1926.
Разноцветные ребята. Л., «Радуга», 1928.
Ребячий город. Л., «Радуга», 1928.
Рикша из Шанхая. М., «Молодая гвардия», 1927.
Сказка с цветами. Л., «Радуга», 1929.
Сказка с цветами. Л., «Радуга», 1930.
Солнце и свечка. М.-Л., «Радуга», 1926.
Спор между домами. Рязань, «Друзья детей», 1925.
Шарманочка. Стихи. Л., «Радуга», 1926.
Шарманочка. Л., «Радуга», 1929.

*Перечень произведений Н. Я. Агнивцева,
исполнявшихся в театрах миниатюр
(собрано Е. Куферштейном)**

Старая сказка (1918).
Оживленная баллада — интермедия (1922), эпизод в одном действии (1914).
В тихом лунном свете — интермедия.
Белой ночью — эстрадный скетч.
Ночь на Могаби — эстрадная пьеса.
Пляска ведьм — эстрадная пьеса.
Бродячий ишак — эстрадная пьеса.
Женщина в аду — оперетта.
Отчего шах смотрел в окно — эстрадная пьеса.
Средство от девичьей тоски — интермедия, впоследствии — оперетта-буффонада.
Три богатыря (1914).
Рубль и валюта.
Парижские прачки.
На Петербургской стороне.
Бой быков.
Китайская болтушка.
Оранг-утанг в Евр-Аз-Афр-Аме — международное обозрение.
Неугомонный моссельпромщик — международное обозрение.
Уловки любви.
Персидский ковер.
Веселая смерть — эстрадная пьеса.
Полька с двумя кавалерами.
Дон-Паскуалле.
Мария-Шарлотта Кордэ.
Игрушечные солдатики.
Веселая война.
Множество лирических монологов, цикл театральных пародий (1923).
Инсценировки стихотворений поэта и мн. др., эстрадные номера («Песни шута»,
Трамвай «А», «И тут и там» и др.).
Молчаливый танец.
Привидение.

*Перечень произведений Н. Я. Агнивцева, положенных на музыку
и хранящихся в РНБ Санкт-Петербурга***

Анцев М. В. Набат (Долы и села от края...)
Архангельский А. О господине в ботах. Песенка.
Бернарди В. М. Жираф и гиппопотам (Однажды в Африке).

* Источники частично взяты из театральных программ начала 20-х годов.

** В архиве Е. Куферштейна есть еще песенка «Американская любовь» («Мистер Томас Аткинсон...»), положенная на музыку В. Висмонтом.

Варламов А. В. Бабушка и внучка. («Слушай, внучка, что же это?»).
Варламов А. В. Жил-был часовщик старый Хаим («Тишки-так»).
Варламов А. В. Марь Семенна («У нее на печке кошка...»)
Варламов А. В. Подшефная Таня («Таня в нашем общежитии»).
Варламов А. В. Петька днем торгует.
Грин Юрий. На кобыле сивой («Машенька, Дашенька и др.»). Песенка.
Дунаевский И. О. Триолеты с бензином («Сказал мне примус...»)
Кузьмин В. А. Бильбоке.
Левкоев С. Синие глазки («У технолога Рузанова...»)
Левкоев С. Завет («Будь высоким...»)
Оленин Даниил. Рассеянный король («Затянут шелком тронный зал...»)
Половинкин Л. А. Нико («В Поти, в Грузии далекой...»)
Привалов Н. И. Казачья песня («Из-под кочек, из-под пней»)
Прокофьев С. С. Кудесник («В старом замке...»)
Фролов М. О. Хочешь?.. Нет!.. («Если хочешь, для тебя»). Шутка.
Чернявский А. А. Казачья песня («Гей! Гей, казаки, на коней!..»)
Чернявский А. А. Песня бельгийского барабанщика («Я беру барабан и под градом свинца...»)
Эккерт Ф. Ф. Баллада о застенчивом герцоге и не менее застенчивой Сантуцце («Придя к Сантуцце...»)
Эккерт Ф. Ф. Король Бубен («В далеком неком...»)
Эккерт Ф. Ф. Крокодил и негритянка («Удивительно мил...»)
Эккерт Ф. Ф. Слон и муха («Однажды некий толстый слон...»)
Эккерт Ф. Ф. Японская ваза («Ах, как скучно...»)

В середине 90-х годов композитором А. Г. Заливаловым написаны 5 романсов на следующие тексты Н. Агнивцева: «Белой ночью», «Голубая дама», «Вы помните былые дни...», «Принцесса Моль», «Скажите мне».

*Перечень сочинений И. О. Дунаевского
 на тексты Н. Я. Агнивцева **

1920. 27.XI.

Музыка к пьесе **«Веселая смерть»**. Харьков. «Тревсат». Музыкальные номера: танец любви, танец смерти.

1921 (1922?).

«Случай на Литейном». Эстрадная песня для голоса и ф-но.

1922. 17.XI.

Персидская песенка **«Почему»**. Эстрадный романс для голоса с ф-но. Музыка посвящена В. Хенкину. Харьков.

1922. 13.IX.

Музыка к эстраднему скетчу **«Белой ночью»**. Харьков. Музыкальный номер, гавот.

* К этому списку Е. Куферштейн добавил «Дымок от папиросы».

1922.

Музыка к интермедии **«Оживленная баллада»** для голоса с ф-но. Харьков. Интимный театр «Табакерочка». Премьера: октябрь 1922. Музыкальные номера: 1. Баллада. 2. Песня трубадура.

1922.

Музыка к эстрадной пьесе **«Ночь на Могаби»**.

1922.

Музыка к эстрадной пьесе **«Пляска ведьм»**.

1922.

Музыка к эстрадной пьесе **«Бродячий ишак»**.

1922. 21.XI.

«В тихом лунном свете». Эстрадная одноактная пьеса-интермедия Интимного театра «Табакерочка». Харьков, 1922.

1923.

«Песни шута». Эстрадный номер.

1924.

«Женщина в аду». Оперетта в одном действии. Харьков. «Новый театр» миниатюр. Премьера 5 апреля 1924 г.

1924.

Музыка к международному обзору **«Неугомонный моссельпромщик»** в 3-х действиях, 5-ти картинах. «Вольный театр» (сад «Эрмитаж»), Москва. Премьера 22 мая 1924.

Музыкальные номера: 1. Вступление. 2. Взрыв. 4. Финал 1-й картины. 6. Частушки. 7. Куплеты. 7-а. Куплеты. 8. Куплеты Петьки. 11. МГСПС

2-й акт

1. Хор машин. 2. Машина времени. 3. Зажигалка. 4. Песенка личсекретарши. 5. Танец радости. 6. Машина радости. 7. Любовь в 5000 вольт. 8. Поэзия и проза. 9. Ах, личсекретарша! 10. Марсианские обольстители. 11. До свидания, демсознание (финал 2-го акта)

3-й акт

1. «Все в мире относительно»

1924.

«Оранг-утанг в Евр-Аз-Афр-Аме». Международное обозрение в 7-ми картинах с 2-мя прологами и 2-мя эпизодами. «Вольный театр» (сад «Эрмитаж»), Москва.

1924.

«Отчего шах смотрел в окно». Эстрадная пьеса. Театр на площади. Москва.

1925.

Трамвай «А». Музыка к эстраднему номеру для голоса и ф-но.

1925.

«И тут, и там». Эстрадный номер.

1926.

«Перс на крыше». Эстрадный романс для голоса и ф-но.

1927.

«Собачий вальс». Юмореска (Мелодекламация).

Знакомясь с поэзией Н. Агнивцева, следует иметь в виду, что некоторые его стихи в различных изданиях озаглавлены по-разному. Так, «Рассеянный король» из сборника «Мои песенки» в других изданиях назван по тексту первой строки «Затянут шелком тронный зал...», прекрасная «Песенка о хорошем тоне» из того же сборника в книжке «Гранитный барин» озаглавлена «Фи!». И такие примеры можно продолжить.

С другой стороны, встречаются стихотворения под одинаковым названием, но разные по содержанию. Таковы, например, три «Казачьи песни», одна из которых начинается строкой «Из-под кочек, из-под пней!..», другая—«Гей, казаки, на коней!», а третья—«Марш звучал кавалерийский!..».

Написанное в конце 20-х годов сатирическое стихотворение «Трень-брень», высмеивающее оборотня-«общественника» первых лет советской власти, ничем, кроме одинакового названия, не напоминает легкое «Трень-брень» из «Моих песенок»...

Использованная литература

- Агнивцев Н. Я. Студенческие песни. Сатира и юмор. СПб., «Новое изд.» Изд. I. 1913.
Агнивцев Н. Я. Студенческие песни. Изд. II, СПб., «Подсолнечник», 1913.
Агнивцев Н. Я. Под звон мечей. Пг., 1915.
Агнивцев Н. Я. Санкт-Петербург. Тифлис, Тип. т-ра «Кривой Джимми», 1921.
Агнивцев Н. Я. Мои песенки. Берлин, «Литература», 1921.
Агнивцев Н. Я. Блистательный Санкт-Петербург. Сан-Франциско, 1962.
Агнивцев Н. Я. Блистательный Санкт-Петербург. М., «Книга», 1989.
Агнивцев Н. Я. Гранитный барин. М., Б-ка «Крокодила», 1990. № 1.
Алексеев А. Г. Серьезное и смешное. М., «Искусство», 1967, с. 161—162.
Алексеев А. Д. Литература русского зарубежья. Книги 1917—1940. Материалы к библиографии. СПб., «Наука», 1993.
Алянский Ю. Л. Веселящийся Петербург. В 2-х минитомах. СПб., «Прана», т. 2. с. 107, 108, 110, 112, 115, 1993.
Арго А. М. Своими глазами. М., «Сов. писатель», 1965.
Бабенко В. Г. Артист А. Вертинский. Материалы к биографии. Свердловск, 1989, с. 125.
Бейлин А. М. На старых афишах. [Сб]: Мастера эстрады. М.—Л., «Искусство», 1964, с. 7, 48—50.
Библиография русской зарубежной литературы 1918—1962 г. Сост. Фостер Л. А. Бостон, 1970, т. 1, с. 102.
Богомолов Н. А. Материалы к библиографии русских литературных альманахов и сборников (1900—1937), т. 1, М., «Лантерна Вита», 1994, с. 175.
Борисов Л. И. Жестокий воспитатель. Избр. произведения в 2-х т. Л., «Худ. литература», 1968, т. 1, с. 175—177.
Борисов Л. И. За круглым столом прошлого. Л., Лениздат, 1971, с. 147—153.
Брик О. М. Эстрада перед столиками. Л.—М., Киноизд-во РСФСР Кинопечать, 1927.
Вертинский А. Н. Четверть века без родины.—Москва, 1962, № 3, с. 212—213.
Голубовский Б. Кабаре и театры миниатюр России.—Витрина, 1996, № 9, с. 29.

- Долинский М. З. Связь времен. М., «Искусство», 1976, с. 58, 70—71, 77.
- Дунаевский И. О. Сборник (Выступления, статьи, письма, воспоминания.) М., «Сов. композитор», 1961, с. 232, 237.
- Дунаевский И. О. Ното-библиографический справочник. Сост. Д. М. Персон. М., «Сов. композитор», 1971.
- Евстигнеева Л. А. Журнал «Сатирикон» и поэты сатириконцы. М., «Наука», 1968, с. 107, 159, 244, 251, 404.
- Евстигнеева Л. А. Русская сатирическая литература начала XX века. М., «Наука», 1977, с. 201, 202, 207, 254—259, 274.
- Еремеева Т. А. В мире театра. М., «Искусство», 1984, с. 29—37.
- Жаров М. И. Жизнь, театр, кино. М., ВТО, 1967, с. 146.
- Забозлаева Т. На несгораемом костре немыслимой любви. (Буклет). РИЦ «Культинформ-пресс», 1990 г.
- Ильинский И. В. Сам о себе. М., ВТО, 1961—1962, с. 42.
- Каплер А. Я. Долги наши. М., «Сов. Россия», 1973, с. 328—329.
- Каплер А. Я. Загадка королевы экрана. М., «Сов. Россия», 1979, с. 68—70.
- Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана. Аннотированный каталог. Публикации. Сост. М. С. Лесман и др. Изд. ВОК, 1989, с. 23, 29—36, 317.
- Краснянский Э. М. Встречи в пути. М., «Искусство», 1967, с. 85—90, 113, 216.
- Крыжицкий Г. К. К. А. Марджанов и русский театр. М., ВТО, 1938, с. 106, 140.
- Кузнецов Е. Из прошлого русской эстрады. М., «Искусство», 1958, с. 270.
- Кушлина О. Б. Поэт и больше ничего.— Памир, Тадж., 1983, № 12, с. 67.
- Ландау С. Г. Александра Перегонец. Судьба актрисы. М., «Искусство», 1990, с. 42, 44, 48, 52, 56, 60, 273.
- Ландау С. Г. Александра Перегонец. Судьба актрисы.— Театр, 1986, № 5, с. 154—166.
- Лилин В. А. Куприн. Л., «Просвещение», 1975, с. 78—90.
- Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918—1940). В 3-х т. М., ИНИОН, 1994.
- ЛГАЛИ, ф. 118, оп. I, дело 2888, с. 26—27.
- ЛГАЛИ, ф. 118, оп. I, дело 2889, с. 21, 56—58.
- Марков В. Ф. 100 русских поэтов. Антология. СПб., «Алетейя», 1997, с. 9—10.
- Марченко Т. В начале было слово.— Театр. 1991, № 9, с. 49—55.
- Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов рус. писателей, ученых и общественных деятелей. В 4-х т. М., Изд. Всесоюзной кн. палаты, 1960.
- Мелочи жизни. Русская сатира и юмор второй половины XIX — начала XX в. Сост. Ф. Д. Кривин. М., «Худ. литература», 1988, с. 315.
- Мифологический словарь. М., БРЭ, 1992.
- Музыкальная энциклопедия. М., СЭ, 1966.
- Наркевич А. Ю. Н. Я. Агнивцев. КЛЭ, 1962, с. 77.
- Память «Кривого Джимми» (Подписана Г. Г.) — Новый зритель, 1924, № 21, с. 13.
- Петербург в русской поэзии XVIII — начало XX в. Поэтическая антология. Изд. ЛГУ, 1988, с. 366.
- Петровская И. Ф., Сомина В. В. Театральный Петербург. Обзорение-путеводитель. СПб. РИИИ, 1994, с. 169, 339.
- Писатели современной эпохи. Библиографический словарь русских писателей XX в. Под ред. Б. П. Козьмина. 2-е изд. Изд-во сов.-фр. совм. предприятия «ДЭМ», 1992. Репринтное изд. 1928 г.
- Поляновский М. Служанка Аэлиты.— Коммунист, 1964, 30 мая.
- Поэты «Сатирикона». [Сб.]. Сост. Л. А. Евстигнеева. М.—Л., «Сов. писатель», 1966, с. 9, 271—272.
- Программа театральных спектаклей и концертов.— Эрмитаж, 1922, № 1, с. 3.

- РГАЛИ ф. 656, оп. I, ед. хр. 3304.
- РГАЛИ ф. 1980, оп. I, ед. хр. 94.
- РГАЛИ ф. 1976, оп. I, ед. хр. 1, 39, 63, 140.
- РГАЛИ ф. 2017, оп. I, ед. хр. 59.
- РГАЛИ ф. 2062, оп. I, ед. хр. 602.
- РГАЛИ ф. 2481, оп. I, ед. хр. 78.
- РГАЛИ ф. 2767, оп. I, ед. хр. 765.
- РГАЛИ ф. 2678, оп. I, ед. хр. 45.
- РГАЛИ ф. 2861, оп. I, ед. хр. 223.
- Рогожин Н. П. Литературно-художественные альманахи и сборники. Библиогр. указатель. М., Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1958.
- Розанов И. Н. Библиотека русской поэзии. Библиографическое описание. М., «Книга», 1975, с. 249, 250, 254.
- Ростовцев М. А. Страницы жизни. Л., Гос. орд. Ленина ак. малый оп. т-тр, 1939, с. 55—56, 106.
- Русская поэзия «серебряного века», 1890—1917. Антология. [Сост. И. Багдасарян и др.]. М.: «Наука», 1993, с. 670.
- Русская стихотворная сатира 1908—1917-х годов. Сборник. [Сост. И. С. Эвентов]. Л., «Сов. писатель», Лен. отд., 1974, с. 24, 29, 54, 60—63, 335—336, 480—482, 599, 600, 601, 648, 666, 686, 693, 713, 716, 725, 729.
- Русская эпиграмма: (XVIII — нач. XX в.) Сборник. [Сост. М. И. Гиллельсон, К. А. Каушман]. Л.: «Сов. писатель». Лен. отд. 1988, с. 519, 672.
- Русский советский театр 1921—1926. Документы и материалы. Л., «Искусство», 1975, с. 353.
- Русские писатели 1800—1917. Биографический словарь. М., БРЭ, Фианит, 1989, т. 1, с. 23.
- Русское зарубежье 1917—1991: Каталог. [Сост. и авт. предисл. канд. филол. н. Г. А. Толстых]. М., Б. И., 1992.
- Савченко Б. А. А. Вергинский. М., «Знание», 1989.
- Сараева-Бондарь А. М. Дунаевский в Ленинграде. Лениздат, 1985, с. 67—68.
- Сводный каталог русских зарубежных периодических и продолжающихся изданий в библиотеках Санкт-Петербурга (1917—1992 гг.) РНБ. [Сост. Э. Е. Алексеева и др.] СПб.: Изд-во РНБ, 1993, № 556.
- Советский энциклопедический словарь. М., СЭ, 1983.
- Станиславский К. С. Собр. соч. в 8-ми т. М., «Искусство», 1954, т. 1, с. 364.
- Сыркина Ф. Я. Константин Степанович Елисеев. М., «Сов. худ.», 1960, с. 1.
- Тарасенков А. К. Русские поэты XX в. 1900—1955. Библиография. М., «Сов. писатель», 1966, с. 8—9.
- Тихвинская Л. И. Кабаре и театры миниатюр в России 1908—1917. М., «РИК», «Культура», 1995.
- Уварова Е. Д. Эстрадный театр: миниатюры, обозрения, мюзик-холлы (1917—1945). М., «Искусство», 1983, с. 67, 69, 72, 80—87, 90—91.
- Фаина Л. «Кривой Джимми». «Смешанное общество». — Зрелища, 1924, № 82, с. 7.
- Ходотов Н. Н. Близкое-далекое. Л., «Искусство», 1962, изд. 2-е, с. 259, 267, 309, 310.
- Холщевникова Е. В. Вспоминает о минувшем странный город Петербург. «Лен. правда», 1991, 20.07, с. 4.
- Эренбург И. Г. Люди, годы, жизнь. Кн. вторая. М., «Сов. писатель», 1961, с. 453—457, 459, 512.

Именной указатель

- АГАТОВ Владимир Исидорович
(1901—1966). Литератор.
- АГНИВЦЕВ Георгий Николаевич
(1906—1983). Двоюродный брат поэта.
- АГНИВЦЕВ Юрий Георгиевич
(р. 1937 г.). В Ленинграде с 1939 г. Инженер, к. т. н. Двоюродный племянник Н. Я. Агнивцева.
- АЛЕКСЕЕВ Алексей Григорьевич
(1887—1985). Режиссер, актер, драматург, конференсье.
- АЛАНСКИЙ Юрий Лазаревич
(р. 1921 г.). Рус. совет. писатель, автор многих книг о Ленинграде и об искусстве Ленинграда.
- АНТИМОНОВ Сергей Иванович
(1880—1954). Актер, драматург, журналист.
- АНЦЕВ Михаил Васильевич
(1865—1945). Рус. сов. композитор и педагог. После Окт. рев. был одним из первых композ., обратившихся в своем творчестве к революц. темам.
- БАБЕНКО Владимир Гаврилович
(р. 1946 г.). Д-р филологич. наук, проф. театровед.
- БАКСТ (наст. фам. Розенберг) Лев Самойлович
(1866—1924). Рус. живописец, график, театр. художник. Член «Мира искусства».
- БАЛИЕВ Никита Федорович
(1886—1934). Актер, режиссер, конференсье. Организовал в Москве т-р миниатюр «Летучая мышь».
- БЕЛЯЕВ Юрий Дмитриевич
(1876—1917). Драматург, театр. критик, прозаик, журналист.
- БЕССОНОВ Борис Лаврентьевич
(р. 1931 г.). Филолог. Сотрудник Ин-та русской лит-ры (Пушкинский Дом) Российской АН. Директор негос. биограф. ин-та «Студия биографика».
- БОРИСОВ Леонид Ильич
(1897—1973). Русский, сов. писатель Родился в Петербурге. Петербург, Петроград, Ленинград — место действия большинства его произведений.
- БРИК Осип Максимович
(1888—1945). Литературовед.
- ВАРЛАМОВ Александр Владимирович
(1904—1990). Сов. композитор и дирижер. З. д. иск. РСФСР (1979). Один из первых профессиональных сов. композ., работавших в обл. джаза. Автор свыше 350 пьес для эстрадного оркестра и свыше 40 песен, музыки к спектаклям, кино- и мультфильмам.
- ВЕРТИНСКИЙ Александр Николаевич
(1889—1957). Артист эстрады, поэт, композитор.
- ВОЛЬСКИЙ Иван Александрович
(1889—1961). Русский актер, мастер острохарактерных ролей. Талантливый режиссер, мастер импровизации. Руководитель пародийного хора, созданного еще до революции в «Вольном театре» в Петрограде, а позднее — в театре миниатюр «Кривой Джимми».
- ГАЛЬПЕРИН Михаил Петрович
(1882—1944). Поэт, либреттист, лит. критик, переводчик.

- ГОЛЕЙЗОВСКИЙ Касьян Ярославич
(1892—1970). Рус. сов. арт. балета, балетмейстер, педагог. З. а. БССР (1940),
З. д. и. Литовской ССР (1945).
- ГУТМАН Давид Григорьевич
(1884—1946). Советский режиссер и драматург. Творчество характеризуется
злободневностью, остротой формы. Часто обращался к гротеску, применял
разнообразные сценические трюки.
- ДАВЫДОВ Владимир Николаевич (наст. имя и фам. Иван Николаевич Горелов)
(1849—1925). Рус. актер. Н. а. республики (1922). Выдающийся театральный
педагог.
- ДЕМИДОВА Алла Сергеевна.
Киноактриса, нар. арт. России.
- ДОБКЕВИЧ Анатолий Иванович
(1890—1942). Рус. актер. З. а. РСФСР А. Ф. Казнен фашистами в Симферо-
поле.
- ДУНАЕВСКИЙ Исаак Осипович
(1900—1955). Сов. композитор. Н. а. РСФСР (1950). Лауреат Гос. премий
(1941, 1951).
- ЕВРЕИНОВ Николай Николаевич
(1879—1953). Рус. драматург, режиссер, теоретик и историк театра. В нач.
20-х гг. эмигрировал во Францию. Написал книги «Театр в России до 1946
года» и «История русского театра».
- ЕМЕЛЬЯНОВ Алексей Викторович
(р. в 1953 г. в Ленинграде). Актер и режиссер. Автор поэтич. либретто для
муз. спект. Художник. Член Всемирного клуба петербуржцев.
- ЗАЛИВАЛОВ Алексей Георгиевич
(р. 1957 г.). Композитор. Рук. муз. студии «Симфония фильм». Автор музыки
к 6-ти кинофильмам («Фонтан», «Бакенбарды», «Окно в Париж» и др.), а
также автор 5-ти романсов на тексты Н. Агнивцева.
- КАБАЛЕВСКИЙ Дмитрий Борисович
(1904—1987). Сов. комп. Н. а. СССР (1963). Герой Соц. Труда (1974), д. ч.
АПН СССР (1971). Проф. Моск. конс. (с 1939). Лен. пр. (1972), Гос. пр. СССР
(1946, 1949, 1951, 1980).
- КАМИНКА Эммануил Исаакович
(1902—1972). Актер, мастер худ. слова, з. а. РСФСР (1947).
- КАПЛЕР Алексей Яковлевич
(1906—1979). Сов. драматург, з. д. иск. РСФСР, лауреат Гос. пр. СССР.
- КНЯЗЕВА Наталья Георгиевна.
Филолог-романист.
- КОЛЬЦОВ (Фридлянд) Михаил Ефимович
(1898—1942). Рус. сов. писатель, ч.-к. АН СССР (1938).
- КОРНЕЕВА Алла Ивановна
(р. 1938 г.). Преподаватель литературы, з. учитель России. Руководитель лит.
клуба «Дым Отечества» в СПб.
- КРАСНЯНСКИЙ Эммануил Борисович
(1892—1982). Режиссер, драматург. З. д. и. РСФСР (1956).
- КУЗМИН Михаил Александрович
(1875—1936). Рус. сов. поэт, беллетрист, композитор. Уч.-к Н. А. Римского-
Корсакова. Выступал как муз. критик.
- КУРИХИН Федор Николаевич
(1888—1951). Рус. актер. Выступал на сценах провинциальных т-ров, Москвы,

Петрограда. С 1924 г.— в Моск. т-ре сатиры. Мастер эпизода, комедийных импровизаций. З. а. РСФСР. Снимался в кино с 1915 г. Лучшие роли в к/ф «Веселые ребята», «Цирк», «Вратарь», «Богатая невеста», «Солистка балета». Один из ведущих актеров «Кривого Джимми». Ближайший друг Н. Агнивцева.

КУШЛИНА Ольга Борисовна.

Канд. филол. наук.

ЛАБИНСКИЙ Андрей Маркович

(1871—1941). Рус. сов. арт. оперы (тенор) и педагог. Написал музыку к оперетте-буффонаде на текст Н. Я. Агнивцева «Средство от девичьей тоски».

ЛАНДАУ Симона Густавовна.

Театровед, автор книги «Александра Перегонец. Судьба актрисы».

ЛЕСМАН Моисей Семенович

(1902—1985). Пианист. Собиратель книг и рукописей.

ЛИНДЕРМАКС (настоящая фамилия Гариель Лёввель).

(1883—1925). Французский киноактер. В 1963 г. во Франции был сделан монтажный фильм «В компании Макса Линдера».

МАРДЖАНОВ (Марджанишвили Котэ) Константин Александрович

(1872—1933). Режиссер, драматический актер, педагог, театральный деятель.

МАРИЕНГОФ Анатолий Борисович

(1897—1962). Поэт, прозаик, драматург.

МАРКОВ Владимир Федорович

(р. в 1920 г. в Петрограде). Живет в США, профессор-славист. В 1997 г. издал в СПб. Антологию «100 русских поэтов».

МАСС Владимир Захарович

(1896—1979). Рус. сов. драматург, поэт.

МОНАХОВА Елена Николаевна

(р. 1948). Филолог. Исследователь тв-ва М. А. Булгакова. Сотр. отд. экспозиции Всероссийского музея им. А. С. Пушкина. Пишет стихи, мемуарную прозу, иллюстрирует печатные издания. Член Всемирного клуба петербуржцев.

НЕВЕРОВА Елена Николаевна.

Актриса, жена актера Курихина, работала вместе с мужем в театре «Кривой Джимми» на ведущих ролях. Друг Н. Я. Агнивцева.

НАСИЛОВА Галина Яковлевна

(р. в 1935 г. в Ленинграде). Преподавала русский язык и литературу в школах Ленинграда в течение 30 лет. С 1995 г. живет в Москве. Преподаватель-методист русского языка в МГУ.

ПЕРЕГОНЕЦ Александра Федоровна

(1895—1944). Блистательная актриса, ученица А. П. Петровского, М. Г. Савиной, Н. В. Петрова. Ведущая актриса т-ра «Кривой Джимми» З. а. РСФСР. Перед войной работала в Симферопольском театре. Казнена фашистами 10 апреля 1944 г.

ПЕТРОВ Николай Васильевич

(1890—1964). Режиссер, актер, педагог. Н. арт. РСФСР (1945), д-р иск-вед. (1946), с 1946 проф. ГИТИСа, лауреат Гос. пр. СССР (1948).

ПЕТРОВСКИЙ Андрей Павлович

(1869—1933). Режиссер, актер, педагог.

ПИЛЬСКИЙ Петр Моисеевич

(1876—1941). Журналист, писатель, литературный критик. Использовал 12 псевдонимов. Работал в Риге. Умер в Риме.

- ПРИВАЛОВ Николай Иванович
(1868—1928). Рус. сов. музыкант-этнограф, дирижер и композитор.
- ПРОКОФЬЕВ Сергей Сергеевич
(1891—1953). Сов. композитор, пианист, дирижер, народный арт. РСФСР (1947). Проф. Моск. конс. (с 1933 г.), Лауреат Лен. пр. (1957), Гос. пр. СССР (1943, 1946 — трижды, 1947, 1951).
- РАФАЛОВИЧ Сергей Львович
(1875—1943). Поэт. Эмигрировал в 1921 г.
- САРАЕВА-БОНДАРЬ Августа Михайловна
(р. 1925). В Ленинграде живет с 1926 г. Историк-искусствовед. Засл. раб. культуры России. Автор 7 книг и художественных альбомов. 22 года работала ст. н. с. Музея истории Ленинграда по теме «Культура и иск-во Ленинграда». Автор 184 постановок театральных обзрений и народных праздников в Ленинграде.
- СТАНИСЛАВСКИЙ (Алексеев) Константин Сергеевич
(1863—1938). Режиссер, актер, теоретик сценического искусства. Создатель и рук. (совм. с Немировичем-Данченко) Моск. Худ. т-ра, нар. арт. СССР.
- СОЛНЦЕВА Юлия Ипполитовна
(1901—1989). Сов. актриса, режиссер кино, нар. арт. СССР, лауреат Гос. премии СССР.
- САВИНА Мария Гавриловна
(1854—1915). Рус. актриса. Одна из организаторов и предс. Рус. театр. о-ва (ныне Всероссийского). Основала Дом ветеранов сцены.
- СОКОЛЬСКИЙ Константин Тарасович
(р. в 1904 г. в Петербурге). Учился и работал в Латвии. Известный эстрадный певец 30-х — 70-х годов.
- СТРАДЕЦКАЯ Мария Михайловна
(в замужестве Зейлигер). (1906—ок. сер. 90-х годов). Автор восп. о т-ре «Кривой Джимми».
- СУДЕЙКИНА Клавдия Сергеевна.
Одна из популярных актрис т-ра «Кривой Джимми».
- ТИХВИНСКАЯ Людмила Ильинична.
Кандидат искусствоведения.
- ТОМАШЕВСКАЯ Ольга Борисовна
(р. 1942). Актриса, педагог, режиссер литературного театра. Руководитель школьного клуба «Пушкинский Петербург».
- ТОМОШЕВСКИЙ Юрий Валентинович
(р. 1956 г.). Актер, режиссер, педагог. Худ. рук. т-ра «Приют комедианта». З. д. и. России.
- УВАРОВА Елизавета Дмитриевна.
Кандидат искусствоведения. Засл. раб. культуры России.
- ХЕНКИН Владимир Яковлевич
(1883—1953). Драматург и эстрадный актер. Н. а. РСФСР.
- ХОДОТОВ Николай Николаевич
(1878—1932). Артист Александринского т-ра.— Лен. гос. ак. т-ра драмы, чтец.
- ШЕБУЕВ Николай Георгиевич
(1874—1937). Рус. сов. журналист, писатель. Первый издатель Агнивцева и его друг.
- ШЕРШЕНЕВИЧ Вадим Габриэлевич
(1893—1942). Поэт, драматург, переводчик, режиссер, театр. критик.

- ЭККЕРТ Фердинанд Фердинандович
(1865—1941). Рус. композитор, валторнист и дирижер. З. д. иск. РСФСР
(1931). Проф. Моск. консерв.
- ЭРДМАН Николай Робертович
(1902—1970). Рус. сов. драматург. Лауреат Гос. пр. СССР (1951).
- ЭРЕНБУРГ Илья Григорьевич
(1891—1967). Рус. сов. пис., общ. деят. Лауреат Гос. пр. СССР (1942, 1948).
Межд. Лен. пр. (1952).
- ЮРГЕНСОН Юрий Александрович
(умер в 1926 г.). Дирижер, композитор, эстрадный артист.
- ЮТКЕВИЧ Сергей Иосифович
(1904—1985). Сов. режиссер и теоретик кино. Художник, нар. арт. СССР
(1962). Герой Соц. Труда (1974). С 1940 г. проф. ВГИКа. Д-р искусствоведения.
Лауреат Гос. пр. СССР (1941, 1947, 1967).
- ЯРОН Григорий Маркович
(1893—1963). Сов. артист, режиссер. Н. а. РСФСР (1940).

После выхода книги...

Выход книги Ефима Куферштейна «Странник нечаянный» воспринят читателями с большим интересом. Несмотря на годы замалчивания имени Агнивцева, о нем помнили, его стихи часто исполнялись в семьях потомственных петербуржцев. Об этом сообщает в обращении «К читателю» писатель Илья Фояков. О том же свидетельствует рецензия писателя Юрия Ракова. Последний подарил составителю книги текст озорного стихотворения Агнивцева о «Фоксе», записанного со слов матери, Надежды Петровны, которая часто цитировала стихи любимого поэта.

Неожиданностью для многих стали сведения о роли Агнивцева в становлении русских театров миниатюр, а также глава «Агнивцев и музыка».

За короткий срок от первого представления книги на Торжественной Ассамблее «Всемирного клуба петербуржцев» 14 января 1998 года, посвященной 7-й годовщине со дня рождения Клуба, до ее презентации в Доме архитектора 4 февраля появились новые произведения на тексты поэта. Автор-исполнитель Владимир Москвин к прежним двум романсам на стихи Агнивцева добавил сочиненный специально для презентации романс «На рассвете», исполненный им в сопровождении гитары, а позднее еще романсы «Санкт-Петербург» и «План города С.-Петербурга». Владимир Москвин написал первый романс на стихотворение Ефима Куферштейна «Мне не забыть тот тихий летний вечер...».

Руководитель школьного литературного клуба «Дым Отечества» Алла Корнеева положила на музыку «Белый вальс» Агнивцева, с которым члены клуба выступили на презентации.

Составителю прислали поэму Агнивцева «История дома Романовых» (1917 г.), неизвестную автору книги. Корректуру статьи об Агнивцеве для готовящегося издания «Биографического справочника

русских писателей XX века» подарил литературовед Вячеслав Попов. Свое впечатление о книге изложил 16 февраля в передаче петербургского радио «У книжного прилавка» Илья Фоянков, отметивший особую ценность стихов Агнивцева, опубликованных в книге.

Появились рецензии в «Петербургской газете», в «Вечернем Петербурге», в литературном приложении к «Независимой газете», в журналах «Петербург-классика», «Питерbook» и другие. Приводим некоторые из них с небольшими сокращениями.

«Клуб петербуржцев» — организация камерная

...Этот действительно уникальный сборник является первым литературоведческим исследованием творчества Агнивцева. Горожанам его презентовала общественная организация «Всемирный клуб петербуржцев», изначально создававшаяся для поддержки и развития петербургской культуры...

«Петербургская газета», № 3(19) от 06.02.98.

Литераторские мостки

...Недавно в Доме архитектора прошла презентация книги Ефима Куферштейна «Странник нечаянный», заново открывающей для нас поэта и драматурга Николая Агнивцева.

Ефим Куферштейн — прекрасный экскурсовод, краевед и историк Санкт-Петербурга, сам писавший стихи, по крохам собирал материалы, связанные с именем Агнивцева, тринадцать лет. Потрясающая эрудиция, тонкий вкус ценителя русской поэзии помогали ему в работе. Увы, как и его любимый поэт, он ушел из жизни в возрасте 44 лет, не успев дописать, досказать, дожить... труд был продолжен его матерью Симой Матвеевной, которая систематизировала все собранные материалы и подготовила их к печати.

Творчеством поэта также серьезно занимается филолог Ольга Кушлина, опубликовавшая о нем несколько статей. В 1989 году у нас вышло репринтное издание сборника «Блистательный Санкт-Петербург», изданного в Берлине в 1923 году. И это, пожалуй, все, за исключением нескольких упоминаний в энциклопедических словарях. Поэтому появление книги Ефима Куферштейна, конечно, — со-

бытие. В ней собраны биографические материалы, снабженные фотографиями тех лет, вырезками из газет, театральных афиш; и представлена его деятельность в популярных театрах миниатюр — малоизвестная страница в истории отечественной сцены. Отдельная глава посвящена музыке с перечнем произведений, положенных на музыку известнейшими композиторами И. Дунаевским, С. Прокофьевым, Д. Кабалевским, Ю. Юргенсоном, Ф. Эккертом, а также Александром Вертинским. В книгу вошла вся информация и о детских изданиях Агнивцева 20-х годов, до сих пор не переизданных, что есть несомненное упущение для истории литературы.

Приведена также важная для исследователей творчества Агнивцева библиография и, конечно же, сами удивительные стихотворения поэта. Книга издана тиражом всего 500 экземпляров (на деньги издателя Вадима Макарова). Но даже такой маленький тираж способен вернуть современному читателю часть нашей культуры...

*Татьяна Константинова
«Вечерний Петербург», № 24 (21230) от 11.02.98*

Поэт напишет о поэте...

Начало 1998 года ознаменовалось выходом в свет второй книги из фундаментальной юбилейной серии «Библиотеки Всемирного клуба петербуржцев».

4 февраля прошла презентация исследования Ефима Куферштейна о замечательном поэте и драматурге Николае Агнивцеве — «Странник нечаянный». Певец «блистательного Санкт-Петербурга» был в неминости в ленинградский период истории; книги не переиздавались, но мелодичные строки «песенок» Агнивцева словно растворялись в воздухе этого города, превратились в цветы и листья чугунных оград, в лукавых путти на фасадах старых зданий, в изгибы линий Екатерининского канала. Здесь всегда сохранялась память о поэте.

Закономерно, что первую книгу о Николае Агнивцеве создал не филолог, а краевед. Ефим Куферштейн часто читал на экскурсиях по городу стихи Николая Агнивцева и не потому только, что любил литературу Серебряного века и сам был не чужд поэтическим опытам, но и потому, что видел Петербург-Ленинград глазами Агнивцева — как столетия дрящущийся праздник, как нежную тайну и завораживающую гармонию. И Николай Агнивцев, и его исследователь, Ефим

Куферштейн, опровергали созданный русской литературой миф о мрачном, жестоком и безрадостном городе.

Николай Агнивцев, один из создателей и единственный сценарист кабаре «Кривой Джимми», создал вокруг себя легкое поле веселья, любви, искрометного поэтического, театрального и музыкального творчества. Большая часть исследования Ефима Куферштейна построена на его собственных архивных разысканиях, повествует о сценической деятельности поэта и об истории музыкальных переложений стихов (уникальны сведения о творческом сотрудничестве Агнивцева с молодым И. Дунаевским).

Читателю может показаться, что писалась эта книга тоже легко и радостно. Но этот труд увидел свет только благодаря подвижнической деятельности матери Ефима, Симы Матвеевны Куферштейн, по черновикам и магнитофонным пленкам экскурсий воссоздавшей то, что автор не успел завершить. Ефим Куферштейн трагически погиб четыре года назад, в возрасте 44 лет, в том же возрасте, что и Н. Агнивцев.

Ольга Кушлина

«Поэт и больше ничего»

Такие слова написал в анкете Н. Я. Агнивцев, известный больше за границей, чем у нас. Его книга «Блистательный Санкт-Петербург» была издана в Берлине, потом в Сан-Франциско небольшим тиражом у нас, после чего стала библиографической редкостью. Е. З. Куферштейн около тринадцати лет занимался изучением творчества поэта. Итогом этой работы явилась книга «Странник нечаянный», презентация которой приурочена ко дню рождения Куферштейна (19 января 1950 г.) и 300-летию со дня основания Петербурга. Такое совпадение закономерно, поскольку с нашим городом связаны судьбы поэта и драматурга Агнивцева и краеведа, историка, экскурсовода Куферштейна. Ефим Зусевич Куферштейн собрал около 400 стихотворений Николая Яковлевича Агнивцева.

Название книги довольно точно определяет судьбу того и другого. Странниками были оба. Оба изъездили страну с севера на юг и с запада на восток. Эпитет «блистательный» еще больше сближает этих двух очень оригинальных людей, поэта и исследователя его творчества. Таким хотелось бы видеть город тому и другому. Между тем оба были знакомы с «обратной стороной медали», с задворками города,

с теми историческими потрясениями, которые он испытывал. Последнее обстоятельство окрашивало в тона грусти, хандры, «сплина» изящную поэтическую иронию Агнивцева и в более сильных выражениях вылилось в стихах Куферштейна. Обоим было отпущено 44 года жизни.

Есть, конечно, и то, что их разделяет. Агнивцев родился в Москве, Куферштейн — в Ленинграде; один из них дворянин, другой «простой советский человек», служащий; один учился на историко-филологическом факультете Петербургского университета, другой экономист.

Нас интересует: как тот, другой, чувствует слово, вживается в историю родного города. У него камни, стены говорят («Такие обычные дома»). А многообразии интересов: литература, живопись, музыка, история — все это вошло в его работу, лекторскую, краеведческую, поэтическую, экскурсионную.

«Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется...» (Тютчев). А вот простые, искренние строки Куферштейна:

Богат и прекрасен ты, русский язык,
Язык мужиков и поэтов,
Ученых, рабочих, солдат и ткачих...
Люблю тебя, русский, за это.

Е. З. Куферштейн — автор более 200 лекционных и экскурсионных тем по истории России. Два четверостишия, прочитанные на презентации книги, кратко, емко и точно выражают его взгляд на прошлое и настоящее города:

ГОСТИНИЦА «ЛЕНИНГРАД»

На все взирая с Кировского моста,
Сделал вывод я весьма печальный:
Гениальное всегда, конечно, просто,
Но не все, что просто, гениально.

ЛЕБЯЖИЙ МОСТ

Лебяжий мост, конечно, не сравнишь
С иным пятипролетным исполином,
Но, хоть он мал и скромнень, словно мышь,
Зато, как кошка, выгибает спину.

В обычном он умел увидеть поэзию. В модерне домов № 58 и 60 по улице Некрасова — жизнь и судьбы интересных людей. Появилась книга «Такие обычные дома»...

Отрывки из выступлений свидетельствуют о той атмосфере участия и соучастия в сохранении культурных ценностей, которая сложилась во всех делах Всемирного клуба петербуржцев. Книга, изданная на

средства Вадима Макарова, красива, интересна, ее приятно держать в руках. Ведущая, председатель правления клуба Валентина Орлова, и все выступавшие придали этому вечеру характер взволнованности, документальности и уважения к памяти двух замечательных людей России.

Запомним этот день, 4 февраля 1998 года, в Доме архитектора (Б. Морская, д. 52).

*О. Я.
Журнал «Петербург-классика», № 3, март 1998 года*

Таким образом жизнь подтвердила своевременность появления первого серьезного исследования о Николае Агнивцеве.

Надеемся, что оно станет хорошим стимулом для привлечения к поиску новых агнивцеведов. В этом убеждают и замечательные архивные находки старшеклассницы, слушательницы 2-го курса юношеского Университета Петербурга Маши Малакеевой, второй год работающей над биографией Агнивцева. Уверены, что этой скромной, умной и увлеченной девушке предстоит большое будущее в науке, а биография Агнивцева уточняется и пополняется новыми подробностями.

Тираж «Странника нечаянного» не смог удовлетворить всех желающих приобрести книгу. Поэтому решено выпустить второе издание.

Составитель С. Куферштейн

СОДЕРЖАНИЕ

К читателям	3
Первые шаги	5
Встречи в пути	13
Иду, пою и жадно пью отраву бытия	22
Бродячие комедианты... Театр «Би-ба-бо»	28
Под новым названием	43
Я не один: со мной тоска моя	51
Снова русский	63
Тихий голос	62
Агнивцев и музыка	70
Смерть у ног искусства	78
Тревогой обуян	83
Послесловие	95
Н. Агнивцев. Мои песенки. Стихи	101
Приложения	146
Перечень книжек для детей, изданных Н. Агнивцевым	146
Перечень произведений Н. Я. Агнивцева, исполнявшихся в театрах миниатюр	147
Перечень произведений Н. Я. Агнивцева, положенных на музыку и хранящихся в РНБ Санкт-Петербурга	147
Перечень сочинений И. О. Дунаевского на тексты Н. Я. Агнивцева	148
Комментарий	150
Использованная литература	150
Именной указатель	153
После выхода книги	158

ОБ АВТОРЕ

Ефим Зусевич Куферштейн (1950—1994) родился в Ленинграде. Известный экскурсовод, краевед и историк Петербурга. Автор более двухсот оригинальных лекционных и экскурсионных тем по истории России. Петербург представлен в его творчестве особенно глубоко: «История Петербурга в царствованиях (от Петра I до Николая I)», «Знаменитые петербургские династии», «Петербургские некрополи», «Российский императорский дом. Великокняжеские семейства и их дворцы», «Храмы Петербурга», «Они строили Петербург». Здесь рассказано о личностях зодчих, инженеров и общественных деятелей, которые участвовали в строительстве Петербурга... Эти и множество других тем давали жителям и гостям нашего города во многом новые представления о Петербурге, создавали автору репутацию неординарного экскурсовода и определили широкую популярность.

Семь лет он читал циклы лекций в Государственном музее истории Санкт-Петербурга и в Доме дружбы и мира. Помимо многочисленных газетных публикаций изданы три книги: «Улица Пестеля» (соавторы К. Борисов и О. Рубинчик), «Царская родня Нарышкины» и «Такие обычные дома».

Е. Куферштейн знал и любил русскую поэзию. Экскурсии по городу сопровождал чтением стихов, особенно Н. Агнивцева — автора поэтического сборника, целиком посвященного Петербургу. Около тринадцати лет занимался изучением жизни и творчества поэта.

«СТРАННИК НЕЧАЯННЫЙ» — первая книга о поэте и драматурге Агнивцеве.

СТРАННИК НЕЧАЯННЫЙ
Куферштейн Ефим Зусевич

Технический редактор Т. А. Румянцева
Литературный редактор Г. В. Голубева

Редакционный совет
«Библиотеки Всемирного клуба петербуржцев»:

В. Т. Орлова (председатель),
Н. Е. Денисенко, Ю. Г. Димитрин, Е. М. Егоров, Л. И. Емельянова,
А. Ф. Печникова, А. С. Селезнёв, А. Г. Тихомиров

- © Е. З. Куферштейн. 1997 г.
- © И. О. Фоняков, предисловие. 1997 г.
- © С. И. Дубовская, оформление обложки. 1997 г.
- © ООО «Раритет-М», оригинал-макет. 1997 г.

Всемирный клуб петербуржцев. 190000, СПб, Исаакиевская пл., 6
АР № 065680 от 19.02.98 г.
«Раритет-М» 198005, Санкт-Петербург, наб. Обводного кан., 217
Подписано в печать 10.04.98. Формат 70×100¹/₁₆. 10,5 печ. л.
Тираж 500 экз. Заказ 683

Санкт-Петербургская типография «Наука», РАН.
199034, Санкт-Петербург, 9 линия ВО, 12

*ВСЕМИРНЫЙ КЛУБ
ПЕТЕРБУРЖЦЕВ*

В канун трёхсотлетия основания Санкт-Петербурга **ВСЕМИРНЫЙ КЛУБ ПЕТЕРБУРЖЦЕВ** осуществляет долгосрочный издательский проект — создание **БИБЛИОТЕКИ ВСЕМИРНОГО КЛУБА ПЕТЕРБУРЖЦЕВ**, посвященной петербургской культуре XX века. Героями книг этой серии станут как всемирно известные деятели культуры, жизнь или творчество которых связано с Петербургом, так и творчески яркие, но не всегда знакомые широкой публике петербуржцы, имена которых смогут достойно дополнить и обогатить художественную панораму петербургской культуры.

Вышла в свет книга:

Юрий Димитрин «**НАМ НЕ ДАНО ПРЕДУГАДАТЬ**»
Размышления о либретто оперы Д. Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда»

Готовится к изданию:

«**ЛЕГЕНДА О МАСКАРАДЕ**»
Мейерхольдовский «Маскарад» на Александринской сцене.
Материалы Всероссийской конференции и воспоминания участников спектакля
(совместное издание с Александринским театром)

ВСЕМИРНЫЙ КЛУБ ПЕТЕРБУРЖЦЕВ

Клуб, объединяющий «на берегах Невы» людей, осознавших масштаб и нравственное значение культуры своего великого города, создан в 1991 году. Облик Клуба, его стиль, панорама его деятельности, одна из задач которой — развитие культурных традиций города, неотделимы от общественно-художественной жизни сегодняшнего Санкт-Петербурга.

Трижды в год — 7 января в день рождения клуба, 27 мая в день рождения города и в сентябре, открывая очередной сезон, **В С Е М И Р Н Ы Й К Л У Б П Е Т Е Р Б У Р Ж Ц Е В** и его Президент — член-корреспондент Российской Академии наук, директор Государственного Эрмитажа Михаил Борисович Пиотровский — созывают гостей на свои Торжественные Ассамблеи, неизменно оказывающиеся значительным событием культурной палитры города.

Основу деятельности Клуба составляют еженедельные творческие собрания. Темами таких встреч могут быть и обсуждение важного для города или страны события, и театральная премьера или художественная выставка, и презентация созданной членом Клуба книги или проведение организованного Клубом городского конкурса школьников «Моя петербургская родословная». Традиционными для петербуржцев стали «Петербургские вечера» — культурно-историческая программа Клуба, посвящённая развитию города от его основания до наших дней. Растёт интерес петербуржцев к издательской деятельности Клуба, выпускающего два альманаха с публикациями стихов, прозы, статей и воспоминаний петербуржцев. В преддверии трехсотлетнего юбилея со дня основания города Клуб осуществляет выпуск Библиотеки **В С Е М И Р Н О Г О К Л У Б А П Е Т Е Р Б У Р Ж Ц Е В**, каждая книга которой посвящена той или иной яркой личности петербургской культуры XX-го века.

Клуб — некоммерческая организация. Его капитал — это люди, не равнодушные к судьбе города. В составе Клуба — творческая и научная интеллигенция, предприниматели, финансисты, видные общественные деятели. Среди членов Клуба и живущие за пределами России представители известных, корнями связанных с Петербургом российских родов. Клуб открыт для сотрудничества со всеми, кто осознаёт неповторимость культурного наследия города, ощущает потребность участвовать в его духовном развитии. И эта открытость — незыблемый принцип **В С Е М И Р Н О Г О К Л У Б А П Е Т Е Р Б У Р Ж Ц Е В**, «Всемирного» ещё и потому, что культура Санкт-Петербурга — всемирное достояние, требующее всемирных забот.